

Институт философии РАН
Русское общество истории и философии науки

**Первый Конгресс Русского общества истории и
философии науки
«История и философия науки в эпоху
перемен»**

Том 3

Сборник научных статей

Москва
Русское общество истории и философии науки
2018

УДК 13+16 (08)
ББК 72.3+87.22
И90

Рецензенты:

*Филатов Владимир Петрович, доктор философских наук, профессор
Орлов Михаил Олегович, доктор философских наук, профессор*

*Научная редакция и составление - И.Т. Касавин, Т.Д. Соколова,
В.А. Лекторский, Е.О. Труфанова, В.А. Мазилев, В.Ф. Петренко.*

И90 История и философия науки в эпоху перемен: сборник научных статей / Научн. ред. и сост. И.Т. Касавина, Т.Д. Соколовой, В.А. Лекторского, Е.О. Труфановой, В.А. Мазилова, В.Ф. Петренко: В 6 томах. Т. 3. [Электронный ресурс]. – Москва: Изд-во «Русское общество истории и философии наук», 2018. – 112 с. ISBN 978-5-6041212-2-1. - Режим доступа: <http://rshps.ru/books/congress2018t3.pdf>

ISBN 978-5-6041212-2-1 (Т. 3)

ISBN 978-5-6041212-6-9

В сборнике публикуются материалы участников Первого Конгресса Русского общества истории и философии науки (14-16 сентября 2018 года, Москва). В третий том вошли работы участников секций «Философские проблемы когнитивных наук» и «Философия и история психологии». На Конгрессе рассматриваются современные концептуальные и методологические проблемы истории и философии науки, эпистемологии естественных, технических и социогуманитарных наук.

Для исследователей, преподавателей, аспирантов и студентов, практических работников образовательных и социальных учреждений и общественных организаций.

ISBN 978-5-6041212-2-1 (Т. 3)

УДК 13+16 (08)

ББК 72.3+87.22

*Издается по решению Ученого совета
Института философии РАН.*

*Издание осуществлено при поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ),
проект №18-011-20003 г*

© Русское общество истории и философии науки, 2018

ЧАСТЬ 1

ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ КОГНИТИВНЫХ НАУК

<i>Бакулов В.Д., Силенко С.В.</i> Произойдет ли экспроприация «ценностей» философии после когнитивной революции?.....	5
<i>Даниелян Н.В.</i> Некоторые аспекты формальной рациональности.....	7
<i>Загидуллин Ж.К.</i> Проблема объективности знаний когнитивных наук.....	10
<i>Катречко С.Л., Катречко О.В.</i> Трансцендентализм Канта как предтеча современной когнитивистики.....	13
<i>Краева А.Г.</i> Рефлексивные основания искусства в условиях формирующейся трансдисциплинарности.....	15
<i>Кутырев В.А.</i> Преодоление когнитивности как условие сохранения жизненного мира человека (к философии феноменологического субстанциализма).....	18
<i>Максудова-Елисеева Г.В.</i> Между психологизмом и логицизмом: от Вильгельма Вундта к логическим исследованиям аутизма.....	21
<i>Мамчур Е.А.</i> Копенгагенская интерпретация квантовой теории: проблема ограничений.....	23
<i>Филатова А.А.</i> Нейронаука и гуманитаристика: идеологические основания и методы дисциплинарной колонизации.....	26
<i>Микешина Л.А.</i> Социально-гуманитарные науки – источник фундаментальных проблем эпистемологии.....	29
<i>Михайлов И.Ф.</i> Парадигмы когнитивных наук в исторической перспективе.....	32
<i>Никитина Е.А.</i> Эволюция философско-методологических оснований когнитивной науки..	34
<i>Труфанова Е.О.</i> О месте социокультурного подхода к проблеме сознания в эпоху доминирования когнитивных наук.....	37
<i>Фахрутдинова А.З.</i> Модели рациональности в эволюции теории принятия решений.....	40
<i>Хахалова А.А.</i> Статус субъекта в экстернализме.....	42
<i>Черникова И.В.</i> Системно-эволюционный подход как основание единства когнитивных наук.....	45
<i>Черткова Е.Л.</i> Субъективность как тема философии: этапы становления.....	47
<i>Яковлев В.А.</i> О возможном сближении аналитических и естественнонаучных исследовательских программ сознания.....	50

ЧАСТЬ 2

ФИЛОСОФИЯ И ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

<i>Аллахвердов В.М.</i> Психологическая наука сквозь призму принципа простоты.....	54
<i>Леонтьев Д.А.</i> «Закрытый перелом» 1970-х как веха в истории научной психологии.....	56
<i>Петренко В.Ф.</i> Принцип дополнительности применительно к науке и религии.....	59
<i>Мазилов В.А.</i> Философия психологии: пора становления.....	64
<i>Тульчинский Г.Л.</i> Проблема воли: современные тематизации.....	67
<i>Янчук В.А.</i> Эпистемологический потенциал конструкта «культурно-диалогический интердетерминизм».....	70
<i>Решетников М.М.</i> Новые подходы к основному вопросу философии: прикладные аспекты.....	73
<i>Дорфман Л.Я.</i> Проблема прототипов субъективного пространства.....	76
<i>Зеличенко А.И.</i> Философия науки и философия психологии: гносеология или онтология?....	79
<i>Карицкий И.Н.</i> Философские, теоретические и методологические основания психологической практики.....	82
<i>Бакишутова Е.В., Рулина Т.К.</i> Интеграция vs дифференциация групповых идеологий в отсутствии общественного консенсуса (итоги комплексного анализа социального сознания).....	84
<i>Бусыгина Н.П.</i> Субъект в формациях знания и власти: вариации критических исследований в психологии.....	87
<i>Зеленкова Т.В.</i> Особенности динамики современного психологического знания в условиях разнообразия и неопределенности.....	90

<i>Сенющенков С.П.</i> Об апории психической причинности в классической психологии сознания.....	92
<i>Костригин А.А.</i> Умозрительная психология в России в XIX веке.....	95
<i>Няголова М.Д. Критика С.Л. Рубинштейном картезианского понимания сознания.....</i>	97
<i>Слепо Ю.Н.</i> Роль языка науки в решении некоторых проблем интеграции психологии.....	100
<i>Стояхина Н.Ю.</i> Философская психология богослова Н.М. Боголюбова.....	103
<i>Шадрин Н.С.</i> От смены типов научной рациональности в психологии к их интеграции в контексте становления постнеклассической психологии.....	105
<i>Сурина Л.А.</i> Алхимия индивидуации.....	108

ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ КОГНИТИВНЫХ НАУК

ПРОИЗОЙДЕТ ЛИ ЭКСПРОПРИАЦИЯ «ЦЕННОСТЕЙ» ФИЛОСОФИИ ПОСЛЕ КОГНИТИВНОЙ РЕВОЛЮЦИИ?

Виктор Дмитриевич Бакулов

*Доктор философских наук, профессор
Южный федеральный университет*

Светлана Владимировна Силенко

*Кандидат философских наук, доцент
Южный федеральный университет*

Современные когнитивные исследования носят междисциплинарный характер и рассматривают различные аспекты когнитивной деятельности. Философские исследования ориентированы на изучение познания как целостного феномена. Философия традиционно занимается изучением когнитивной деятельности и встречается с когнитивной наукой во многих областях: логика, языковая философия, философия сознания, философия познания. Интеграция предметных областей когнитивной науки в целостный комплекс знаний предполагает анализ когнитивной деятельности как целостной системы. Основы философской концептуализации когнитивной науки рассматриваются в работах академика В.А. Лекторского. Философское исследование раскрывает концептуальные основы когнитивной науки и определяет "эвристический горизонт" в изучении познания.

Ключевые слова: философия, когнитивная наука, междисциплинарные исследования, познание.

WHETHER THERE WILL BE AN EXPROPRIATION OF "VALUES" OF PHILOSOPHY AFTER THE COGNITIVE REVOLUTION

Viktor D. Bakulov

*DSc in Philosophy, professor
Southern Federal University*

Svetlana V. Silenko

*CSc in Philosophy, associate professor
Southern Federal University*

Modern cognitive research is interdisciplinary in nature and considers various aspects of the cognitive activity. Philosophical research is focused on the study of cognition as an integral phenomenon. Philosophy traditionally deals with the study of cognitive activity and meets with cognitive science in many areas: logic, language philosophy, the philosophy of consciousness, the philosophy of cognition. Integration of subject areas of cognitive science into an integral body of knowledge implies the analysis of cognitive activity as an integral system. The foundations of the philosophical conceptualization of cognitive science are considered in the works of the Academician V.A. Lektorsky. Philosophical research reveals the conceptual foundations of cognitive science and defines a 'heuristic horizon' in the study of cognition.

Keywords: philosophy, cognitive science, interdisciplinarity research, cognition.

Историю взаимоотношения философии с наукой, особенно в Новое время после бурного развития системы опытных наук, очень часто уподобляют истории взаимоотношения

шекспировского короля Лира с его детьми. Подобно королю Лиру, раздавшему свое королевство и оставшемуся ни с чем, философия, особенно в ее натурфилософской ипостаси, также, можно сказать, отдала всё совокупности научных дисциплин. Правда даже те, кто описывал взаимоотношения философии и науки при помощи образов шекспировской драмы, за философией сохраняли в качестве ее собственной предметной области изучение познавательной деятельности людей. Гносеология, а теперь эпистемология, рассматривались не только как определяющий компонент философских учений, но и как неотъемлемая и неприкосновенная область всего философского «королевства».

Однако начиная с последней четверти XX столетия, эпохи характеризуемой как время так называемой когнитивной революции, формулируется постулат о том, что и эта, казалось бы, неотъемлемая область философского знания должна соответственно быть заменена соответствующими разделами современных когнитивных дисциплин. Вот как об этом пишет академик В.А. Лекторский: «Таким образом, эпистемология оказывается перед дилеммой: либо сохраниться как особая философская дисциплина – но для этого нужно серьезным образом учесть современные факты, заставляющие переосмыслить традиционные представления о знании и способах его получения и обоснования, либо исчезнуть ... проблематика эпистемологии ассимилируется современными когнитивными науками» [Лекторский, 2010:7]. Ситуация действительно серьезная, требующая неотлагательного изучения проблематики.

Диапазон изучения познавательных процессов когнитивной наукой в настоящее время настолько широк, что в поле зрения исследователей оказываются достаточно разнородные явления. Это и мышление как сложная совокупность процедур, обеспечивающих процесс формирования знания; и каузальные связи и детерминанты, обуславливающие эволюционный характер познавательной деятельности; и сложная совокупность имманентных и непосредственно данных механизмов и взаимосвязей, определяющих соотношение сознания и мозга; и способы репрезентации объективной реальности в субъективном образе и пр. При этом, взаимодействие философии с когнитивной наукой определяется прежде всего тем, что спецификой философского подхода к познанию выступает его осмысление в качестве целостной системы, на уровне анализа его всеобщих закономерностей. Понимание этого стало находить свое выражение в работах современных исследователей, занимающихся общеметодологическими проблемами когнитивной науки.

Одним из интересных современных подходов в рассмотрении когнитивной архитектуры является гипотеза о том, что познавательный процесс на уровне его целостности можно рассматривать как динамическую систему (Тим ван Гелдер) [Bermúdez, 2014: 403–412]. Динамическая гипотеза рассматривается как возможная альтернатива по отношению к «вычислительной модели» при условии ее достаточной эмпирической проверки. Для понимания сути динамической эволюции необходимо рассматривать деятельность когнитивного агента во взаимодействии с внешней средой, учитывая его возможности формировать когнитивные системы с учетом исходного набора свойств. Философская методология ориентирована на технику аргументации, концептуальный анализ и историческую ретроспекцию. Австрийский исследователь при осмыслении взаимодействия философии и когнитивной науки представляет несколько метафорически оформленных вариантов (ролей) исследователя-философа [van Gelder, 1998: 125-134].

Философия способна ставить проблемы, которые, в свою очередь, могут быть трансформированы в вопросы, доступные для решения методами конкретных наук. Основные проблемы когнитивной науки уже поставлены в философии: природа интеллекта и знания, соотношение мыслительных процессов и деятельности мозга, символическая природа мышления и др. В данном случае философ по отношению в когнитивной науке предстает в роли первооткрывателя (The pioneer).

В философских исследованиях, благодаря использованию концептуального анализа и изучения историко-философского материала, возможно обнаружить допущения, лежащие в основе существующих теорий, исследовать дефекты этих допущений и произвести реконструкции, в случае необходимости, того теоретического фундамента, в рамках которого стали возможны данные допущения. Философская рефлексия позволяет сформировать целостное видение проблем, имеющих конкретно-научный характер. Здесь философ выступает в роли инспектора-строителя (The building inspector).

Зачастую возникает впечатление оторванности философии от науки, но это не так. Философия ставит проблемы большей степени общности, которые способны задать новые

эвристические горизонты. Так, например, философов и когнитивистов интересуют одни и те же вопросы, касающиеся формирования визуального образа, его связи с формированием желания и др. Психология и нейробиология используют различные специальные методы для получения конкретных ответов на эти вопросы. Философы, столкнувшись с такими вопросами, формулируют общую проблему – как возможно многообразие когнитивных интерпретаций при идентичности когнитивных систем. Здесь философ исполняет роль дзэн-монаха (The Zen monk).

Работа философии по теоретическому осмыслению оснований междисциплинарности когнитивной науки тесно связана с работой по накоплению, хранению и систематизации идей и исследовательских программ прошлого. Оперирование теоретическим знанием прошлого позволяет эффективно решать задачи, являющиеся актуальными для современных исследований. Примером такого рода деятельности является критика Х.Дрейфузом теории искусственного интеллекта с точки зрения исследования возможности для искусственной системы понимать высказывания естественного языка. Дрейфус пришел к выводу, что понимание имеет контекстный характер и существование когнитивной системы, способной к внеконтекстному пониманию – невозможно. При разработке собственной аргументации Дрейфус использовал идеи Декарта, Канта, Фреге, Хайдеггера, Мерло-Понти, Витгенштейна. В этом случае философ играет роль архивариуса (The archivist).

Вследствие того, что философия является хранителем накопленной человеческой мудрости, она приобрела статус своего рода эксперта по выявлению значимых идей. На этой основе возникает симбиоз между философами и представителями когнитивной науки. Так, философы участвуют в изучении искусственного интеллекта, в разработке коннекционистских моделей, в исследованиях в рамках компьютерной нейронауки. Это можно определить как роль добродушного лидера (The cheerleader).

Философское исследование позволяет обнаружить достаточно уязвимые места когнитивной науки, чем вынуждает последнюю к острой и быстрой реакции. Возникающая в этом случае дискуссия способствует постановке новых теоретических проблем и формированию новых исследовательских ниш. Ярким примером такого рода деятельности является критика Дж. Фодором и З. Пилишином концепции коннекционизма. Эта роль философа обозначается как жалящий овод (The gadfly).

В свете вышеизложенного, хотелось бы исходить из отрицательного ответа на поставленный в названии работы вопрос. Из того, что взаимодействие философии и когнитивных дисциплин будет плодотворным и взаимно полезным.

Литература

1. Лекторский В.А. Эпистемология и исследование когнитивных процессов. // Эпистемология вчера и сегодня / Отв. ред В. А. Лекторский. М.: ИФРАН, 2010. С. 7.
2. Bermúdez J.L. Cognitive science. An Introduction to the Science of the Mind. Second Edition. - Cambridge University Press, 2014. P.403–412.
3. van Gelder T. The Roles of Philosophy in Cognitive Science // Philosophical Psychology. 1998. Vol. 11. No. 2. P. 125–134.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМАЛЬНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

Наира Владимировна Даниелян

*Доктор философских наук, профессор кафедры философии, социологии, политологии
Национальный исследовательский университет «МИЭТ»*

В докладе рассматривается построение формально-рациональной модели субъектом познания в ходе его конструктивной деятельности, которая включает языковые явления и нацелена на объективную проверку действительности полученного знания. Автор рассматривает интенциональность когнитивной деятельности в качестве идеи динамического отношения субъекта к реальности, в которой имеет место его активность. На этом основании в докладе делается вывод, что в настоящее время эпистемология все более и более понимается как переход от

постулирующего разума к разуму интерпретативному, опирающемуся на множественность и открытость системы познания.

Ключевые слова: формально-рациональная модель, субъект, познавательный процесс, конструктивизм, интенциональность, междисциплинарный синтез, современная эпистемология.

SOME ASPECTS OF FORMAL RATIONALITY

Naira V. Danielyan

DSc in Philosophy, professor

National Research University of Electronic Technology

The paper considers making of a formal rational model by subject of cognition as a result of his constructive activity. The model includes language phenomena and is aimed at an objective verification of knowledge validity. The author examines intentionality of cognitive activity as an idea of subject's dynamic attitude to the reality where this activity occurs. On these grounds the report concludes that epistemology is more and more understood as a transition from a postulating mind to an interpretative mind, relying on the multiplicity and openness of cognition system.

Keywords: formal rational model, subject, cognition process, constructivism, intentionality, interdisciplinary synthesis, modern epistemology.

Сегодня не вызывает сомнения, что субъект – это телесный индивид, обладающий определенными мотивационно-смысловыми структурами, к которым относятся особенности индивидуальной психики, личностные предпочтения и прочее. Он включен в определенную социокультурную среду, которая влияет на его коммуникативные и иные отношения с другими людьми. Следовательно, «субъект существует только в единстве Я, межчеловеческих (межсубъектных) взаимоотношений и познавательной и реальной активности» [Lenk, 2003: 155], вследствие чего происходит процесс взаимодействия различных субъективных позиций в случае их своеобразия и специфичности. Процесс познания может осуществляться не только отдельным человеком, но и группой или даже коллективом. Достижение консенсуса становится возможным посредством преодоления его участниками своих субъективных взглядов в пользу рационально мотивированного согласия. Важными становятся коммуникативные практики, которые порождают ту или иную форму взаимодействия участников процесса познания. Изменение состава участников коллективного субъекта не всегда влияет на его изменения.

В современной теории конструктивизма [Kelly, 1970: 1–29] полагается, что знание об объекте не есть отражение или презентация чего-то внешнего, какой-то автономной от познающего субъекта реальности, так как познание есть активный процесс конструктивной деятельности субъекта. Познание служит организации внутреннего мира субъекта, а не описанию объективной онтологической реальности. Поскольку субъект конструирует восприятие, то данные конструкты могут согласовываться не с онтологическим миром (в смысле воспроизведения), а соответствовать только общей концепции опыта. Если полученное знание соответствует реальности, то это означает совпадение конструкта с воспринимаемым миром, который может быть как субъективным, так и физическим.

Так, при построении формально-рациональной модели наиболее широко используются методы абстракции и идеализации. Такая модель, как и любая другая, отображает наиболее существенные свойства оригинала, пренебрегая второстепенными. Обращаясь непосредственно к понятию научной теории, становится очевидным, что модель строится на гипотезе о возможном устройстве оригинала, представляет собой его аналог с переносом знания с модели на оригинал и обратно в ходе проведения эксперимента в случае его возможности. Таким образом, любая модель – это результат конструктивной деятельности, включающая в себя языковые явления и нацеленная на объективную проверку истинности знаний.

М.М. Бахтин развивает «ценностно-ориентированную» культурную модель, полагая, что благодаря ней отдельные высказывания приобретают смысл [Бахтин, 1986: 5–70]. Он отмечает, что такая модель направлена на построение диалогических отношений: «Единственно адекватной формой словесного выражения подлинной человеческой жизни является незавершимый диалог» [Бахтин, 1979: 317], при этом диалогичность рассматривается как

особая форма взаимодействующих между собой равноправных и равнозначных сознаний (в том числе и диалогическое отношение говорящего к собственному слову). Таким образом, основа подобной модели – понимание диалога не как обмена словами, а как обмена мыслями.

Современные российские философы уделяют значительное внимание пониманию и сущности формальной рациональности в рамках теории познания. В.И. Аршиновым и Я.И. Свирским разработана концепция «рефлексивно-коммуникативной» познавательной деятельности субъекта на современном этапе развития науки, исходя из теории самоорганизации [Аршинов, Свирский, 2009: 530–543]. О.Н. Астафьевой исследуется возможность синергетического дискурса коммуникативно-рациональных процессов [Астафьева, 2009: 564–590], а Г.Б. Гутнером – о представлении личности как коммуникативной универсалии [Гутнер, 2012: 376–395]. Этими учеными подчеркивается, что в последнее десятилетие в социально-гуманитарном познании в качестве преобладающего методологического направления утвердилась парадигма рациональности, в основе которой лежит построение и ведение диалога с помощью коммуникативных средств. Она ведет к преодолению замкнутости, жесткой регламентированности познавательных средств и догматизма в науке, тем самым открывая перед научным сообществом новые перспективы в познании сложных проблем современности.

В данном ракурсе представляется плодотворной идея интенциональности Э. Гуссерля, берущая за основу формирование представлений о взаимодействии сознания субъекта и познаваемого им объекта, при этом предметная интерпретация субъективных ощущений раскрывается в потоке феноменологического бытия [Гуссерль, 2010]. Данный подход рассматривает межсубъектные связи относительно формального и трансцендентального логического обоснования познания. Феномены признаются существующими, однако какие-либо рассуждения об их природе не приводятся. Немецкий философ российского происхождения Н. Гартман противостоит данной позиции, полагая, что бытие не исчерпывается феноменами. Он отмечает: «Нельзя познать феномены, не познавая одновременно в известной мере также в себе сущее, проявляющееся в них» [Hartmann, 1940: 210]. Н. Гартман выступает за интенциональность познавательного акта, причем, в отличие от мышления, «пустого» познания не существует. «Познание всегда трансцендирует, в нем всегда речь идет о предмете, как он есть, а не как он помыслен. Все его инструменты имеют значение для постижения предмета» [Гартман, 1997: 469]. Следовательно, под трансцендентностью акта познавательной деятельности субъекта им понимается выход за пределы сознания и появление связи с независимым от него объектом. Выглядит на сегодняшний день достаточно сомнительно, однако Н. Гартман полагает, что без трансцендентных актов сознание человека было бы замкнутым, основанным только на собственных мыслях и представлениях. Как представляется, рациональной здесь является идея о динамическом отношении субъекта к реальности, в которой имеет место его активность. Однако в современной эпистемологии речь идет о нерасторжимости единства субъекта и объекта в виде их «принципиальной координации». Сегодня в связи с бурным развитием науки и техники человек превращается во все более технологизированное существо, сохраняя при этом присущую ему разумность. Как тело, так и его сознание становятся неотъемлемой частью комплексных как социокультурных, так и социотехнических систем, непосредственно включенных в постоянный обмен смыслами реально или виртуально, что ведет к получению релевантной интерпретации информации вследствие «синхронизации потоков сознания» участников коммуникации. Таким образом, в результате построения междисциплинарной модели может произойти синтез общеполитических, эпистемологических, социологических, психологических и других когнитивных практик, задающих «культурно-антропологическую размерность познавательной деятельности человека» [Смирнова, 2014: 12–13].

В качестве вывода хотелось бы отметить, что современная эпистемология все более понимается как переход от разума постулирующего, основанного на устойчивом контенте преобладающих в обществе идеологий и познавательных установок, к разуму интерпретативному, опирающемуся на множественность и открытость системы познания. В основании любого познавательного акта находится интенция субъекта познания. Конструирование формально-рациональных моделей приводит к тому, что ни одно знание не является единственным в своем роде. «Современная эпистемология нуждается в категории субъекта, как целостности, содержащей не только когнитивные, логико-гносеологические, но и экзистенциальные, культурно-исторические и социальные качества, участвующие в познании»

[Микешина, 2016: 25]. Этим можно объяснить особую актуальность исследования обозначенных выше направлений в рамках рациональности и смежных областей в качестве системообразующих универсалий современной философии.

Литература

1. Аршинов В.И., Свирский Я.И. Синергетика как интерсубъективная коммуникация // Синергетическая парадигма. Социальная синергетика. М.: Прогресс-Традиция, 2009. С. 530–543.
2. Астафьева О.Н. Синергетический подход к исследованию современных социокультурных процессов: методологические основания междисциплинарного анализа // Постнеклассика: философия, наука, культура. СПб.: Издательский дом «Мирь», 2009. С. 564–590.
3. Бахтин М.М. К переработке книги о Достоевском // М.М. Бахтин. Эстетика свободного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 308–328.
4. Бахтин М.М. Проблема материала, содержания и формы в словесном художественном творчестве // М.М. Бахтин. Сборник литературно-критических статей. М.: Художественная литература, 1986. С. 5–70.
5. Гартман Н. Познание в свете онтологии. Пер. с нем. // Западная философия: итоги тысячелетия. Екатеринбург, Бишкек: Деловая книга, Одиссей, 1997. С. 461–540.
6. Гуссерль Э. Картезианские медитации. Пер. с нем. М.: Академический проект, 2010. 229 с.
7. Гутнер Г.Б. Концепции личности и коммуникативные универсалии. - универсалии // Коммуникативная рациональность и социальные коммуникации. М.: Альфа-М, 2012. С. 376–395.
8. Микешина Л.А. Современная эпистемология гуманитарного знания: междисциплинарные синтезы. М.: РОССПЭН, 2016. 463 с.
9. Смирнова Н.М. Интерсубъективность как концепт науки и философии // Смирнова Н.М. (ред.) Интерсубъективность в науке и философии. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014. С. 3–13.
10. Hartmann N. Der Aufbau der realen Welt. Berlin, Walter de Gruyter, 1940. 189 S.
11. Kelly G. A brief introduction to personal construct theory // Perspectives in personal construct theory. London, New York: Academic Press, 1970. P. 1–29.
12. Lenk H. Grasping Reality: An Interpretation-Realistic Epistemology. Singapore: Scientific Publishing Company, 2003. 282 p.

ПРОБЛЕМА ОБЪЕКТИВНОСТИ ЗНАНИЙ КОГНИТИВНЫХ НАУК

Жан Каримович Загидуллин

*Кандидат философских наук, внештатный научный сотрудник сектора теории познания
Институт философии РАН*

Доклад посвящен анализу организации научных знаний в психологии и влиянию психологии на когнитивные науки. Проанализирована специфика систематики психических явлений психологии, которая определяет границы объекта изучения для всех когнитивных наук, а также представлен феномен «обратимости» психологических знаний (знания-описания легко трансформируются в знания-предписания и обратно) и его влияние на когнитивные исследования.

Ключевые слова: знание, психология, когнитивная наука, философия науки, эпистемология, теория социальных эстафет.

OBJECTIVITY OF KNOWLEDGE OF COGNITIVE SCIENCES AS A PROBLEM

Zhan K. Zagidullin

*CSc in Philosophy, Affiliated Research Fellow
Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences*

The paper is devoted to the analysis of the scientific knowledge organization in psychology and its impact on cognitive sciences. The specifics of the systematics of mental phenomena in psychology is presented, which defines the boundaries of the subject of research for all cognitive sciences, and also describes the "reversibility" of psychological knowledge (knowledge-descriptions are transformed into knowledge-prescriptions and vice versa).

Keywords: knowledge, psychology, cognitive science, philosophy of science, epistemology, theory of social relay.

В начале XX века психология смогла перейти от философских концепций разума к систематическим научным исследованиям. Для этого психологи разработали номенклатуру психической жизни человека, включавшую разнообразные психические процессы, функции, состояния, черты личности и многое другое. Каждый элемент номенклатуры был пригоден для эмпирического изучения [Загидуллин, 2013: 64–67]. Организованные на этой основе исследования и построенные объяснительные теории вывели психологию в лидеры. Психологи начали получать подлинно научные знания, а психология стала претендовать на описание и объяснение *всей* палитры проявлений психической жизни человека.

Благодаря этому психология стала выполнять роль *поставщика методологических образцов и исследовательских программ* изучения сознания и психики для других наук, в том числе регулируя их выбор объекта изучения.

Объект исследования – психика

Именно психология задает для когнитивных наук *систематику (номенклатуру) психических явлений*. Психология соучаствует в определении границ *объекта изучения* этих дисциплин. Типичный эксперимент выглядит следующим образом: нейроученый выбирает элемент психологической номенклатуры (например, краткосрочную память), по отношению к которому исследование предположительно даст новое знание. Он также выбирает процессы в субстрате головного мозга испытуемых (например, активизация зон коры головного мозга), которые соотнесены с упомянутым элементом психологической номенклатуры. Когда благодаря эксперименту обнаруживается закономерность в функционировании мозгового субстрата, тогда нейроученый «переносит» (интерпретирует) обнаруженную закономерность на материале изучаемого психологического явления. И поверх этого строится теория, объясняющая эти закономерности. Понятно, что ни одно когнитивное исследование не может быть проведено без психологической номенклатуры. При этом роль психологии для когнитивной науки – пока безальтернативна, т.к. никакая другая наука не имеет соразмерной по масштабу и детализированности номенклатуры психических явлений.

Систематика (номенклатура изучаемых явлений) это один распространенных способов организации многих знаний в единую систему, в единый организм научной дисциплины [Розов, 2008: 163]. Всякое научное знание дисциплины получает свою «прописку» в этой системе, а каждая ячейка систематики позволяет собирать и обеспечивать взаимную согласованность и непротиворечивость знаний о конкретном элементе систематики. Соответственно история дисциплины – это история заполнения знаниями ячеек систематики.

Психология ведет свою родословную от Античности. Попытка «усмотреть» происхождение дисциплины от древних греков нужна для того, чтобы ввести в оборот и *исторически обосновать* представления о психике как совокупности психических процессов (восприятие, мышление, память, эмоции и пр.). Психология «доказывает» это фундаментальное предположение всей своей историей.

Первое систематическое описание психических явлений было предложено Аристотелем в трактате «О душе», где это было выражением онтологических представлений об иерархии живых существ и их «душах» (растительная, животная, человеческая). Аристотель поделил отправления этих душ на ощущения, чувства, мышление и волю [Аристотель, 1976]. Взяв эти описания за базовые, историки психологии представили дело так, что остальные философы и ученые-психологи, в целом соглашаясь, только уточняли и развивали вышеназванную систематику психических процессов.

К сегодняшнему дню *базовая архитектура* этой систематики практически *не изменилась*. Современные психологи пользуются ею в полном объеме и время от времени даже дополняют «новыми элементами» (креативность, когнитивное бессознательное и т.п.).

История психологии подкрепила эту систематику исторической преемственностью и ссылками на авторитеты, тем самым укоренив в профессиональном сознании. Несмотря на то, что психология не исчерпывается своей историей, следует признать, что знания в ней в значительной степени организованы *по образцам* исторической дисциплины.

Как известно, основной корпус знаний в исторических дисциплинах не может быть *фальсифицирован*, т.к. они привязаны только к шкале времени и потому непротиворечивым образом могут сосуществовать в рамках исторических программ систематизации знаний. Такой способ организации знаний в психологии не позволяет отбраковывать ошибочные знания.

Но именно «историческая» систематика психических явлений была перенесена на исследования психики, т.е. она регулирует выбор объекта изучения когнитивных наук. В итоге когнитивные ученые являются заложниками эпистемологических особенностей знаний о психическом в психологии.

Специфика знаний в психологии

Традиционно эпистемология различает знания-описания и знания-предписания. Первые фиксируют характеристики явления или объекта безотносительно к деятельности, а вторые – дают определенный алгоритм действия. Со времен «гильотины Юма» считается, что между этими двумя типами знания пролегает непреодолимая граница. Но если мы обратимся к материалу научных дисциплин, то картина будет не такой однозначной.

В тех науках, где функционируют онтологизированные знания и где знания «очищаются» от следов процедур по их получению, – водораздел между описанием и предписанием обозначен резко. Описания состава почв Марса и Венеры в астрономии и астрофизике не имеют шансов, даже гипотетически, стать предписанием по созданию подобного рода планет. Имеются научные дисциплины, где преобразования описаний в предписания и обратно – возможны, но они взаимно не симметричны.

В этом плане психология – необычная наука: в ней все знания принципиально «*обратимы*», т.е. описания могут быть трансформированы в предписания и обратно без искажений. Эта делает затруднительным процесс систематизации знаний психологии. В самом деле, как отбраковывать знания, когда изучаемые явления не оказывают «сопротивления»? К тому же у психологов нет средств верификации или фальсификации получаемых знаний. Поэтому программы аккумуляции психологических знаний допускают большой люфт в объектных представлениях, они *не жесткие*. Кроме того, применение критериев когерентной теории истины к знаниям психологии затруднено из-за исторического типа систематизации знаний. Какой смысл отбраковывать якобы неверные знания, когда достаточно найти или создать подходящий объект.

Истинность научных знаний психологии можно установить только по отношению к эмпирическим объектам-посредникам, непосредственно участвующим в психологическом исследовании (эксперименте) [Загидуллин, Иванов, Труфанова, 2016: 103–154]. Иными словами, научные знания в психологии не соответствуют объекту изучения, а *создают* его в рамках экспериментальной или психотехнической практики. Например, не существует людей с описанными психологами личностями, их «создает» психодиагностическая процедура, которая применяется к выборке испытуемых и которая производит селекцию в соответствии с типологией. Это хорошо согласуется с концепцией о том, что истинность научного знания в XXI веке заменяется объективностью, которая означает наличие у теории своих объектов-референтов, по отношению к которым (и только к ним) знание с уверенностью истинно [Агацци, 2017].

Когнитивные науки, заимствуя из психологии знания о психическом, получают от нее и все проблемы организации знаний, что закладывает «мину замедленного действия» под зданием нейронаук. И «разминировать» эту ситуацию смогут ученые только *вместе* с эпистемологами [Кузнецова, Загидуллин, 2014].

Литература

1. Агацци Э. Научная объективность и ее контексты. М.: Прогресс-Традиция, 2017. 688 с.
2. Аристотель. О душе // Аристотель. Соч. в 4-х томах. Т.1. М.: Мысль, 1976. С. 371–448.
3. Загидуллин Ж.К., Иванов Д.В., Труфанова Е.О. Сознание: объяснение, конструирование, рефлексия. М: ИФ РАН, 2016. 169 с.

4. Загидуллин Ж.К. Психология в оптиках философского анализа // Вопросы философии. 2013. №4. С. 59–69.
5. Кузнецова Н.И., Загидуллин Ж.К. Контуры эмпирической эпистемологии на базе теории социальных эстафет // Философия науки. Выпуск 19. М.: ИФ РАН, 2014. С. 101–124.
6. Розов М.А. Теория социальных эстафет и проблемы эпистемологии. М., 2008. 352 с.
7. Фаликман М.В. Когнитивная парадигма: есть ли в ней место психологии? // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 42. С. 3. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n42/1166-falikman42.html> (дата обращения: 13.08.2017).
8. Sejnowski T.J. Summary: Cognition in 2014 // Cold Spring Harbor Symposium Quantitative Biology, 2014. Vol. 79. P. 237–241.

ТРАНСЦЕНДЕНТАЛИЗМ КАНТА КАК ПРЕДТЕЧА СОВРЕМЕННОЙ КОГНИТИВИСТИКИ

Сергей Леонидович Катречко

*Кандидат философских наук, доцент философского факультета
Государственный академический университет гуманитарных наук
E-mail: skatrechko@gmail.com*

Ольга Викторовна Катречко

*Педагог–психолог
МБУ Центр ППМСП «Успех»
E-mail: okatrechko@gmail.com*

Доклад посвящен трансцендентальной философии Канта. В настоящее время существует несколько интерпретаций (прочтений) трансцендентализма. Мы развиваем информационное и семантико–когнитивное прочтение кантовского трансцендентализма. Можно выделить три главных когнитивных новации Канта в области когнитивных исследований: кантовская теория ума, кантовский априоризм и кантовский (трансцендентальный) конструктивизм. Все эти концепции активно развиваются в современной когнитивистике, в том числе и в прикладных исследованиях, например в области искусственного интеллекта и компьютерных наук. На этой основе мы развиваем концепцию трансцендентального конструктивизма.

Ключевые слова: Кант, трансцендентальная философия, трансцендентальный конструктивизм, семантико-когнитивная интерпретация.

KANT'S TRANSCENDENTALISM AS THE PREDICTION OF CONTEMPORARY COGNITIVE SCIENCE

Sergey L. Katrechko

*CSc in Philosophy, Associate Professor of Faculty of Philosophy
State Academic University for the Humanities
E-mail: skatrechko@gmail.com*

Olga V. Katrechko

*Educational psychologist of Centre of psychological
Pedagogical, medical and social assistance "USPEH"
E-mail: okatrechko@gmail.com*

This paper is devoted to Kant's transcendental philosophy. Now there are several interpretations (readings) of it. We develop information, and semantic and cognitive reading of transcendentalism. There are three main Kant's innovations in the area of cognitive research: Kant's theory of the mind (consciousness), the Kantian apriorism and [transcendental] constructivism. All of these three theories are actively developing in modern cognitive science and applied cognitive researches, for example in the area of

artificial intelligence and computer science. On this basis, we are developing the doctrine of transcendental constructivism.

Keywords: Kant, transcendental philosophy, transcendental constructivism, semantic and cognitive interpretation.

Под *трансцендентальным* Кант понимает исследование, «занимающееся... не столько предметами, сколько способом нашего познания предметов, поскольку это познание должно быть возможным a priori» [Кант, 1994, т.3; В 25¹]. Тем самым задается [эпистемологический] *трансцендентальный сдвиг* от изучения предметов к исследованию «способа [их] познания», или человеческой познавательной способности, сущностной особенностью которой является наличие в ее структуре «двух основных стволов ... чувственности и рассудка» [В 29]². В *Предисловии* к 1-му изд. «Критики чистого разума» (далее — *Критика*) Кант выделяет два возможных модуса подобного исследования и говорит о том, что его трансцендентализм следует понимать не *субъективно–психологически* (*субъективная дедукция*; [А XVII]) в качестве анализа наших познавательных способностей (И. Ламберт) и/или решения проблемы (эпи)генезиса априорных представлений (И. Тетенс)³, а *когнитивно–семантически* как решение проблемы *объективности* априорных представлений, то есть возможности их использования в опыте. Об этом Кант пишет в своем письме к Г. Герцу от 21.02.1772, где он впервые излагает замысел *Критики* и определяет главную задачу трансцендентальной философии как разрешение следующей *когнитивно–семантической проблемы [соответствия]*: «Продумывая теоретическую часть... я заметил, что я... упустил из виду и что в действительности составляет ключ ко всей тайне метафизики... Я поставил перед собой вопрос: на чем основывается отношение того, что мы называем представлением в нас, к предмету?» [Кант, 1994, т.8: 490]. Тем самым Кант отдает приоритет не *субъективной*, а *объективной дедукции* [А XVII], призванной обосновать *объективную значимость* (resp. возможность применения в опыте) априорных принципов как «*объективных оснований возможности опыта*» [В 126].

Этим задается когнитивная интенция кантовского трансцендентализма: процесс познания анализируется им не психологически, а как *когнитивно–информационный* процесс и ставится вопрос об объективности познания окружающего мира. Соответственно, познавательные способности: чувственность, воображение, способность суждения, рассудок, разум, — мыслятся Кантом (прежде всего, в его *Критике*) как «органы/устройства» извлечения и переработки информации⁴.

Кант предлагает три главные новации в своей *трансцендентальной когнитивистике*:

1. *Кантовская концепция ума*. Новая структура и соотношение познавательных способностей. Особое внимание хотелось бы обратить на кантовскую концепцию [трансцендентального] схематизма [В 176–87], задача которого «соединить» в процессе познания чувственность и рассудок, а также кантовскую интуицию (нем. *Anschauung*) и (новаторскую) концепцию воображения как «необходимой составной части восприятия» [А 120]. Обратим внимание, что кантовская концепция человеческого ума как системы познавательных способностей может рассматриваться в качестве перспективной базовой модели для разработок в области *computer science* и «искусственного интеллекта» и заменить собой широко используемую сейчас в моделировании мышления (сознания) человека, но уже

¹ Здесь и далее указание на кантовскую «Критику чистого разума» будем давать в стандартной международной пагинации [А (1-е изд.) // В (2-е изд.)].

² Соответственно, наше (по)знание, по Канту, имеет *интуитивно–дискурсивный* характер, т.е. представляет собой синтез чувственных созерцаний (интуиций) и рассудочных понятий. Специфика соответствующего вида предметного познания предопределяется соотношением чувственности и рассудка. Так, если *естествознание* начинается с *чувственного созерцания*, которое впоследствии осмысливается рассудком с помощью понятий (рассудок «распознает» в образе то или иное понятие), то математику Кант определяет как «*познание посредством конструирования понятий*» [В741].

³ Ср. с замечаниями Канта: «Я занимаюсь не эволюцией понятий, как Тетенс..., не анализом, как Ламберт, а только их объективной значимостью» [Ref. 231] и «Тетенс исследует понятия чистого рассудка субъективно (человеческая природа), я – объективно. Его анализ – эмпирический, мой – трансцендентальный» [Ref. 230].

⁴ Подробнее о когнитивно–информационной интерпретации кантовского трансцендентализма см. [Falkenstein, 1995].

устаревшую аристотелевскую концепцию ума (подробнее см. наши работы [Катречко, 2005; Катречко, 2017]).

2. *Кантовский априоризм*, т.е. постулирование в нашем уме априорных форм чувственности и рассудка. Эта тема оказалась очень востребованной в современной эпистемологии и философии науки (постпозитивизм, аналитика). Так Р. Карнап говорит о наличии в структуре знания априорного «языкового каркаса», Д. Дэвидсон — о «концептуальной схеме», У. Селларс развивает *a la* кантовскую критику «мифа Данного», а Н. Хомский говорит о врожденных структурах языка и «универсальной грамматике».

3. *Кантовский конструктивизм* (как продолжение его априоризма). Современная мысль, опираясь на кантовский тезис о том, что «мы а priori познаем о вещах лишь то, что вложено в них нами самими» [В XVIII], считает Канта если не родоначальником, то важным предшественником *эпистемологического конструктивизма* (constructivist epistemology⁵; Ж. Пиаже), суть которого в том, что «мы сами конструируем реальность»⁶. Связанный с этим кантовский *коперниканский переворот* как «измененный метод мышления» [В XVI–XX] изменяет соотношение между вещами и имеющимися у нас априорными инструментами познания (resp. «способом познания»): вещи не *даются* в опыте (натурализм, наивный эмпиризм), а *задаются* нами (кантовский конструктивизм), т.е. должны *сообразовываться* с нашими априорными формами созерцания и рассудка. Среди представителей конструктивизма можно найти как прямых наследников кантовского трансцендентализма, к которым относятся, в частности, *эрлагенская школа конструктивизма* (Г. Динглер, П. Лоренцен), концепция *интерпретационного конструктивизма* Х. Ленка и концепция *конструктивного номинализма* Н. Гудмена (Н. Гудмен «Способы создания миров»), так и сторонников более радикальных версий, отрицающих кантовский эмпирический реализм⁷, к которым относятся *радикальный конструктивизм* (Э. Глазерсфельд, У. Матурана, Ф. Варела и др.) и *социальный конструктивизм* (Н. Луман, Дж. Серль и др.)

Литература

1. Кант И. Избранные письма // Кант И. Сочинения в 8-ми тт. Т. 8 / И. Кант. М.: Чоро, 1994. С.463–590.

2. Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Сочинения в 8-ми тт. Т. 3 / И. Кант. М.: Чоро, 1994.

3. Катречко С.Л. Кантовская концепция сознания (познания) как модель «искусственного ин-теллекта» // Дубровский Д.И., Лекторский В.А. (ред.) Новое в искусственном интеллекте. Методологические и теоретические вопросы. М.: ИИнтелЛ, 2005. с.137–140.

4. Катречко С.Л. О соотношении искусственного и естественного интеллекта // Дубровский Д.И., Лекторский В.А. (ред.) Новое в искусственном интеллекте. М.: ИИнтелЛ, 2017.

5. Лекторский В.А. Кант, радикальный конструктивизм и конструктивный реализм в эпистемологии // Вопросы философии. 2005. № 8. С.10–25.

6. Falkenstein L. Kant's Intuitionism: A Commentary on the Transcendental Aesthetic (Toronto Studies in Philosophy), University of Toronto Press, 1995.

РЕФЛЕКСИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ ИСКУССТВА В УСЛОВИЯХ ФОРМИРУЮЩЕЙСЯ ТРАНСДИЦИПЛИНАРНОСТИ⁸

Александра Геннадьевна Краева

Кандидат философских наук, доцент

Ульяновский государственный университет

⁵ См. например: http://en.wikipedia.org/wiki/Constructivist_epistemology.

⁶ Обзор конструктивизма и альтернативных эпистемологических концепций см. в [Лекторский, 2005].

⁷ Сам Кант не является *анти-реалистом*, поскольку его трансцендентальный идеализм, который совместим с *эмпирическим реализмом* [A370–1], постулирует существования [реальных] вещей самих по себе, которые до всякого конструирования аффицируют нашу чувственность. Трансцендентализм Канта точнее определить как *минимальный реализм*.

⁸ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ/РГНФ № 16-03-00487а.

Исследование направлено на выявление когнитивной природы искусства в аспекте саморефлексии современной культуры. Образуя метакогнитивный уровень самопознания современной культуры, функция искусства сводится не только к стимулированию трансдисциплинарных обменных взаимодействий, но и решению проблемы сложности за счет формирования аксиологического потенциала, «человекоразмерных» механизмов саморегулирования неопределенно направленной мобильности социального полотна в условиях технологической среды обитания.

Ключевые слова: рефлексия, конвергентные технологии, трансдисциплинарность, искусство, *Sciens art*, нейроэстетика.

REFLECTIVE FOUNDATIONS OF THE ART IN THE CONTEXT OF EMERGING OF TRANSDISCIPLINARITY

Aleksandra G. Kraeva

*CSc in Philosophy, Associate professor
Ulyanovsk State University*

The research is aimed at identifying the cognitive nature of art in the aspect of self-reflection of modern culture. Forming a metacognitive level of self-knowledge of modern culture, the function of art is reduced not only to stimulate TRANS-disciplinary exchange interactions, but also to solve the problem of complexity through the formation of axiological potential, "human-sized" mechanisms of self-regulation of indefinitely directed mobility of the social fabric in a technological environment.

Keywords: reflection, convergent technologies, transdisciplinarity, art, *Sciens art*, neuroesthetics.

Трансдисциплинарность является платформой, которая позволяет эпистемологу осуществлять рефлексии, используя инструментарий самых разных когнитивных практик, в том числе этики, религии, искусства. Исследования когнитивных механизмов научного познания и художественного творчества, генерируемых эстетическими переживаниями, подталкивают к постановке вопроса об их общности и своего рода единстве точек роста.

Попытка осмыслить когнитивно-рефлексивные взаимосвязи науки и искусства является одним из векторов на пути принятия принципа социокультурной обусловленности познавательных стратегий в науке и нерациональных сферах культуры, детерминированных общей стратегией внутреннего единства культуры, изменением стиля мышления, что заключается в экспансии этого стиля в широкое пространство науки и культуры благодаря когнитивным схемам, позволяющим синтезировать разнородные исследования и духовную активность в некоторую целостность. Реализация этого принципа фактически означает шаг в сторону холистической методологии.

Преломление генерируемых данным принципом представлений к философии науки и эпистемологии позволяет по-новому подойти, а в ряду случаев, предложить новый подход к решению активно дискутируемых проблем. В какой степени современные трансдисциплинарные исследования в аспекте интеграции дискурсивных и интуитивных когнитивных практик могут повлиять на понимание генезиса и механизмов когнитивной и рефлексивной деятельности, а также на те философские представления, которые могут имплицироваться в связи с пересмотром трактовки их оснований? Не будет ли это понимание способствовать укреплению своего рода релятивистской направленности эпистемологических исследований? Наконец, как оно может затронуть основания логико-математического знания, проблему козволюции науки и нерациональных сфер культуры, а также ряд других философских проблем, которые можно отнести к разряду ключевых.

Процесс размытия онтологических границ традиционных компонент культуры – науки, искусства и технологий, ведёт к формированию «третьей культуры» [Miller, 2014: 118], эксплицирует связь внутринаучных проблем и методологий с вненаучными, социальными ценностями и целями, задействуя в качестве катализатора трансдисциплинарных обменных процессов уровень рефлексии, который можно обозначить как *метакогнитивный*, исходя из типа аргументации, применяемой в процессе рефлексивных процедур, а также

провозглашаемых целей. Расширение онтологического локуса и когнитивного пространства искусства, привело к изменению самой сути, предмета, объекта и, собственно, статуса искусства в культуре рубежа XX-XXI веков. Это вызвало нарастание рефлексивных тенденций как в творчестве самих художников, так и эпистемологов: современное искусство всё настойчивее поворачивается от эстетической функции к исследовательской, когнитивной.

Science art являет собой как раз ту метакогнитивную плоскость, где на передний край «поиска» поставлена целостность исторически развивающихся когнитивных систем, а в центр исследований в качестве особой его компоненты помещён сам субъект. Как по замыслу, так и по исполнению, по форме, и по содержанию, и по инструментарию суть Science art – в конвергентном слиянии двух «равновесных» сфер культуры, стремящихся к созданию уникального объекта или проекта, в котором рефлексивная (оценочная, ценностно-смысловая) активность является доминирующей. Тем самым открывается возможность нового взгляда на природу субъекта познания, деятельность которого задана социальным, культурным и физиологическим целеполаганием – «новый аспект *концепции психологизма*, который относится к особенностям и механизмам активности субъекта познания касается глубоких оснований его творческой деятельности» [Бажанов, 2015: 145]. Science art – это пока еще «робкий», локально существующий, «асимметричный», но подчёркнуто академический ответ *сферы гуманитарных технологий* на хаотичность развития технической периферии.

Трансдисциплинарный аспект исследования представляется весьма эффективным в анализе когнитивных процессов, в которых ученые вынуждены считаться с вненаучными факторами, оказывающими существенное влияние на содержание научных концепций. Это может означать:

– для *философии науки*: выявление отношения феномена трансдисциплинарности к основаниям постнеклассики (согласно представлениям о Мод 1 и 2); трансформацию представлений об онтологическом пространстве рационального дискурса; признание трансдисциплинарного статуса современного искусства, которая позволит снять многовековую «напряженность» между такими традиционно «далекими» сферами как наука и искусство, интегрируя их; обосновать последовательное и более глубокое понимание генезиса и эволюции целостности науки и искусства как интегрированного когнитивного образования. Дискурсивная интерпретация искусства позволит обосновать закономерность ярко выраженной в нём концептуализации, математизации, формализма и интеллектуальной нагруженности искусства. Под новым углом предстает проблема корреляции когнитивных схем философского, научного и художественного стилей мышления.

– для *эпистемологии*: интерпретация генезиса и механизмов рефлексии в искусстве в аспекте коэволюции с общенаучным процессом познания позволит сделать более четким видение взаимной детерминации научной и художественной когнитивных практик в аспекте выявления новых граней соотношения абсолютного и релятивного в познании, скорректировать онтогенетические предпосылки познавательной деятельности. Это означает поиск эпистемологических оснований «гибкой» научной рациональности, которая обуславливает способность науки трансформировать систему критериев, определяющих границы научности. Эпистемологические исследования когнитивной природы художественных практик представляют собой неотъемлемый структурный компонент философии научного поиска, исследований феномена гениальности, эпистемологии креативности, энактивизма. Перспективным направлением в данном аспекте стала нейроэстетика, в которой исследование художественного творчества напрямую связывается с нейрофизиологическими процессами. Заслуживает специального упоминания тот факт, что ключевые идеи нейроэстетики, сформулированные крупнейшим британским теоретиком-нейробиологом этого направления С. Эки, соответствуют духу кантианского априоризма, когда место трансцендентального субъекта Канта занимает человеческий мозг с его активной ролью по отношению к формированию эстетического опыта [Rušinova, 2016: 91]. Весьма своевременным представляется четкое обозначение рефлексивных параметров сферы художественной практики (уровней рефлексии), что позволит продвинуться в решении общенаучной проблемы анализа значения рефлексивных процессов в когнитивной деятельности субъекта.

– для *философии культуры*: один из характерных признаков современной науки – полиморфизм, когнитивная холистичность в построении научной картины мира. Искусство представляет собой когнитивную плоскость, в которой взаимодействие дискурсивного и интуитивного, рационального и нерационального, реального и проективного традиционно

носил характер проблемы. Поэтому именно трансдисциплинарное направление данного исследования позволит вывести сферу художественной практики на внешний уровень рефлексии, способствовать выработке концептуального каркаса, благодаря которому наука в целом будет иметь возможность расширения своего интеллектуального пространства в смысле осуществления самоидентификации в тех проблемных узловых точках, где происходит объединение информационно-знаний потоков с общекультурными интегрированными паттернами.

Литература

1. Бажанов В.А. Современная культурная нейронаука и природа субъекта познания: логико-эпистемологические измерения // Эпистемология и философия науки. – 2015. Т.XLV. №3. С. 133-149.
2. Miller, A. Colliding worlds: How cutting edge science is redefining contemporary art. London: W.W. Norton & Company, 2014. 352 p.
3. Rušinova M. Reflections on Beauty: Immanuel Kant and Semir Zeki // 5th International Conference on Research in Humanities, Sociology and Education. London, November 29-30, 2016. P. 90–91.

ПРЕОДОЛЕНИЕ КОГНИТИВНОСТИ КАК УСЛОВИЕ СОХРАНЕНИЯ ЖИЗНЕННОГО МИРА ЧЕЛОВЕКА (К ФИЛОСОФИИ ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОГО СУБСТАНЦИАЛИЗМА)⁹

Владимир Александрович Кутырев

*Доктор философских наук, профессор кафедры философии
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского*

Выявляются этапы развития философии по линии: онтология, гносеология, эпистемология, когнитология. В когнитологии любая реальность рассматривается как знание, в пределе информационно-математическое, цифрово-количественное. Человеческое сознание сводится к мыслительному исчислению, без смысла и понимания. Реальность становится постчеловеческой, искусственной. Этот подход противоположен ее феноменологическому представлению, которое только и позволяет сохранить жизненный мир человека. Любое состояние, вещь имеют свою имманентность, «qualia», которые не сводятся к чему-то другому, без потери себя. Средства познания должны быть адекватны его предмету. Теория тем более верна, чем более она жизненна.

Ключевые слова: гносеология, эпистемология, когнитология, исчисление, сознание, понимание, субстанциальная феноменология, жизненный мир.

OVERCOMING COGNITION AS A CONDITION FOR PRESERVING THE PERSON'S LIFE WORLD (TO THE PHILOSOPHY OF PHENOMENOLOGICAL SUBSTANTIVISM)

Vladimir A. Kutyrev

*DSc in Philosophy, professor
National Research Nizhny Novgorod State University N. I. Lobachevsky*

The stages of the development of philosophy along the line are revealed: ontology, gnoseology, epistemology, cognitology. In cognition, all reality is treated as knowledge, as information-mathematical, digital-quantitative. Human consciousness is reduced to

⁹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта "Взаимодействие естественного и искусственного как условие сохранения жизненного мира человека" № 18-011-00335.

thinking-calculus, without meaning and understanding. Reality becomes posthuman, artificial. This approach is opposed to its substantial phenomenological representation, which allows us to preserve the human life world. Every state has its immanence, "qualia," which are not reducible to anything else without losing themselves. The means of cognition must be adequate to its subject matter. The theory is all the more true than it is more vital.

Keywords: epistemology, cognition, calculus, consciousness, understanding, substantial phenomenology, Lebenswelt.

На глазах ныне живущего поколения российская философия прошла несколько ступеней переключения своего внимания с естественного (природы) к искусственному (техногенному). От рассмотрения реальности к рассмотрению проблем ее познания, от проблем познания как отражения реальности к представлению знания как самостоятельной реальности, от знания как особой реальности к определению всей реальности как знания. Если об этом сказать категориально, то: от онтологии к гносеологии, от гносеологии к эпистемологии, от эпистемологии к когнитологии.

На данный момент, отбросив предыдущие ступени, парадигмой становится когнитология. Когнитивным объявляют всё, что хотят. Обсуждаются проблемы «когнитивного развития личности», «когнитивные особенности мифологического мышления», «когнитологические механизмы диалога культур» и т.п. Когнитивность отождествляют со знанием «вообще», за(о)хватывая ею бывшие гносеологию и эпистемологию путем простого перевода с латыни как «познавательный». Произошел своего рода «когнитивный поворот», но при таком «мышлении всуе», (у)видеть куда он ведёт, очень трудно.

Отбросив мусорные наслоения, будем исходить из главного смысла когнитивности – превращения окружающей реальности и нас самих в знание. В какой форме это возможно? Очевидно, что через информатизацию, когда способом существования любого сущего становится количество, математика, реальность чередования цифр, «следов и пропусков» (биты). Когнитивистика – продукт информационной революции. «Когнитивная наука (cognitive science) – комплекс наук, изучающих познание и высшие мыслительные процессы на основе применения теоретико-информационных моделей... Основания когнитивной науки были заложены исследованиями математика А. Тьюринга по конечным автоматам (1936). Ему удалось показать, что для проведения любого вычисления достаточно повторения элементарных операций. Тем самым открылись перспективы для проверки и реализации известной идеи Т. Гоббса и Д. Буля, что мышление есть исчисление» [Меркулов, 2001: 264].

Это значит, что в когнитивизме мир предстает не как миф, образ, картина, переживания и не как мудрость, язык, текст, понятия, суждения. Это не Слово, не Смысл, не Логос. Это – *Матезис*. «В начале была Цифра. И Цифра была у Бога. И цифрой был Бог» – так надо начинать Библию когнитивных наук. *Мышление как исчисление...* Оно всё шире распространяется, «поверяя алгеброй» любую гармонию, захватывая, казалось совсем не относящиеся не только к исчислению, но и к ментальности, сферы. От поэзиса и логоса к матезису – таковы ступени когнитизации познания, реализующегося на практике в виде технологизации и технизации всего сущего. Как это происходит, а главное, что дает человечеству, можно ли надеяться на коэволюцию мира создаваемого постчеловеческой наукой с жизненным миром человека – вот «основной вопрос» для современной философии.

Познание как мышление-исчисление – это значит *познание без понимания*. Познание как (не)познание. Без смыслов и значений, от которых оно только отталкивается в его начале или они «вышелушиваются» в его конце, при специально предпринимаемых процедурах интерпретации, культивировать способность к которой, становится всё труднее, поскольку под влиянием мышления-исчисления человек постепенно совсем перестаёт понимать, *о чём, о какой реальности и зачем мыслит*. Другими словами, возникает *мышление без сознания*. В лучшем случае, пока есть два типа мышления: старое, естественное, собственно человеческое как «мышление с рефлексией», то есть сознание, и новое, как «мышление без рефлексии», то есть мышление-исчисление и коммуникация. Постчеловеческое. В пределе – *Искусственный интеллект*.

Когнитивизация познания – это его трансформация в машинное, информационно-техническое мышление. *Если нет/без рефлексии*, то это и означает возникновение некой самостоятельной реальности, в которой знание существует *sui generis*, передаваясь без

«выведения вовне», «от мозга к мозгу» или во взаимодействии нейронов человеческого мозга с компьютером, над чем упорно работают в лабораториях технопарков и о чём день и особенно ночь(ю) мечтают теоретики так называемого церебрально-открытого общества. Или по-другому – виртуально-коммуникационного общества. Или точнее, уже не коммуникационного, а ком-мутационного: в виде взаимодействия несущих-ся информацию электронных импульсов. Ещё по-другому – нейросоциума. И во всех случаях это – пост(транс)общество как 1) необщество знания, 2) общество незнания.

Защитники жизни от ее замены технологиями обычно утверждают, что не все, что существует, поддается разумно-рациональному рассмотрению, не говоря о когнитизации. Есть сферы и формы бытия, которые этого не допускают. Сущее не делится на разум без остатка, – говорил Гете. Но как это понимать? Спасительную ориентировку здесь, по нашему мнению, дает высказывание А. Эйнштейна, которое надо бы ставить эпиграфом ко всем текстам по философии науки. На вопрос, все ли можно описать методами науки, он ответил: «Да, это мыслимо, однако не имеет смысла. Это было бы изображением неадекватными средствами, как если бы изложить какую-нибудь симфонию Бетховена в виде кривой, выражающей давление воздуха» [Борн, 1968: 128]. *Когнитизировать можно все, но это не имеет смысла* – вот предел информатизации, дигитализации и технологизации реальности. Вот обоснование права на существование жизненного мира, феноменологии, духовности и гуманизма! В конце концов – Человека, от его киборгизации, роботизации и прочего технического «улучшения и усовершенствования».

Средства познания должны быть адекватны предмету – именно об этом надо вести речь, защищая нашу традиционную реальность от подавления наукой и технологиями. Бытийно всякое состояние обладает своей имманентностью, феноменологическими качествами = «квалиа», нередуцируемыми к чему-то другому без потери себя. В этом предел любого рационализма и сциентизма. И философии науки, особенно когнитивной, аналитико-конструктивистской. Она полезное средство (методология), если и до тех пор, пока агностична, ибо ей не дано объяснить необъяснимое: феноменологическую природу «данности», «таковости», «дара», их субстанциальность и одновременно «нескрытость» бытия, включающего в себя человеческое сознание, его начала и концы. Жизнь не обязана оправдываться перед мыслью. В условиях, когда научные изобретения приобретают все более страшный, суицидальный характер, добровольный агностицизм суть благородная спасительная ценность любого жизнеутверждающего философствования. Он приобретает субстанциально-феноменологическое значение.

Субстанциальная феноменология может/должна стать подлинным основанием жизненного мира, который без нее дом, построенный на песке. Понятие *Lebenswelt* было «введено» поздним Гуссерлем и подхвачено Ю. Хабермасом как бы по специфически гуманистическим соображениям. Теперь, вырастая уже из фундаментального философствования, оно обретает универсальную опору. В свою очередь, понятие жизненного мира пред-станет логическим завершением философии *Dasein*, при-давая ей гуманитарный смысл и социально-практическое значение. Это встречное движение открывает возможность синергии фундаменталистских идей Хайдеггера и гуссерлевских периода «Кризиса европейских наук». Бытие становится Домом человека, а не «конфигурацией кварков», «кручением пространства», «полем информации», «цифрограммой», вплоть до 1 (единицы) или, у самых без(д)умно-последовательных, до 0 (нуля), как «обустраивает» его сциентистское моделирование. Именно к «дому» надо приводить все достижения науки. Как работники вредных производств по окончании смены шлюзуются, моются, чистятся, проходят тщательный дозиметрический контроль, так носители когнитивизма должны проходить через гуманитарно-мировоззренческие феноменологические фильтры, после которых их только и можно впускать в философию.

Субстанциально-феноменологическое философствование дает новый импульс переосмыслению когнитивности и агностицизма, выявлению позитивной роли последнего, а также представлений об истине вообще, ее критериях, суть которого можно сформулировать как: *чем наша теория более жизненна, тем она более истинна*. Истина должна идти к Бытию, выражая и служа ему, а не прогрессу, знанию, информация и искусственный интеллект быть средством для продолжения и совершенствования человека, а не наоборот, когда человек превращается в «человеческий фактор» и «капитал» для развития техники.

1. Борн М. Воспоминания об Эйнштейне // Вопросы философии. 1968. № 11. С. 125–134.
2. Меркулов И.П. Статья: Когнитивная наука // Новая философская энциклопедия. М., 2001. Т.3. С. 264–265.

МЕЖДУ ПСИХОЛОГИЗМОМ И ЛОГИЦИЗМОМ: ОТ ВИЛЬГЕЛЬМА ВУНДТА К ЛОГИЧЕСКИМ ИССЛЕДОВАНИЯМ АУТИЗМА¹⁰

Гала Валерьевна Максудова-Елисеева

Ассистент Школы философии

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

В данном тексте рассматривается проблема взаимодействия логики и процесса естественного рассуждения. В качестве примеров, на основе которых освещается данная проблема, выступают концепция Вильгельма Вундта и одно из исследований процесса естественного рассуждения людей, страдающих аутизмом и синдромом дефицита внимания и гиперактивности (СДВГ), проведенное Китом Стеннингом и Мехилом ван Ламбалгеном. Подобный анализ показывает, с одной стороны, какие из идей Вундта остаются актуальными для философии логики и психологии. С другой стороны, они демонстрируют различия между старой и новой формами психологизма.

Ключевые слова: В. Вундт, психологизм, новый психологизм, аутизм, логицизм, рассуждение.

BETWEEN PSYCHOLOGISM UND LOGICISM: FROM WILHELM WUNDT TO LOGICAL INVESTIGATIONS OF AUTISM

Gala V. Maksudova-Eliseeva

Assistant of the School of Philosophy

National Research University Higher School of Economics

This text is concerned with the problem of the reciprocity between logic and human reasoning. This problem is illustrated with implementation of the theory of Wilhelm Wundt and a concrete investigation of the reasoning of people with autism and attention deficit hyperactivity disorder (ADHD) undertaken by Keith Stenning and Michiel van Lambalgen as case studies. On the one hand, the analysis of these cases reveals which of Wundt's ideas are currently important for philosophy of logic and psychology. On the other hand, it shows the difference between the classical psychologism and the neopsychologism.

Keywords: W. Wundt, psychologism, neopsychologism, investigations of autism, logicism, reasoning.

Связь логики и процесса реального рассуждения является одной из серьезнейших проблем не только для философии логики, но и для самой логики. Философия логики конца XIX – начала XX в. вошла в историю оживлённой дискуссией об основаниях логики, известной также, как спор психологизма и антипсихологизма. В этот спор были вовлечены очень многие философы, логики и психологи того времени, например, Мартин Куш в своём исследовании насчитывает 139 участников спора в период с 1870 по 1930 гг. [Kusch, 1995: 94]. Итогом этого противостояния стало длительное воцарение антипсихологизма, самыми известными поборниками которого были Готлоб Фреге и Эдмунд Гуссерль. В общем смысле победа

¹⁰ Статья подготовлена в результате проведения исследования (№ 17-05-0040) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета „Высшая школа экономики“ (НИУ ВШЭ)» в 2017 г. и в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

антипсихологизма в логике означала признание факта независимости логики и её законов от законов естественного мышления, напротив, естественное мышление, чтобы не быть признанным мышлением безумца, должно соответствовать законам логики: «логические чужаки», которые мыслят на основе каких-то иных законов логики, должны быть признаны обладающими «до сих пор неизвестным родом безумия» [Frege, 2006: 10].

Несмотря на уверенную победу, антипсихологизм не сместил психологизм целиком и полностью, и схематически историю развития философии логики конца XIX – начала XX в. можно изобразить следующим образом: психологистский период – спор – антипсихологистский период – период нового психологизма. Возвращение к некоторым идеям психологизма свидетельствует о том факте, что не все аргументы его сторонников были рассмотрены с должным вниманием. Некоторые голоса практически не были услышаны, хотя идеи таких авторов могут сохранять актуальность, в том числе в плане предостережения от ошибок. К таким мало услышанным мыслителям относится один из создателей психологии Вильгельм Вундт. Так, например, Э. Гуссерль в первом томе «Логических исследований» упоминает лишь то, что «логика Вундта предоставляет психологическим мотивам, насколько это возможно, ещё больший простор, чем логика Зигварта» [Гуссерль, 2011: 127], а также несколько раз называет Вундта в череде имён других авторов.

Вильгельм Вундт определяет логику следующим образом: «Научная логика должна давать отчет о тех законах мышления, которые являются эффективными при исследовании истины» [Wundt, 1893: 1]. Такое видение задач логики явно указывает на психологистскую позицию автора, так как ставит изучение мышления в основание логики. Однако сам Вундт считал, что он опроверг психологизм в своей «Логике ...», разделив законы логики и психологии мышления: исследователь с помощью исследования сознания находит, какие психологические процессы являются в то же время носителями логических законов, а затем логик описывает их не на психологическом языке, а на языке логики. Поскольку законы логики и психологии различны, то кроме опасности психологизма существует не меньшая опасность логицизма – «попытки описать связи явлений, особенно тех, которые даны нам в нашем сознании, посредством логической рефлексии» [Wundt, 1893: 1]. Таким образом, Вундт является психологистом в вопросе обоснования логики и антипсихологистом в вопросе разделения законов логики и законов мышления.

В настоящее время набирает силу новый психологизм. В рамках этого направления проводится множество исследований, результаты которых обогащают как логику, так и психологию. Одним из примеров такого рода исследований является работы Мехила ван Ламбалгена [van Lambalgen, Smid, 2004; Stenning, van Lambalgen, 2008; Stenning, van Lambalgen, 2007], в которых он и его коллеги исследуют аутизм и СДВГ с помощью логических методов. Они ставят перед собой задачу проиллюстрировать, «каким образом реальный логический анализ может служить прогрессу в данной области [психиатрии]», а также показать, «каким образом логический анализ раскрывает общее между лингвистическим и нелингвистическим поведением внутри каждого расстройства, и как различные субкомпоненты исполнительных функций вовлечены во все заболевания» [Stenning, Lambalgen, 2007: 97]. При этом авторы строят формальные модели мышления, отталкиваясь от данных психологии: гипотезы об исполнительных функциях, представлений о Theory of mind [Leslie, 1987], теории видов памяти и др. Реализация подобного подхода возможно только при условии пересмотра границ логики. [Stenning, Lambalgen, 2008]

Таким образом, ван Ламбалген и коллеги, с одной стороны, строят модель мышления людей, страдающих аутизмом, опираясь на психологические знания. С другой стороны, они изучают психические процессы, используя логический аппарат. Этот факт возвращает актуальность вопросу обоснования логики и проблеме взаимодействия логики и психологии, а также критике Вундтом психологизма и логицизма как редукционистских позиций. На основе сравнения теории Вундта и исследований ван Ламбалгена можно сделать следующие основные выводы:

1. Вундт предвосхитил некоторые методологические принципы, используемые в приведенном исследовании. К ним, например, относятся: идея разделения норм логики и законов психологии без уступки крайностям психологизма и логицизма [Wundt, 1910]; идея развития когнитивных процессов; идея логики как прикладной науки.

2. Однако многие принципы, применялись им на других основаниях, что обеспечивает значительные отличия приведенных концепций. Эти отличия касаются, в первую очередь, идеи

фундированности логики психологией мышления. Отсюда вытекает ряд более частных различий.

Метод моделирования делает ван Ламбалгена и коллег в каком-то отношении большими психологами, чем был Вундт, ведь этот метод включает в логику не только процесс собственно вывода, но и процесс поиска вывода. Включение поиска вывода в логику требует от исследователя учёта психологических особенностей когнитивного функционирования.

Литература

1. Гуссерль Э. Логические исследования. Т.1: Прологомены к чистой логике. М.: Академический проект, 2011.
2. Frege G. Grundgesetze der Arithmetik. Begriffsschriftlich abgeleitet. B.I. Jena: Verlag Hermann Pohle, 1893.
3. Kusch M. Psychologism: A Case Study in the Sociology of Philosophical Knowledge. London: Routledge, 1995.
4. van Lambalgen M., Smid H. Reasoning patterns in autism: rules and exceptions // Proceedings 8th international colloquium on cognitive science, 2004.
5. Leslie A. Pretence and representation: the origins of a 'theory of mind' // Psychol. Rev. 1987. No. 94. P. 412–426.
6. Stenning K., van Lambalgen M. Human Reasoning and Cognitive Science. Cambridge: MIT Press, 2008.
7. Stenning K, van Lambalgen M. Logic in the study of psychiatric disorders: Executive function and rule-following // Topoi. 2007. No. 26. P. 97–114.
8. Wundt W. Logik. Eine Untersuchung der Principien der Erkenntniss und der Methoden wissenschaftlicher Forschung. Bd. 1. Erkenntnisslehre. Stuttgart, 1893.
9. Wundt W. Kleine Schriften. Bd. I. Leipzig: Engelmann, 1910. P. 511–634.

КОПЕНГАГЕНСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КВАНТОВОЙ ТЕОРИИ: ПРОБЛЕМА ОГРАНИЧЕНИЙ

Елена Аркадьевна Мамчур

Доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник

Институт философии РАН

E-mail: emamchur839@yandex.ru

Статья посвящена проблеме ограничений, накладываемых квантовой теорией на возможность изучения реального мира. Показано, что наиболее важными являются два типа ограничений: 1) запрет на более детальное (чем это позволено принципом неопределенности) исследование реальности, и 2) ограничение способности науки к достижению объективного знания. Автор обосновывает существование двух проблем, связанных с вопросом ограничений: так называемая «проблема наблюдателя» и проблема человеческого сознания. В этой связи анализируется различие между отделяемым и неотделяемым наблюдателем. Показано, что настоящая проблема наблюдателя появляется, когда мы имеем дело с неотделяемым наблюдателем, который, в свою очередь, ассоциируется с человеческим сознанием.

Ключевые слова: философия науки, квантовая теория, копенгагенская интерпретация.

COPENHAGEN INTERPRETATION OF QUANTUM THEORY: THE PROBLEM OF LIMITATIONS

Elena A. Mamchur

DSc in Philosophy, professor, senior researcher

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences

E-mail: emamchur839@yandex.ru

The article is devoted to the problem of limitations imposed by quantum theory on the possibility of studying the real world. It is shown that the most important are two kinds of limitations 1) the prohibitions of a more detailed (than permitted by the uncertainty principle) study of reality 2) the limitations of the capacity of science to achieve objectivity of knowledge. The author justifies the existence of two problems associated with the question of limitations: the so called “problem of observer” and the problem of human consciousness. In this connection the difference between detached and undetached observers is analyzed. It is shown that the real problem of observer arises when we deal with undetached observer, who in his turn is associated with human consciousness.

Keywords: philosophy of science, quantum theory, Copenhagen interpretation.

I. Одна из наиболее актуальных проблем, ассоциируемых с копенгагенской интерпретацией квантовой механики – проблема ограничений, налагаемых квантовой теорией на возможности познания мира. Самые известные из ограничений связаны с принципом неопределенности В.Гейзенберга. Это 1) Запреты на повышение ранга наблюдаемости объектов микромира. В отличие от ненаблюдаемых классической физики, приобретших статус наблюдаемых после создания приборов, усложняющих наши органы чувств, ненаблюдаемые сущности микромира не наблюдаемы в принципе. В физике микромира дело не в несовершенстве наших органов чувств, а в природе микрообъектов. Невозможность получить одновременно точные значения любых двух не коммутирующих величин (в частности пространственного положения микрообъекта и его импульса) объясняется тем, что микрообъекты просто не имеют их. 2) С принципом неопределенности связан также запрет на более детализированное, чем это позволяет квантовая механика, познание мира. Это ограничение многие исследователи оценивают как отказ от реализации основной задачи науки, как она была определена в период становления новоевропейского естествознания: познать мир во всех его деталях. 3) Ограничения на детерминизм: с невозможностью узнать настоящее во всех деталях Гейзенберг связал невозможность однозначно предсказать будущее.

II. Второй тип ограничений касается объективности знания. Оно обнаружилось во второй (post ЭПР-овский) период творчества Н. Бора). Ранний период построения копенгагенской интерпретации может быть охарактеризован как господство методологии соответствия. Бор стремился установить связь между классической и квантовой механиками, сохранив преемственность в развитии науки. Отказ от методологии соответствия произошел в более зрелый период работы над интерпретацией квантовой теории (за принципом соответствия была оставлена функция эвристического приема). Значительную роль сыграло при этом открытие «спина» – понятия, не имеющего аналогов в классической механике. Методологическим основанием квантовой теории стала стратегия «дополнительности». Бор ввел в интерпретацию квантовой теории понятие квантовых феноменов, ассоциировав его с воздействием микрообъекта на измерительный макроприбор. Речь шла о неразделимости микрообъекта и макроприбора – явление совершенно чуждое макро-физике. Методология дополнительности вынудила Бора ввести в квантовый феномен и наблюдателя, поскольку именно он был призван определять, какой именно (волновой или корпускулярный) аспект реальности требовалось реализовать.

III. В.Паули разделял холистские идеи Бора, признавал единство микрообъекта, макроприбора, процедуры измерения, и наблюдателя как элементов квантового феномена. Но для него включение наблюдателя в интерпретацию индивидуального события – измерения микрообъекта – означало возврат в современное научное мировоззрение средневековых представлений о существовании *anima mundi* (души мира). Причем, немецкий физик полагал, что идея одушевленности мира возвращается не как ничем не подкрепленная метафизическая установка, как это было в средневековье, а как утверждение, обоснованное экспериментальными результатами квантовой теории. Идея об одушевленности мира просуществовала в мировоззрении средневековья вплоть до XVII века: создатели науки Нового времени (начиная с Иоганна Кеплера), разрабатывали физику, опираясь на рациональные основания.

IV. При всей близости идей Бора и Паули нужно отметить и то, что их разделяет. Бор, по-видимому, не согласился бы с мистико-символическими аспектами интерпретации квантовой

теории, сформулированных Паули. Позиция Бора была значительно более прагматичной. Датский физик считал, что квантовая механика не о реальном мире, а о той информации, которую мы получаем в результате измерения квантовых систем. В отличие от Паули, он «работал» на эпистемологическом уровне. Его интересовала возможность делать на основе результатов измерений успешные предсказания. Бор, как и Паули, понимал, что включение в квантовый феномен наблюдателя ведет к снижению уровня претензий науки на объективность описания. Поэтому Бор был более осторожен, чем Паули в высказываниях о функциях наблюдателя в процессе измерения микрообъекта. Для него самой важной оставалась мысль о неправомерности точки зрения относительно характеристик квантовой системы «самой по себе», без учета спецификации измерительных макроприборов. Фактически, наблюдатель Бора все еще оставался *detached* – отделимым от объекта (термин, фигурирующий в работах современной западной философии науки). Наблюдатель Паули был воистину *undetached*: в отличие от Бора, Паули рассматривал онтологический уровень проблемы объективности знания – ведь *anima mundi* одушевляла реальный мир.

V. Одним из первых философов, который начал формировать фундамент европейской рациональности, легшей в основу классической физики, был Рене Декарт. Он отказался от идеи одушевленности мира, проведя четкую границу между мыслящей и протяженной субстанциями.

VI. Подлинная «проблема наблюдателя» связана с теми последствиями, которые возникают, когда имеется в виду *undetached* наблюдатель. Эйнштейновская программа истолкования квантовой механики предполагала высшую степень отделимости наблюдателя от объекта: Эйнштейн полагал, что все совершает сама природа, и наблюдатель не играет никакой особой роли в интерпретации квантовой механики. Наивысшую степень неотделимости наблюдателя от объекта провозгласил Гейзенберг, когда он произнес свою знаменитую фразу: «траектория возникает только вследствие того, что мы ее наблюдаем» [Цит. по: Джеммер, 1985: 319].

VII. Вопрос о функции наблюдателя в интерпретации квантовой механики до сих пор остается остро дискуссионным. Если ограничить роль наблюдателя только выбором измерительного макроприбора, необходимого для получения либо корпускулярного, либо волнового аспекта микро-реальности (Бор), то в его включении в квантовый феномен нет ничего особенного или удивительного. В этой своей функции он фактически остается отделяемым (*detached*), и может быть заменен компьютером. Истинная проблема в другом: она в участии *сознания* в процедуре измерения, в возможном воздействии сознания на онтологию мира. Существует ли такое воздействие? Если «да» (как в упомянутой выше позиции Паули), встает вопрос об объективности нашего знания: она становится сомнительной.

VIII. Проблема наблюдателя не раз поднималась философами и физиками, в том числе и творцами самой квантовой теории. Ее ставили Дж. фон Нейман, Дж. А. Уилер, Ю. Вигнер, А. Шимони, Э. Шредингер, А. Цайлингер и др. При этом у всех перечисленных авторов речь идет не об отделимом наблюдателе, а о сознании как активном агенте процедуры измерения. Часть физиков при этом отрицали возможность включения сознания в интерпретацию квантовой механики (Э. Шредингер), другие относились к идее положительно (Ю. Вигнер, А. Шимони).

IX. Классический пример попытки включения сознания в интерпретацию квантовой теории можно найти в работе Ю. Вигнера [Wigner, 1970]. Он рассуждал так: копенгагенская интерпретация исходит из существования коренных различий между микромиром (микрообъектами) и макромиром (приборы): микромир описывается квантовой теорией, макромир – классической физикой. Однако квантовая механика является универсальной теорией и должна быть справедлива не только в микро, но и в макромире. Но если это так, принцип суперпозиции состояний должен выполняться и в макромире: состояние макроприбора должно быть суперпозицией состояний.

Чтобы при таких условиях реконструировать процедуру измерения, необходимо найти, полагал Вигнер, некоторый нефизический фактор, к которому (в виду его нефизической природы) принцип суперпозиции уже не применим. Согласно Вигнеру, в качестве такового и выступает сознание наблюдателя. Именно оно переводит смешанное состояние макроприбора в одно из собственных состояний.

Концепция Вигнера подверглась критике физиков и философов: если сознание не является физическим фактором, как оно может воздействовать на микрообъект или прибор? Такое воздействие могут оказывать только физические факторы.

Проблема сознания в настоящее время воспринимается представителями всех, традиционно связанных с изучением этого феномена научных дисциплин, как одна из самых сложных и весьма далеких от разрешения. И пока она не будет прояснена, вряд ли вопрос об участии сознания в процедуре квантово-механического измерения может обсуждаться действительно серьезно.

Х. О пользе запретов. История становления копенгагенской интерпретации показывает, что для введения ограничений всегда находились вполне рациональные доводы. Гейзенберг вводил соотношения неопределенностей, поскольку он считал, что эти соотношения только и делают допустимым использование в квантовой теории классических понятий, что с его точки зрения является необходимым условием для понимания квантовой физики. Аналогичные аргументы приводил Бор. Все ограничения являются побочными продуктами построения квантовой теории (поризмами). Таким поризмом оказалось создание на основе квантовой теории КТИ (квантовой теории информации), таких технологических новаций как квантовая криптография, квантовые компьютеры, квантовая телепортация. Сам факт возможности получения этих технологических достижений заставил многих физиков изменить свое отношение к принципу неопределенности и оценить порождаемые им ограничения не как недостаток квантовой теории, а как ее достоинства [Fuch, web].

Литература

1. Джеммер М. Эволюция понятий квантовой механики. М.: Наука, 1985.
2. Fuchs C. A. Quantum Mechanics as Qquantum Information, Mostly // C.A. Fuchs. [Электронный ресурс] URL: <http://perimeterinstitute.ca/personal/cfuchs/Oviedo.pdf> (дата обращения 22.07.2017)
3. Wigner E. Remarks on the Mind-Body Question // Wigner E. Symmetries and Reflections, Cambridge, Mass.: M.I.T. Press, 1970.

НЕЙРОНАУКА И ГУМАНИТАРИСТИКА: ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И МЕТОДЫ ДИСЦИПЛИНАРНОЙ КОЛОНИЗАЦИИ

Ася Алексеевна Филатова

Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону

E-mail: asya_filatova@rambler.ru

В современной философии науки нейронаука мыслится как сложная идеологическая система, включающая в себя множество социальных акторов и формирующая особый стиль редукционистского мышления. Используя логику властного объяснения, натуралистическая эпистемология пытается распространить свое влияние на другие области знания. В результате возникает множество новых дисциплин с приставкой «нейро», позиционирующих себя как междисциплинарные. Подобного рода междисциплинарность выстраивается двумя способами: путем эпистемической экспансии и эпистемической интервенции. Критический анализ осуществляемой нейронаукой атаки на дисциплинарные границы гуманитарного знания позволяет нам лучше понять логику развития самих гуманитарных наук.

Ключевые слова: нейронаука, нейроцентризм, нейроидеология, натуралистический редукционизм, мозг, эпистемическая экспансия, эпистемическая интервенция, дисциплинарная колонизация.

NEUROSCIENCE AND HUMANITIES: THE IDEOLOGICAL FOUNDATIONS AND THE METHODS FOR DISCIPLINARY COLONIZATION

Asya A. Filatova

Don State Technical University

E-mail: asya_filatova@rambler.ru

Modern philosophy of science interprets neuroscience as a complex ideological system, which is comprised of many social actors and which forms a specific style of reductionist thinking. Naturalistic epistemology uses the logic of powerful explanation and thuswise tries to extend its influence to other areas of knowledge. As a result many new disciplines with the prefix "neuro" have come into being and position themselves as interdisciplinary. This interdisciplinary approach is built in two ways: through epistemic expansion and epistemic intervention. This paper proposes critical analysis of neurology attacks at disciplinary boundaries of the Humanities which brought better understanding of the logic in the development of the Humanities themselves.

Keywords: neuroscience, neurocentrism, neuroidology, naturalistic reductionism, brain, epistemic expansion, epistemic intervention, disciplinary colonization.

Нейронаука как сложное многоуровневое явление, выходящее за рамки так называемой «чистой науки» и в полной мере включающее в себя весь спектр социальных, политических и экономических контекстов и связанных с ними практик, начинает формироваться в 60-е гг. XX века. Применяя фуконианский генеалогический подход, J.M. Abi-Rached и N. Rose, показывают, что именно в это время складывается ситуация, позволившая интегрировать ряд отдельных, относительно автономных, но уже отчасти гибридизированных дисциплин, таких как нейрофизиология, нейрохимия, нейрогенетика, нейроэндокринология и др., и под общим именем создать «гибрид гибридов» [Abi-Rached, Rose, 2010].

Становление нейронауки как значимого агента в социальном пространстве распределения знания и власти, предполагала совпадение в одном месте и в одно время двух процессов. Во-первых, речь идет о институционализации науки о мозге. В достаточно короткие сроки в первую очередь в США, а также в ряде Европейских стран, благодаря финансовой поддержке государственных учреждений, частных фондов и развивающейся фармакологической промышленности, возникают научно-исследовательские проекты, профессиональные международные ассоциации, образовательные программы, печатные издания, объединенные «чувством общей цели»; консолидируется сообщество, имеющее все необходимые ресурсы для лоббирования своих интересов. Во-вторых, начинается выработка особого стиля мышления, который получил обозначение «нейронная доктрина» или «нейромолекулярный взгляд», включающий в себя особый этос, язык, методологию, и проявляющийся в первую очередь в редукционистском подходе к объяснению сложных явлений, относящиеся к мозгу, поведению и нервной системе. Последующие десятилетия влияние и социальное признание науки о мозге в качестве ведущего направления научных исследований только усиливалось, что во многом было обусловлено новыми технологическими возможностями визуализации мозга (прежде всего фМРТ), предвещавшими революционный прорыв в понимании человеческого разума.

1 января 1991 г. Дж. Буш торжественно объявил о начале «десятилетия мозга». Спустя 12 лет, несмотря на ряд политических разногласий, проявил единодушие с предшественником и поддержал данное начинание Б. Обама, запустив рассчитанный на несколько десятилетий и предполагающий бюджет в объеме 3 млрд. долларов национальный исследовательский проект «BRAIN Initiative», цель которого состояла в составление максимально полной карты человеческого мозга. В Евросоюзе столь же масштабный проект «Human Brain Project», с финансированием в размере 1 млрд. евро начал реализовываться в швейцарской Федеральной политехнической школе в Лозанне.

В начале 2000-х гг. нейронаука стала одной из мощнейших идеологий, включающей в себя множество акторов: ученых, научные лаборатории, университетские кафедры, фармакологические и технологические компании, институты здравоохранения и образования, общественные организации, пациентов, врачей и др. «Идеологический монстр», как назвал нейроцентризм M. Gabriel [Gabriel, 2017], в полной мере реализует колониалистическую политику, проникая, иногда весьма агрессивно, во все «конечные области значений» -

искусство, религию, экономику, политику, а в пределе пытаюсь совершить экспансию на то, что Э. Гуссерль именует жизненным миром.

С точки зрения философии и социологии науки, особый интерес представляет собой «дисциплинарная колонизация», которую нейронаука активно практикует в пространстве гуманитарного знания. Ситуация посягательства естественных наук на предметное поле «наук о духе» не нова, она имеет более чем двухсотлетнюю историю и в некотором смысле сводится к общим положениям натуралистического редукционизма.

В течение последних 20 лет в рамках нейроцентрической парадигмы возникла россыпь новых дисциплин, которые Т. Schmidt, не без оснований, называет «теориями - големами» [Schmidt, 2014]: нейроэтика, нейроэстетика, нейротеология, нейросоциология, нейроэкономика, культурная нейронаука и т.п. Большинство новорожденных дисциплин такого рода позиционируются как междисциплинарные области исследования. Механизмы, которые обеспечивают данного рода междисциплинарность, универсальны, их, вслед за В.С. Вахштайном, можно обозначить как эпистемическая экспансия и эпистемическая интервенция [Вахштайн, 2014].

Эпистемическая экспансия связана с «покушением» одной дисциплины на предметное поле другой, когда элемент предметного поля, относящийся традиционно к одной дисциплине, объясняется элементом аксиоматического ядра другой. В частности, нейронаука пытается исследовать и объяснять такие феномены, как эстетическое переживание, религиозный опыт, моральный выбор, в полной мере применяя собственную методологию и собственный категориальный инструментарий (нейроактивность, нейронные корреляты и т.п.). Эпистемическая интервенция представляют собой «захват» и «присвоение» чужого аксиоматического ядра. Например, понятие «сознание», которое было основным концептом философии, а после психологии, присваивается и переформатируется науками о мозге, в соответствии с ее собственными дисциплинарными целями. Предельной формой дисциплинарной колонизации является претензия дисциплины на универсальную эпистемологию.

Нейроидеология, базирующаяся на логике властного объяснения (Б. Латур), пытается свести все многообразие предметного поля к одному объяснительному принципу, тем самым безусловно претендует именно на статус универсальной эпистемологии. Именно эта тенденция к тотальному захвату всех возможных территорий, приводит к идее о том, что постижение механизмов функционирования мозга, должно радикальным образом трансформировать всю нашу жизнь. К примеру, Z. Lynch и B. Larson пишут весьма однозначно, что нейронаучная революция приведет «к радикальной перестройке нашей жизни, семей, обществ, культур, правительств, экономик, искусства, досуга, религии - абсолютно всего того, что имеет решающее значение для существования человечества» [Lynch, Larson, 2009: 7].

Несмотря на весьма влиятельную в современном научном дискурсе идеологию междисциплинарности и трансдисциплинарности, конкурентная борьба между различными дисциплинами за право говорить истину, устанавливать и защищать свои границы не исчезает. Практика колонизации, которую реализует нейронаука, не осталась без внимания и вызвала соответствующую ответную реакцию. В то время как нейросоциология, например, ищет основы социальных отношений в мозге, социология науки описывает нейронауку как исключительно социальный феномен. В рамках философии науки формируется такая область исследования, как критическая нейронаука, пытающаяся раскрыть и подробно описать философские и социокультурные основания, делающие возможной саму нейроидеологию [Choudhury, Slaby, 2012].

Ситуацию с экспансией нейронауки и ее вторжением в дисциплинарные границы гуманитарных наук можно рассматривать с нескольких точек зрения и в разных модусах. Можно занять крайне критическую позицию и пытаться развенчать очередные бесплодные попытки натуралистического редукционизма проникнуть в «логику смысла». Можно выстроить более конструктивную программу критики, целью которой будет не только указать на ограничения нейронаучной парадигмы, но и проанализировать зыбкость границ самого гуманитарного знания, прояснить, какие лакуны нейронаука пытается заполнить. Симптоматично, что не только Д. Деннет, П. Чёрчленд или Т. Метцингер утверждают, что нейронаука заменит философию или оставит ее в качестве «этической служанки», но даже такой диаметрально противоположный им мыслитель, как С. Жижек, признает, что нейронаука процветает именно из-за капитуляции философии перед базовыми метафизическими

проблемами [Жижек, 2018]. В связи с этим дисциплинарные войны, является весьма полезными для развития гуманитаристики, поскольку дают ей повод консолидировать свои силы в рефлексивной работе относительно собственных целей, методов и языка.

Литература

1. Вахштайн В. С. Эпистемические интервенции. 7 фактов о «военных действиях» между дисциплинами // Постнаука. 2014. [Электронный ресурс]. URL: <https://postnauka.ru/faq/27198> (дата обращения: 10.08.2017).
2. Жижек С. «Порнография лишилась всего своего обаяния». Часть II. Славой Жижек о «великих мыслителях», будущем психоанализа и о своём любимом порно // Доха, 19.01.2018 [Электронный ресурс]. URL: <http://doxajournal.ru/texts/zizek2> (дата обращения: 14.02.2018).
3. Abi-Rached J.M., Rose N. The birth of the neuromolecular gaze // History of the Human Sciences. 2010. Vol. 23 (1). P. 11-36.
4. Gabriel M. I am Not a Brain: Philosophy of Mind for the 21st Century. Cambridge, Polity, 2017. – 229 p.
5. Lynch Z., Larson B. The neuro revolution: How brain science is changing our world. N.Y.: St. Martin's press, 2009. – 256 p.
6. Schmidt T.E. Die Wirklichkeit ist anders! // Die Zeit. 3.04.2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zeit.de/2014/15/neuer-realismus> (дата обращения: 14.06.2017)
7. Slaby J., Choudhury S. Proposal for a critical neuroscience // Critical Neuroscience: A Handbook of the Social and Cultural Contexts of Neuroscience. Malden, MA:Wiley-Blackwell, 2012. P. 29–51.
8. Tellis R. Neurotrash // New Humanist. 10.11.2009 [Электронный ресурс]. URL: <https://newhumanist.org.uk/articles/2172/neurotrash> (дата обращения: 10.09.2017)

СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ – ИСТОЧНИК ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ ЭПИСТЕМОЛОГИИ

Людмила Александровна Микешина

*Доктор философских наук, профессор кафедры философии
Московский педагогический государственный университет*

Коммуникативная рациональность лежит в основе новых типов методологий в науке и эпистемологии. В качестве форм «конкретизации» научного знания рассматриваются различные формы предпосылочного знания – научной картины мира, стиля научного мышления, парадигмы, методологических и мировоззренческих принципов. В исторической науке появилось направление «интеллектуальной истории», во многом опирающееся на идеи и принципы современной эпистемологии. Примером тому – А.Я. Гуревич, создавший оригинальный вариант «антропологически ориентированной истории». Как своеобразная форма коммуникаций в науке, обсуждается новый проект – акторно-сетевая теория научного знания Б. Латура, Дж. Ло и др. Исторические и социальные науки за последние полвека поставили перед эпистемологией множество принципиально новых проблем и наметили пути их решения.

Ключевые слова: коммуникативная рациональность, эпистемология, предпосылочное знание, социально-гуманитарные науки.

SOCIAL SCIENCES AND THE HUMANITIES AS A SOURCE OF FUNDAMENTAL PROBLEMS IN EPISTEMOLOGY

Lyudmila A. Mikeshina

*DSc in Philosophy, professor of the Philosophy Department
Moscow Pedagogical State University*

Communicative rationality underlies new types of methodologies in science and

epistemology. Various forms of background knowledge, namely world pictures, styles of thinking, paradigms, methodological and world-view principles, are considered as forms of knowledge instantiation. The “intellectual history” emerged based on ideas of modern epistemology. A good example is A. Gurevich who created an original version of “anthropologically oriented history”. B. Latour, J. Law, et al. have produced the ANT, it is being discussed as a special form of communications in science. Historical and social sciences have challenged epistemology with many principally new problems and propose how to solve them.

Keywords: communicative rationality, epistemology, background knowledge, social sciences and the humanities.

1. Современное более глубокое понимание природы и роли научных коммуникаций как особого вида intersubjectivity и формирования коммуникативной рациональности стало основанием и условием осмысления новой формы трансцендентальности в науке: не только как уровня предельной абстракции, но и как феномена совместной деятельности научного сообщества и условия получения истинного знания. Именно коммуникативная рациональность лежит в основе новых типов методологий, в частности, таких, как мультипарадигмальность, например, в социологии (Дж. Ритцер и др.), а также создание и апробация теорий среднего уровня в контексте различных парадигм вместо прежнего идеала всеобщей теории (Р. Мертон). Невозможность достижения этого «идеала» и, по сути, отсутствие в этом необходимости осознается сегодня как учеными, так и философами науки, чему, однако, не придается значения в эпистемологии.

2. Сегодня в целом происходит переосмысление ведущих категорий теории познания, в частности, субъекта и объекта, а также истины. Следует отметить, что часто в популярных философских текстах исходят из того, что чуть ли не изначально, а не с XVII в. от Декарта, в философии существовали категории субъект и объект и основанное на них учение о познании. В ряде случаев это приводит к онтологизации данных категорий, особенно в «обыденном» философском знании, а также в различного рода методологических пособиях и за их пределами. Возникла необходимость и в конкретно научном знании учитывать временной контекст применения этих понятий и принимать во внимание определенное изменение содержания и взаимодействия субъекта и объекта в современном познании. Понимание истины и ее определений, в частности, в корреспондентской теории, а также понимание практики, рациональности всегда имеет исторический, а не абсолютный характер. Очевидно, что современное понимание этих категорий существенно изменилось, развиваясь вместе с культурой, наукой и самой философией. Новым стало применение понятия «неклассической эпистемологии», выявления ее «разновидностей», в частности, наряду с социальной эпистемологией как самостоятельную стали рассматривать культурно-историческую, появилось много прикладных эпистемологий, имеющих отношение к конкретным областям науки.

3. Сегодня различные типы эпистемологий исходят из того, что человек познающий с необходимостью обладает системой ценностей, представленных не только в обыденном, но и в специализированном знании, вписанных в культурно-исторические и социальные отношения. Соответственно в качестве форм «конкретизации» знания субъекта сегодня рассматриваются различные формы предпосылочного знания – научной картины мира, стиля научного мышления, парадигмы, методологических и мировоззренческих принципов, а также факты присутствия неявного знания и «интегральной телесности». Как данность познания, его конструктивность и нелинейность изучаются различные виды ценностей и такие формы их включения и переосмысления, как фундаментальные операции репрезентации, интерпретации, конвенции, категоризации, редукции и др. Это, в свою очередь, позволило расширить понятие трансцендентальности, выявить ее новые формы, сформулировать проблему дальнейшего развития философии познания в целом, конкретных эпистемологий как важнейших ее составляющих, в частности.

4. Новый этап в развитии современной науки существенно приблизил эпистемологию к решению проблем конкретного научного, в частности, социального и гуманитарного знания. Так, в исторической науке в XX веке появилось направление «интеллектуальной истории», во многом опирающееся на идеи и принципы современной эпистемологии. Отечественное направление «интеллектуальной истории», сложившееся под руководством чл.-корр. РАН Л.П.

Репиной, существенно обогатило как проблематику, подключив богатый материал российского историковедения, так и собственно эпистемологию истории, разрабатываемую не только в традиционных, но и в принципиально новых направлениях. Тому пример изучение дореволюционных российских научных школ в исторической науке как форм коммуникации; выявление самостоятельных эпистемологических направлений, или «поворотов» к исследованию. В частности, феномена «образа» и его функций в историческом знании; методологии «истории понятий», мемориальный, лингвистический повороты и др. Не меньшее значение для развития эпистемологии гуманитарного и социального знания имеют возникшие в Германии (1960-е гг.) «история понятий» (Р. Козеллек и др.), а также Кембриджская школа History of concepts, исследующая «лингвистическое устройство политического» – два самостоятельных направления социально-исторического исследования. Сегодня и российские историки с успехом осваивают исследование отечественной истории с помощью методов семантического анализа понятий. Об этом говорят многие статьи, начиная с А.И. Миллера «История понятия «нация» в России», а также А.Н. Муравьева, В.А. Куренного о понятии «народ» и др., ставшие базой монографических исследований на основе не логики, но семантики понятий, либо «метода исторической социологии понятий». Новые проблемы и новые подходы к историческому знанию, как одному из ведущих направлений гуманитарных наук, предполагают необходимость нового осмысления понятия истины. Сегодня очевидно, что классическая постановка проблемы истины в теории корреспонденции не может удовлетворять исследователей в исторической науке. Известный историк К.В. Хвостова отмечает, что, с одной стороны, подобные понятия и концепции подразумевают события и факты, воспроизводимые на основе исторических источников, а с другой стороны, они отражают идеальные модели, обобщающие представления историка о типичных чертах изучаемых пространственно-временных тенденций. Сведения из источников в значительной степени «конструируются воображением историка», он их с необходимостью «домысливает», что зависит от профессионализма историка. Очевидно, что проблема истинности исторического знания требует дальнейшего исследования и обращения к позициям других ученых и не только отечественных. Прежде всего, очевидно, что, как и другие ученые естествоиспытатели или гуманитарии, историки испытали на себе влияние фундаментальных идей и критериев классической науки и гносеологии. Фундационистские принципы познания являются господствующими и по сей день в нашей стране, истина рассматривается с позиций теории соответствия знания и действительности как объективная, независимая от субъекта познания.

5. Активная деятельность историков в рамках Школы «Анналов», антипозитивистские эпистемологические исследования истории науки создали во Франции, как представляется, благоприятную ситуацию в становлении и развитии общей исторической эпистемологии в целом. Следуя этой традиции и развивая ее, А.Я. Гуревич создал оригинальный российский вариант «антропологически ориентированной истории». Сегодня это стало насущной эпистемологической проблемой, особенно при изучении периода раннего Средневековья. Так, категории ранней средневековой культуры – это язык и понятия «безмолвствующего большинства», которые историки обозначают термином «ментальность». Гуревич разрабатывал и применял его при исследовании проблемы «индивид, личность и общество», обратившись к скандинавским текстам раннего Средневековья. Он полагал, что эти исторические источники могут выглядеть иначе, к ним можно обратиться с помощью *мысленного эксперимента*. Например, существует известное основание для того, чтобы сопоставить франкское общество VI–VII вв. со скандинавским обществом, как оно рисуется в сагах и записях древнего права, что и осуществил Гуревич, опираясь, в частности, на различные саги и песни «Эдды», где представлены не просто индивиды, но личность. Она исторически конкретна и весьма непохожа на новоевропейскую личность, которую мы вольно или невольно принимаем за эталон. Итак, Гуревич осуществляет *мысленный эксперимент*, получает научный результат, что безусловно ново для современной эпистемологии, как и для исторической науки.

6. Как своеобразная форма коммуникаций в науке, обсуждается сегодня прежде всего за рубежом новый «сетевой проект социальных наук» – акторно-сетевая теория научного знания Б. Латура, Дж. Ло и др. Принципиальные наблюдения авторов концепции – моменты, в первую очередь предлагающие нетривиальное видения процесса исследования и в этом смысле значимые для современной эпистемологии и философии науки. В центре теории «научная лаборатория», понимаемая как определенная модель-структура-организм, представляющая суть научной деятельности. Это базовый образ современной науки, вбирающий в себя не только

виды и специфические методы, процессы исследования, но главное – определенные трактовки природы самого *метода* и *объекта* исследования, его *онтологии*. Уточняя понятие «социального», Латур подчеркивал, что это «не вещи среди других вещей, а тип связи между вещами, которые сами по себе не являются социальными», «социальное не та вещь, которую можно видеть или постулировать. Происходит пересборка социального». По существу, меняется понятие онтологии в научном познании.

ПАРАДИГМЫ КОГНИТИВНЫХ НАУК В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Игорь Феликсович Михайлов

Кандидат философских наук, старший научный сотрудник

Институт философии РАН

Доцент кафедры философии ИОН

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

В докладе анализируются основные идеи, лежащие в основе ИИ и когнитивных наук, в том числе метафора «вычислений» и сетевая парадигма с её собственной долгой историей. Обсуждая когнитивные онтологии сознания, автор останавливается на компьютерно-коннекционистском и «воплощенном» подходах. Учитывая последние тенденции к интеграции когнитивных наук с социальными, основанной на сетевом подходе, делается предположение, что коннекционизм имеет лучшие перспективы. Важно, чтобы последний был понят не просто как ещё одна вычислительная архитектура, а как принципиальный сдвиг в онтологических метафорах, лежащих в основе нашего понимания сознания.

Ключевые слова: искусственный интеллект, когнитивные науки, сетевая парадигма, компьютеризм, коннекционизм, воплощенный разум.

PARADIGMS OF COGNITIVE SCIENCE IN THE HISTORICAL PERSPECTIVE

Igor F. Mikhailov

CSc in Philosophy, senior research fellow

Institute of Philosophy, Russian Academy of Science

Senior lecturer at the Department of Philosophy

Institute of Social Science, Russian Academy of National Economy and Public Administration

The paper traces principal ideas underlying the AI and cognitive sciences through times, including the metaphor of ‘computation’ and the network paradigm with its own long history. Discussing the cognitive ontologies of consciousness, the author dwells on the computer-based, connectionist and ‘embodied’ approaches. Given the emerging trends in the integration of cognitive sciences with social ones based on a network approach, the paper makes the assumption that connectionism has better prospects. It is important that the latter is construed not as another computation architecture, but as a principal shift in ontological metaphors underlying our understanding of consciousness.

Keywords: artificial intelligence, cognitive sciences, network paradigm, computationalism, connectionism, embodied mind.

Идеи, готовившие «когнитивную революцию» в психологии, лингвистике, философии и приведшие к появлению теории искусственного интеллекта (ИИ), появились задолго до её начала. Ещё в XVII веке, Томас Гоббс написал в «Лаокооне»: «Рассуждения есть расчёт». В 1830-е гг. Чарльз Бэббидж высказал идею универсальной автоматической вычислительной машины. В 1936 г. Алан Тьюринг писал, что открываются возможности изобретения одной универсальной машины, которую можно использовать для вычисления любой вычислимой последовательности [Turing, 1936].

Развитие собственно когнитивных наук началось в середине XX века в качестве ответа на засилье бихевиоризма в психологии. В 1976 г. Ньюэлл и Саймон выдвинули гипотезу

«физической символической системы» как машины, которая развивает во времени некий набор символических структур. «Такая машина (будь то человек или цифровой компьютер) имеет необходимые и достаточные условия для общей разумной деятельности» [Newell Simon, 1976: 116]. Один из классиков символической парадигмы в когнитивной науке Зенон Пилишин писал в 1984 г.: «Люди способны... действовать на основе репрезентаций, потому что они физически формируют такие репрезентации как когнитивные коды, и потому что их поведение является каузальным следствием операций, произведённых на основе этих кодов. Поскольку это именно то, что делают компьютеры, отсюда следует, что познание является разновидностью вычисления» [Pylyshyn, 1984: xiii].

Однако в истории науки параллельно развивался другой подход к структурированию материальных объектов. Этот подход я бы назвал сетевой парадигмой. В 1736 г. Леонард Эйлер решил задачу о семи кенигсбергских мостах. В результате родилась математическая теория графов, которая до сих пор является основным математическим инструментом для анализа сетевых структур. В дальнейшем методы исследования сетей находили себе дорогу и в социальной науке. В 1973 г. Марк Грановеттер опубликовал знаменитую статью «Сила слабых связей» [Granovetter, 1973], где использовал методологию и математический аппарат, применяемый для анализа сетевых связей, заложив, по мнению многих, основы социологии социальных сетей.

В качестве параллельного процесса можно рассмотреть историю создания искусственных нейронных сетей. В 1958 г. Фрэнк Розенблатт создал машину под названием «Перцептрон», имитировавшую человеческий мозг. Марвин Минский и Сеймур Пейперт в 1969 г. доказали ограниченность этого устройства. И только в 1980-е годы, с прогрессом технологий, начался ренессанс искусственных нейронных сетей. В середине 1980-х гг. появляется коннекционизм как направление в когнитивной науке, альтернативное символизму и компьютеризации. В рамках этого подхода предполагается, что когнитивные явления можно объяснить с помощью набора общих принципов обработки информации, известной как параллельные распределенные вычисления (PDP) [Rumelhart et al., 1984]. Коннекционизм — это рабочая рамка для изучения когнитивных явлений с использованием архитектуры простых процессоров, соединенных между собой с помощью взвешенных связей. Согласно этой модели, каждый нейрон получает множество входящих сигналов от других нейронов, интегрируя сигналы путем вычисления взвешенной суммы активации. На полученной величине некоторая пороговая функция определяет уровень исходящей активации нейрона, которая распространяется на последующие нейроны. Результаты экспериментов с коннекционистскими когнитивными моделями характеризуются большей психологической реалистичностью по сравнению с классическими символическими моделями.

Поскольку история когнитивных наук тесно переплетена с историей исследований в области ИИ, обзор идей и направлений в последней, представленный в [Ekbja, 2010], может помочь разобраться в недавних и продолжающихся дискуссиях. Автор отталкивается от наиболее широко распространённой классификации направлений в когнитивных исследованиях, где выделяются символический, коннекционистский и «воплощённый» (situated) подходы. Однако он предлагает более детальную классификацию, в которой выделяет такие группы подходов как (1) символический, (2) основанный на «грубой силе», (3) основанный на знаниях, (4) прецедентный, (5) креативный, (6) биокомпьютационный, (7) динамический и (8) «воплощённый».

Первая группа (1) содержит разновидности традиционного символизма, известного также в литературе как классицизм или компьютеризация.

Подход со стороны того, что автор называет «грубой силой» (2), ярче всего воплощён в шахматных компьютерах типа Deep Blue. Под «грубой силой» подразумевается ставка на решительное повышение вычислительной мощности, которая в рамках данного подхода оказывается главной гарантией «интеллектуальности».

Подход, основанный на знаниях (3), равно как и прецедентный (4), стремится к большему психологическому реализму. Исходя из того, что интеллектуальные процессы человека погружены в некий массив изначальных знаний о мире, сторонники этой теории ИИ исходят из того, что мыслящую машину нужно сначала «кормить знаниями с ложечки», пока она не научится добывать их сама [Ekbja, 2010: 211]. Примерно так же должна поступать машина и согласно прецедентному подходу.

Попытки моделировать творческую природу человеческого интеллекта (5) сводятся к действиям по аналогии и перекомбинированию известных паттернов.

Под биоконьютиационным подходом (6) автор подразумевает, прежде всего, коннекционизм и, затем, «генетические алгоритмы». О коннекционизме автор справедливо говорит, что «распределённый характер репрезентаций в коннекционистских моделях допускает обучение и появление нового поведения» [Ekbia, 2010: 219].

Динамический (7) подход и подход в рамках воплощённого (8) интеллекта я также объединил бы в одно семейство. Первый предполагает описание когнитивной деятельности в терминах «пространства» состояний системы, определяемых переменными, зависимыми от времени. Следствием такого подхода становится замена теоретического языка, связанного с вычислениями и репрезентациями, языком, связанным с геометрией и динамическими состояниями.

«Воплощённый» (situated) подход отказывается от классицистского понимания интеллекта как абстрактного, индивидуального, рационального и оторванного от восприятия и действия, противопоставляя этому понимание его как отелеснённого (embodied), встроенного (embedded) и распределённого (distributed). Иными словами, когнитивные процессы протекают не в мозге, а между мозгом, остальным телом и средой.

Я объединил последние два подхода в одну группу, поскольку, во-первых, у меня нет существенных возражений против их основных позиций. Во-вторых, я не нахожу в их принципах никаких противоречий с основами коннекционизма, что предполагает принципиальную совместимость всех трёх подходов. Их роднит:

- принципиально антиклассицистская позиция — отказ от метафоры вычислений;
- возвращение к доброй старой каузальности;
- поворот от логики к математике;
- признание существенной роли биологической определённости человека в формировании его интеллектуальных качеств.

Литература

1. Ekbia H.R. Fifty years of research in artificial intelligence // Annual Review of Information Science and Technology, 2010. Vol. 44. Issue 1. P. 201–242.
2. Granovetter M.S. The Strength of Weak Ties // American Journal of Sociology. 1973. Vol. 78. N. 6. P. 1360–1380.
3. Newell A., Simon H.A. Computer science as empirical inquiry // Communications of the ACM, 1976. Vol. 19. N. 3. P. 113–126.
4. Pylyshyn Z.W. Computation and cognition: Toward a foundation for cognitive science. Cambridge, MA: MIT Press, 1984. 320 p.
5. Rumelhart D.E., McClelland J.L. and the PDP Research Group. Parallel Distributed Processing: Explorations in the microstructure of cognition. Vol. 1: Foundations. Cambridge, MA: MIT Press, 1986. 567 p.
6. Turing A.M. On computable numbers, with an application to the Entscheidungsproblem // Proceedings of the London Mathematical Society. 1936. Vol. 2. N. 42. P. 230–265.

ЭВОЛЮЦИЯ ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЙ КОГНИТИВНОЙ НАУКИ

Елена Александровна Никитина

*Доктор философских наук, профессор кафедры философии, социологии и политологии
Московский технологический университет (МИРЭА)*

Обсуждаются основные направления эволюции философско-методологических оснований когнитивных исследований. Проведен анализ причин, обусловивших изменения в методологической платформе когнитивной науки. Показано, что рост интереса к проблеме субъекта, деятельностному подходу обусловлен возрастанием сложности техносреды существования человека, растущей конвергенцией познавательных, когнитивных и информационных

технологий, необходимостью решения задач управления сложными организационно-техническими системами. Показаны особенности трактовки субъекта и интеллекта в информационно-технологическом направлении эпистемологии.

Ключевые слова: эпистемология, когнитивная наука, субъект, интеллект, деятельностный подход, конвергентные технологии.

EVOLUTION OF THE PHILOSOPHICAL AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF COGNITIVE SCIENCE

Elena A. Nikitina

*DSc in Philosophy, professor of the Philosophy, sociology and political science Chair
Moscow Technological University (MIREA)*

The main directions of evolution of the philosophical-methodological basis of cognitive research are discussed. The analysis of reasons for changes in the methodological platform of cognitive science is provided. It is shown that the growth of interest in the problem of the subject, the activity approach, is due to the increasing complexity of technocracy of human existence, the growing convergence of the cognition, cognitive and information technology, the need to solve the problems of control of complex organizational-technical systems. The paper also contains analysis of the characteristics of the interpretation of a subject and an intellect in the information-technological direction of epistemology.

Keywords: epistemology, cognitive science, subject, intellect, activity approach, convergent technologies.

Интенсивное развитие науки и технологий, экспоненциальный рост мировых информационных ресурсов актуализировали проблему эффективного функционирования систем производства и передачи знания. Данную проблему мы ощущаем ежедневно, сталкиваясь со сложностями быстрого поиска, компактного и удобного хранения достоверной информации, необходимой для деятельности, и переживая растущую «алгоритмизацию» повседневного, жизненно-практического мира [Лекторский, Кудж, Никитина, 2014: 6].

Особую остроту приобретает проблема организации эффективного взаимодействия «систем/подсистем, производящих знание, с системами/подсистемами, производящими материальный продукт» [Алексеева, Никитина, 2016: 7–8]. Философско-методологические аспекты данной проблемы, связаны, прежде всего, с исследованием деятельности субъекта [Никитина, 2015: 16]. Отметим, что в условиях информационного общества наблюдается качественное изменение соотношения познавательной деятельности субъекта и информационных технологий. Новое качество выражается в конвергенции познавательных, когнитивных и информационных технологий. Конвергентное развитие когнитивных и информационных технологий проявляется, в частности, в процессе когнитивного управления сложными организационно-техническими системами как целенаправленно функционирующими человеко-машинными комплексами, возникающими в результате интеграции систем управления с производством. Формирование и проектирование данных систем опирается на теорию сложных систем, связано с информационными технологиями, адаптивными системами и т.д.

Пространство управления сложной организационно-технической системой включает в себя «когнитивное пространство, функциональное информационное пространство, информационное пространство, операционное пространство». В таких системах сложно провести «четкую границу между когнитивным, информационным и организационным управлением...» [Соловьев, Цветков, 2016: 27].

В эпистемологии соотношение познания, когнитивных и информационных технологий исследуется в информационно-технологическом направлении, формирующемся в условиях интенсивного развития комплекса наук информатики и кибернетики. К данному направлению эпистемологии относятся информационная эпистемология, компьютерная эпистемология, кибернетическая эпистемология, когнитивная наука как междисциплинарный комплекс научных дисциплин, исследующих познание на основе вычислительного подхода. Ядром

когнитивной науки является искусственный интеллект и именно в информационно-технологическом направлении разрабатывается «точная» эпистемология. Принципиальную значимость имеет тот факт, что в структуру отечественной когнитивной науки философия была включена изначально [Величковский, Соловьев, Ушаков, 2006: 5].

Информационно-технологическое направление эпистемологии находится в стадии становления. Проблематика дискуссий в нем в значительной мере определяется взаимодействием эпистемологии и когнитивной науки.

В философско-методологическом аспекте существенный интерес представляет эволюция методологической платформы когнитивной науки в направлении моделирования целостной деятельности человека. В когнитивной науке предпринимаются попытки формализации, алгоритмизации целеполагающей деятельности человека. Классическая когнитивистская вычислительная парадигма сменяется динамическим, синергетическим подходом. Разумеется, моделирование целостной, интеллектуальной, целеполагающей деятельности человека – это сложная задача, к реализации которой научное сообщество только приступает. Классический вычислительный подход был нацелен на получение точного знания о познавательных процессах, на создание гипотетико-дедуктивной модели, обеспечивающей возможность экспериментальной проверки (технической реализации) гипотез о познании. Данный методологический подход подвергался критике за сведение многообразия познавательных способностей человека к интеллектуальным, формализуемым функциям, за рассмотрение интеллекта вне связи с целеполагающей деятельностью человека и его телесностью. Не учитывались эволюционное происхождение познавательных функций, особенности их формирования в онтогенезе, активность субъекта.

В настоящее время моделирование интеллекта в когнитивной науке ориентировано на учет деятельностной природы человека и социокультурных контекстов интеллектуальной деятельности, что способствовало включению в когнитивную науку более широкого круга философских дисциплин: философской антропологии, герменевтики, экзистенциализма. В синергетическом искусственном интеллекте внимание привлечено к коллективным аспектам интеллектуальной деятельности: таковы гибридные интеллектуальные системы, системы «мягких вычислений», распределенные системы управления, интеллектуальные агенты, многоагентные системы, виртуальные организации, компьютерное моделирование общества на основе агенто-ориентированных моделей, эволюционирующие искусственные сообщества. Исследуются процессы формирования, деятельности, коммуникации, эволюции и кооперации искусственных систем [Макаров, 2012: 3].

Особенность трактовки субъекта в информационно-технологическом направлении эпистемологии состоит в том, что субъект понимается как совокупность инстанций по переработке информации, а познание рассматривается как процесс поиска, отбора, получения, обработки и передачи информации. Разумеется, это редукционистская трактовка познания, но она позволила сопоставить информационную деятельность человека с информационными возможностями технических средств. Так, преимущество человека заключается в способности одновременного целостного восприятия информации различными органами чувств, недостатки проявляются в неоднозначной трактовке предъявляемой информации, ошибках, усталости. Одновременно, в информатике информация, применительно к живой природе и искусственным системам, нередко трактуется в ее соотнесенности с деятельностью субъекта, как «содержание отношений субъектов или созданных ими кибернетических устройств к другим субъектам или объектам, выраженное в кодовой форме» [Седякин, Соловьев, 2014: 265].

Естественный интеллект в когнитивных исследованиях трактуется как совокупность способностей человека, позволяющих ему успешно осуществлять целеполагающую деятельность: способность к выделению существенного в знаниях, к целеполаганию и планированию поведения, к отбору знаний, способность извлекать следствия из фактов и знаний, способность принимать решения аргументировано, способность к рефлексии, познавательное любопытство и потребность находить объяснения, способность к синтезу процедур познания, к обучению и использованию памяти, к созданию целостной картины предмета мышления и т.д. [Финн, 2009: 89–90]

И, в заключение, хотелось бы обратить внимание на важную тенденцию сближения значений понятий «субъект» и «интеллект» в когнитивных исследованиях.

Литература

1. Алексеева И.Ю., Никитина Е.А. Интеллект и технологии. М.: Проспект, 2016. 96 с.
2. Величковский Б.М., Соловьев В.Д., Ушаков Д.В. Предисловие // Когнитивные исследования: Сборник научных трудов: Вып. 1 / Под ред. В.Д. Соловьева. – Казань: Казанский государственный университет, 2006. С. 5–9.
3. Лекторский В.А., Кудж С.А., Никитина Е.А. Эпистемология, наука, жизненный мир человека // Российский технологический журнал. 2014. № 2 (3). С. 1–12.
4. Макаров В.Л. Искусственные общества // Экономика и математические общества. 2012. Т. 48. № 3. С. 3–20.
5. Никитина Е.А. Проблема субъекта познания в современной эпистемологии // Перспективы науки и образования. 2015. № 2 (14). С. 16–24.
6. Седякин В.П., Соловьев И.В. О третьей проблеме Лучано Флориди и классификации информатик // Теория и практика общественно-научной информации. 2014. № 22. С. 255–284.
7. Финн В.К. К структурной когнитологии: феноменология сознания с точки зрения искусственного интеллекта // Вопросы философии. 2009. № 1. С. 88–103.
8. Цветков В.Я., Соловьев И.В. Принципы когнитивного управления сложной организационно-технической системой // Государственный советник. 2016. № 1 (13). С. 27–32.

О МЕСТЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПОДХОДА К ПРОБЛЕМЕ СОЗНАНИЯ В ЭПОХУ ДОМИНИРОВАНИЯ КОГНИТИВНЫХ НАУК¹¹

Елена Олеговна Труфанова

Кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник сектора теории познания

Институт философии РАН

E-mail: eltrufanova@gmail.com

В докладе рассматриваются три основных течения в современных исследованиях сознания – нейрофизиологические исследования мозга (давшие импульс развитию когнитивных наук), аналитическая философия сознания и «телесная» или «воплощенная» когнитивная наука. Показывается, что в связи с ростом популярности когнитивных наук и аналитических исследований сознания на второй план была отодвинута еще одна важная тенденция – социокультурный подход к проблемам сознания, который критиковался как спекулятивный и не обладающий естественнонаучной точностью. Демонстрируется, что исследования сознания будут неполными, если не учитывать также «личностное» измерение проблемы сознания, в анализе которого важнейшую роль играет именно социокультурный подход.

Ключевые слова: когнитивная наука, «воплощенное» познание, философия сознания, личность, социокультурный подход, социальный конструкционизм.

THE PLACE OF SOCIOCULTURAL APPROACH TO THE PROBLEM OF CONSCIOUSNESS IN THE AGE OF COGNITIVE SCIENCE PREPOTENCY

Elena O. Trufanova

CSc in Philosophy, Leading Research Fellow

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences

E-mail: eltrufanova@gmail.com

The paper considers three main trends in the contemporary consciousness research – the research that is built on the neurophysiologic brain research and artificial intelligence studies (that brings into life cognitive sciences), analytical philosophy of mind and embodied cognitive science. It is shown that one important trend has been

¹¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №16-18-10229).

mostly overlooked due to the prepotency of cognitive sciences – the sociocultural approach to the problem of consciousness. The paper argues that it is important for the consciousness research to take into account the “personal” dimension of the problem of consciousness that is developed in the sociocultural approach.

Keywords: cognitive science, embodied cognition, philosophy of mind, person, sociocultural approach, social constructionism.

Философские исследования сознания представляют собой одну из наиболее значимых областей философии XX-XXI вв. Можно выделить три основных связанных между собой течения, которые составляют главное ядро этих исследований.

Во-первых, в связи с развитием науки и техники, в XX в. данная область философии испытала сильное влияние со стороны исследований в области нейрофизиологии, психиатрии и искусственного интеллекта. Перечисленные исследования, заложившие основу когнитивных наук, представили огромное количество новых фактов о сознательной деятельности человека, требующих философского осмысления, однако не смогли обнаружить тот связующий элемент, который из разрозненных нейронов или их сетей создает сознание. «Натурализация» исследований сознания, таким образом, поставила больше новых вопросов, чем дала ответов о природе сознания.

Во-вторых, исследования сознания были сосредоточены в сфере аналитической философии, которая буквально оккупировала само понятие «философия сознания» (philosophy of mind). Аналитическая философия сознания обсуждает психофизическую проблему и проблему квалиа, частично опираясь на данные исследований мозга и теории искусственного интеллекта, но в качестве основного метода аргументации используя мысленные эксперименты («зомби», «комната Мэри» и др.).

В-третьих, как реакция на то, что классическая когнитивная наука и аналитическая философия сознания игнорируют телесную деятельность человека, возникает «отелесненная» («embodied») или «воплощенная» когнитивная наука, подчеркивающая роль тела в познавательной деятельности (Ф.Варела, У.Матурана, и др.).

Рассмотренные направления, начиная с середины XX в., определяли основной «климат» исследований сознания, а в последние десятилетия на их стыке возникло и получило популярность также такое гибридное направление как нейрофилософия. О гибридности, уже в сфере психологии, пишет Р.Харре, отмечая, что психология в последние годы раскололась на два лагеря – дискурсивной психологии, занимающейся значениями и способами их использования, и нейропсихологии, сконцентрированной на изучении процессов, происходящих в мозге, связанных неким образом с когнитивными процессами. Гибридная психология, возникающая на их стыке, «основывается на интуиции, согласно которой, несмотря на то, что в качестве инструмента, используемого людьми в процессе их деятельности, мозг может быть учтен в исследовании мира личностей, сами личности не могут быть описаны в качестве части мира нейронов и молекулярных процессов» [Харре, 2005: 39]. Так, Харре подчеркивает, что проблема личности не решается через объяснение мозга.

Так, исследования сознания в последнее время оказались включены в основном в естественнонаучный дискурс, тогда как социогуманитарные исследования сознания, под предлогом, что они являются спекулятивными и лишены научной точности и ясности выражения, были отодвинуты на второй план. В результате, личностные характеристики сознания и проблема самосознания (за исключением исследования проблемы личностной идентичности в аналитической философии), оставались, как правило, за пределами магистрального научного интереса. Вопрос о влиянии на сознание социокультурных факторов был просто выведен за рамки исследований сознания, тогда как он является центральным для того, что можно широко обозначить как социокультурный подход к исследованиям сознания. В данный подход включаются те исследования, где акцентируется вопрос о том, как социум и культурно-исторические обстоятельства влияют на возникновение и развитие сознания индивида.

Представляется, что социокультурную проблематику нельзя исключать из исследований сознания. К этому приходят и некоторые представители аналитической философии сознания, к примеру, представитель социального экстернализма Т. Бёрдж «объясняет природу содержания ментальных состояний как зависимую исключительно от социума» [Иванов, 2017: 38]. Важность учета социокультурного подхода можно объяснить следующим: манифестации

сознательной активности мы, как правило, фиксируем с помощью коммуникации. Чистый опыт сознания дается нам лишь интроспективно, в остальных случаях мы опираемся только на свидетельства других. Именно с помощью слов мы можем выразить сложнейшие формы сознательной деятельности, к примеру, теоретическое мышление. Как отмечает Т.В. Черниговская, по мнению которой человеческий язык и есть доступный нам язык сознания, «именно отсутствие такого инструмента, как вербальный язык, а не отсутствие технологических возможностей не позволяет нам увидеть ментальное пространство других животных» [Черниговская, 2014: 84]. Кроме того, в исследованиях сознания важен не только вопрос о том, как возможны мои индивидуальные переживания, но и вопрос о том, как из этих индивидуальных переживаний складываются мои мысли, мой совокупный опыт, уникальные черты моей личности, мое Я.

Поэтому представляется важным помимо натуралистического и аналитического подходов к сознанию рассматривать также и такие подходы, в которых социокультурная составляющая доминирует. Они приобретают широкое распространение в конце XX в., в первую очередь как реакция на засилье физикализма и аналитической «отвлеченности» исследований сознания, однако занимают в основном маргинальную позицию, находясь на периферии философских исследований сознания и, в основном, обосновавшись в области социальной психологии. Р.Харре, будучи представителем социально-конструкционистской позиции относительно сознания, предлагает говорить о трех типах грамматик, каждая из которых описывает человека на разных уровнях. П-грамматика (персональная) описывает действия личностей как рациональных агентов, ответственных за свои действия; М-грамматика (молекулярная) используется биологией и физиологией, описывая такого рода деятельность как, к примеру, способность мелатонина погружать человека в сон и т.п.; О-грамматика (организмическая) – за основу берет организм и описывает те действия, которые производятся целесообразно, но не осмысленно (действия младенцев, действия животных и т.п.). Все эти грамматики, по Харре, относятся к правильному дискурсу о человеке, они могут объединяться, дополнять друг друга, но могут также и противоречить друг другу. Харре утверждает, что психофизическая проблема, являющаяся одной из центральных для аналитической философии, понимается неправильно и, «переключив акцент наших исследований с неправильно понимаемой загадки о том, как могут взаимодействовать две полностью различные *субстанции*, и избежав дополнительной ловушки построения науки о человеке на основе только одной или другой из этих мнимых субстанций, мы можем перенести наше внимание на исследование способов, которыми дискурс, ориентированный на личность, дискурс, ориентированный на организм, и дискурс, ориентированный на молекулы, связаны друг с другом» [Харре, 2005: 51].

Социокультурный подход к сознанию, прежде всего, связан с понятием личности и рассматривается в терминах П-грамматики. Исследования личности зачастую выводятся за рамки сферы интересов философии сознания и эпистемологии в целом, однако исследования сознания без личностных аспектов будут неполными, поскольку мы никогда не имеем дела с «чистым» сознанием, не принадлежащим никакой личности. Если же вновь обратиться к концепции Харре и его призыву к поискам объединения между тремя разными дискурсами о человеке, то он отмечает, что именно П-грамматика, связанная с дискурсом о человеке как о личности, как правило, играет объединяющую роль для М- и О-грамматик. Таким образом, полноценное понимание сознания возможно только при объединении данных когнитивных наук и социокультурных исследований сознания.

Литература

1. Иванов Д.В. Критика метафизики в контексте дискуссий о реализме и антиреализме // Философский журнал. 2017. Т.10. № 1. С.35-47.
2. Харре Р. Гибридная психология: союз дискурс-анализа с нейронаукой // Эпистемология и философия науки. 2005. Т.VI. № 4. С.36-63.
3. Черниговская Т. «До опыта приобрели черты...». Мозг человека и породивший его язык // Логос. № 1 (97). 2014. С.79-96.

МОДЕЛИ РАЦИОНАЛЬНОСТИ В ЭВОЛЮЦИИ ТЕОРИИ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ

Амина Зиевна Фахрутдинова

Доктор философских наук, профессор

Сибирский институт управления – филиала РАНХиГС

Показано, что на эволюцию теории принятия решений оказали влияние модели научной рациональности. Изначально нормативная теория решений основывалась на модели полной рациональности. В рамках дескриптивного подхода, который носил описательный характер, по сути, отрицалась возможность рационального поведения и свободы выбора. В ходе разработки обеих теорий были обнаружены как ограничения модели полной рациональности, так и некорректность жесткого детерминизма процесса принятия решений. Современная теория решений стремится синтезировать оба подхода и выстраивает собственные модели в духе постнеклассических моделей, представляя рациональность в ее рефлексивных и коммуникативных формах.

Ключевые слова: теория принятия решений, модели полной и постнеклассической рациональности.

MODELS OF RATIONALITY IN THE EVOLUTION OF THE THEORY OF DECISION-MAKING

Amina Z. Fakhrutdinova

DSc in Philosophy, professor

Siberian Institute of Management – branch of Russian Academy of National Economy and Public Administration

It is shown that models of scientific rationality influenced the evolution of the theory of decision-making. Initially, the normative decision theory was based on the full rationality. Another approach is descriptive – it has, in fact, denied the possibility of rational behavior and freedom of choice. During the development of both theories the limitations of the model of comprehensive rationality and the incorrectness of the concepts of rigid determinism of the selection process were discovered. Modern decision theory seeks to synthesize both approaches and builds its own models in the spirit of post-nonclassical rationality.

Keywords: decision theory, the models of full and post-nonclassical rationality.

Рассмотрим изменения моделей рациональности, лежащих в основе теорий принятия решений. Принятие решений стало предметом научного исследования в 40-х годах XX в. Его началом принято считать работу Дж. фон Неймана и О. Моргенштерна «Теория игр и экономическое поведение» [Нейман, Моргенштерн, 1970]. В ней были предложены первые формализованные модели поведения человека в процессе принятия решений. Далее возникли два подхода к изучению разработки и принятия решений: нормативный и дескриптивный. Первый из них, представленный в основном работами математиков и экономистов, фиксирует свое внимание на поиске алгоритма рационального решения. Второй подход описывает реальный процесс принятия решений, принимая прежде всего во внимание психологические и социальные факторы, обуславливающие отклонения от рационального поведения.

Можно заметить, что исходные установки этих подходов соответствовали методологии субъективистской и объективистской парадигм социального познания и отражали их противостояние. Рациональный подход базировался на предположении о возможности рационального действия и рационального управления — достижения целей управления через выбор и реализацию наилучших вариантов решения. Дескриптивный подход, реализующий естественнонаучную методологию, напротив, акцентировал свое внимание на факторах, объективно воздействующих на поведение индивида и препятствующих его рациональному решению. По сути дела, дескриптивный подход, как и объективистски ориентированные социальные теории в целом, отрицает возможность рационального (абсолютно рационального)

поведения и рационального управления или, во всяком случае, показывает ограниченность возможностей человека в этом отношении.

Развитие нормативной теории принятия решения происходило за счет модификации и конкретизации исходной модели. Первоначально - за счет конкретизации условий внешней среды. Так, от решения статических задач с риском, предполагающих использование частотной (объективной) вероятности, нормативная теория переходит к рассмотрению динамических задач с риском. Их решение основано на субъективной интерпретации вероятности и использовании правила Байеса. Другим движением к реальности, отражающим развитие нормативного подхода, является аксиоматическая теория полезности. С одной стороны, именно теория полезности, созданная Дж. фон Нейманом и О. Моргенштерном, послужила началом теории принятия решения, основанной на описанной модели рационального индивида. Вместе с тем, поскольку теория полезности предполагает субъективную оценку последствий альтернатив, она учитывает по сравнению, скажем, с матрицей платежей, дополнительные конкретные условия проблемной ситуации и индивидуальные предпочтения участников.

В ходе дальнейшего развития нормативной теории было обнаружено и множество других примеров ограниченности модели полной рациональности. Выявлены такие отступления от классической рациональности как нарушение транзитивности и принципа погашения при принятии решений, приверженность к упрощенным эвристическим и детерминистическим способам представления задачи, следование принципам репрезентативности, психологической доступности, выравниванию вероятностей, а также неоправданный оптимизм при оценке вероятности исходов, ограниченная рациональность при выборе альтернатив. Все эти исследования приводят первоначально к пониманию значимости объективных, неконтролируемых человеком факторов и ограниченности человеческой рациональности, а затем – к изменению исходной модели рациональности.

Эволюционирует в том же направлении – синтеза объективистских и субъективистских установок – и дескриптивная теория. Современная дескриптивная теория в плоскости методологических оснований не только реализует функцию отрицания рациональности, но и осуществляет синтез с нормативными теориями, выходя на уровень неорационализма. Каждое из утверждений дескриптивной теории содержит момент критики положений нормативной теории и одновременно модифицирует исходную идеализированную модель рационального поведения и рационального решения. Это относится к анализу механизмов формирования субъективного образа задачи, процесса оценки последствий, процесса прогнозирования условий, определяющих последствия решений, выбора стратегии.

Множество нарушений рациональности, выявленные в рамках дескриптивного подхода, поставили вопрос о психологической корректности нормативного подхода и поставили под сомнение возможность рационального выбора. Взамен аксиоматической нормативной теории полезности появляются описательные модели принятия решения. В их числе модель «ограниченной рациональности», разработанная лауреатом Нобелевской премии Г. Саймоном в 1956 г. [Simon, 1957], модель *реального* процесса оценки исходов в «теории перспективы» Д. Канеманна и А. Тверски [Kahneman, Tversky, 1979].

Несмотря на то, что изучение объективных факторов, управляющих процессом выбора, происходит именно в рамках дескриптивного подхода, психологи вовсе не являются выразителями объективистской методологии в чистом виде и не отрицают полностью возможность рационального действия. Тенденции развития дескриптивного подхода свидетельствуют не об отрицании нормативного, а о стремлении к синтезу нормативных и психологических исследований и, соответственно, не к отрицанию возможности рациональности, а к выработке ее нового понимания.

Можно отметить присутствие в теориях психологического направления, являющихся по своей сути описательными, положений нормативного характера. Психологи не только фиксируют и доказывают факты ограниченной рациональности, но и формулируют возможные «ответные меры» — способы минимизации субъективных ошибок, иллюзий и заблуждений. В частности, в работе С. Плауса «Оценка и принятие решений» [Плаус С., 1998] каждая глава завершается перечнем мер, компенсирующих действие неконтролируемых иррациональных факторов.

Так, фиксируется, что для снижения ошибки в оценке риска и вероятности необходимо предпринимать следующие меры: сохранять точные записи, остерегаться думать о желаемом, разбивать сложные события на простые. Для исключения ошибки в ковариационной оценке

рекомендуется принимать во внимание не только положительные подтверждающие примеры, но и отрицательные; учитывать то, что при оценке, основанной на наблюдении, ковариация может быть недооценена, а при оценке, основанной на ожидании – переоценена. В этих и подобных случаях возможность увеличения степени рациональности появляется как следствие знания о неконтролируемых факторах и психологических ловушках, а, следовательно, в результате рефлексии над процессом реального выбора и коммуникации между участниками процесса принятия решений.

С. Плаус попытался выделить общий элемент во всех методах борьбы с предубеждениями. Он описал его как следующее правило (его также можно трактовать как эвристику) — «Большая часть наиболее эффективных методов борьбы с предубеждениями учитывает альтернативные перспективы» [Плаус С., 1998: 311]. Например, переоценка обычно снижается в ходе размышлений о том, почему тот или иной ответ может оказаться неверным. Формулировка перестает оказывать влияние на ответы, когда проблема формулируется несколькими различными способами. Разница в атрибутировании между действующим лицом и зрителем практически исчезает, когда один ставит себя на место другого. Все эти примеры позволяют сделать обобщение: рационализация поведения и устранения ошибок предубеждений возможна в рамках рефлексивного поведения.

Описанные способы рационализации процесса принятия решения вполне укладываются в рамки представлений о неорационализме, в частности, подтверждают тезис о возможности рациональности именно в ее рефлексивной модификации.

Литература

1. Нейман Дж. фон, Моргенштерн О. Теория игр и экономическое поведение. М.: Наука, 1970. 707 с.
2. Плаус С. Оценки и принятия решений. М.: ИИД «Филинь», 1998. 368 с.
3. Kahneman D., Tversky A. Prospect theory: An analysis of decision under risk // *Econometrica*, 1979. V. 47. P. 263–294.
4. Simon H. A. Models of man: social and rational; mathematical essays on rational human behavior in society setting. New York: Wiley, 1957. 287 p.

СТАТУС СУБЪЕКТА В ЭКСТЕРНАЛИЗМЕ

Анна Алексеевна Хахалова

*Преподаватель кафедры рекламы и современных коммуникаций
гуманитарного факультета
Санкт-Петербургский государственный университет
аэрокосмического приборостроения*

Целью работы является разработка онтологического представления о субъективности в современной версии экстернализма. Данная разработка осуществляется на основе анализа интерсубъективного опыта. В качестве основного метода используется феноменология, где субъект определяется как результат совместного диадического, социального взаимодействия. Опираясь на теорию социальных аффордансов, мы приходим к пониманию основных механизмов функционирования таких социально значимых качеств, как эмпатия, совместное внимание, понимание и т.д. Мы выстраиваем модель социального взаимодействия на основе представления о взаимной, интерсубъективной природе сознания. Теория воплощенного сознания оказывается одной из подходящих объяснительных концепций данного опыта. Так, мы представляем новые возможности для работы с данными когнитивных наук, психологии развития и других эмпирических наук.

Ключевые слова: эмоциональный аффорданс, социальный аффорданс, интерсубъективность, другое сознание, экстернализм, теория воплощенного сознания, эмпатия, совместное внимание.

THE STATUS OF THE SUBJECT IN EXTERNALISM

Anna A. Khakhalova

*Lecturer at the Department of Advertising and Modern communications
Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation*

The paper aims at elaborating an ontological notion of subjectivity in a contemporary version of externalism applying the analysis of intersubjectivity. The main method of the paper is phenomenology, where the subject is understood as a result of mutual dyadic, social interaction. Starting from the theory of social affordances we elucidate the main mechanisms of functioning of such socially meaningful phenomena as empathy, joint attention, understanding-process and so on. We build the model of social interaction according to the idea of intersubjective nature of the mind. Therefore, we afford new strategies to work with data of cognitive sciences.

Keywords: emotional affordance, social affordance, intersubjectivity, the other, externalism, theory of embodied cognition, empathy, joint attention.

Феномен со-знания указывает на опытное качество «быть за двоих или более», которое отвечает за эффект понимания и эмпатии при взаимодействии двух и более людей. Если мы сосредотачиваемся на самых ранних опытах минимального коллективного сознания, мы должны внимательно присмотреться к аспектам низкоуровневого (имплицитного) сознания, которое разворачивается в телесно-аффективном измерении опыта. Здесь мы обнаруживаем себя захваченными игрой взаимопоручающей ответственности вместе с другими. Динамика этой игры определяется нами как телесно-аффективная динамика (ТАД), примером которой может служить любое внимательное описание коммуникативного действия. То, как мы меняем позу во время неприятного разговора, как мы обходим препятствия во время занимательной беседы, то, как мы расслабляемся, оставшись с кем-то наедине — в феноменологической традиции эти феномены представлены в идее нететического, незаметного телесного ориентирования в мире, или *моторной интенциональности* (М. Мерло-Понти)¹²; в философии сознания — в идее проприоцептивной самости (Ш. Галлагер), которая является одной из базовых сборок чувства идентичности агента (чувства авторства (agency) и чувства собственности (ownership)). Нам кажется, что анализ телесно-аффективного измерения опыта — это одна из тем, которая позволяет развить диалог между феноменологией и аналитической философией, будучи принципиально междисциплинарной (от идеи о врожденных элементах имплицитной интенциональной структуры до представления о сенсорно-моторной мультимодальной интер-телесности коммуникативного действия).

Традиционно, тема имплицитного разворачивалась в границах гилеморфической схемы в качестве маргинального дискурса¹³. Интерес к до-логической части души в XIX веке позволил сделать такие темы, как интерессубъективность и социальность преимущественными темами философии сознания. Углубление в природу имплицитного делает очевидным необходимость смены онтологических оснований, с интернализма на экстернализм, с субстантивизма на знактивизм.

Если мы обращаемся к теме коллективного сознания, то здесь также можно обнаружить некое базовое, имплицитное, минимальное функционирование, которое закладывает паттермальную матрицу общения, реляционные навыки (relational skills), или знание «как» опыта взаимодействия. Минимальная форма коллективного сознания обозначается нами как триада (я-мир-другой), которая характеризуется способностью оценивания другого, принятием перспективы другого, способностью расчета последствий «за двоих», способность, своего рода, диадной, или "зеркальной" рефлексии. Понимание в данном случае понимается как сонастройка, или эффект совместности. Этот эффект функционирует в пространстве

¹² Кроме того, в феноменологической традиции представлен анализ имплицитной интенциональности и необъективирующей интенциональности (Гуссерль, Мерло-Понти, Нам-Ин Ли).

¹³ Одной из таких тем является концепция внутренних чувств в средневековой традиции.

аффордиальной (от англ. to afford – предоставлять возможность) структуры психики: возможности для дальнейших действий проявляются в соотнесенности моей перспективы с перспективами других, другой выступает как набор определенных аффордансов по отношению ко мне [Гибсон 1979].

Теория аффордансов подразумевает тему Совместного Внимания (joint attention), способность ребенка проследить за взглядом другого и разделить с ним некоторое отношение к одному и тому же предмету, разделить определенную ситуацию. Мы указываем на континуальный характер развития имплицитных навыков общения (ИНО), который не подразумевает резкого перехода о стадии ВВ к этапу СВ. Очевидно, что тенденция индивидуальной психики к тому, чтобы быть дальше себя оформляет интенциональную структуру опыта, в рамках которой получают свое развитие такие аспекты психики, как воление, желание, целеустремленность и др. Теория привязанности (Attachment Theory) указывает на решающую роль телесно-аффективного регулирования между младенцем и воспитателем, которое происходит на этапе взаимного признания взглядом. Примером континуальности может служить мысль В. Редди о том, что первым общим, совместным объектом (О) является тело субъекта (младенца), которое оказывается предметом интереса для обоих участников коммуникации (игры, прикосновения и т.д.) [Reddy 2011].

Аффордиальная схема позволяет рассмотреть другого как условие постоянного расширения границ моего-совместного мира. Анализ телесного измерения взаимодействия проясняет связь восприятия и действия (action-perception coupling), а именно, зависимость перцептуальной активности от кинетического поведения, помимо предрассудков, мировоззрения и других установок, которые также нететически формируют мое перцептуальное поле. Мы полагаем, что уже на этапе ВВ происходит значимый обмен социо-аффективными, эмоциональными ценностями и суждениями о мире, которые закладывают основу ИНО, или чувства других (Галлагер) ребенка. В тексте мы проясняем, как ТАД оказывается условием развития практически ценностной карты мира у ребенка. Напомним, что идея пространственности прослеживается в эмоциональном (e-movere) переживании мира вместе с другими. В своей статье М. Константины, К. Синегaglia и др. раскрыли пространственную природу аффордансов, которые указывают совместные «моторные цели» и «моторные действия» [Costantini, Ambrosini, Tieri, Sinigaglia, & Comitteri 2010]. В то же время, аффект, или эмоция, будучи первичной оценкой ситуации, предуготовливает (pre-shapes) последующее движение или действие. Например, хорошо подготовленный студент держится увереннее на экзамене, чем остальные. В своей книге «La Decision» А. Берто раскрывает более тщательно, как именно эмоция играет роль пре-концепции и пред-действия (pre-action).

Для нашей модели ЭА важно то, что аффордансы представляют собой, своего рода, опытные достижения-переживания, которыми агент руководствуется до концептуальной символизации опыта¹⁴. Скорее, они находятся «под рукой» и в нужный момент делают общение проще. Помимо индивидуальной аффордиальной схемы (ЭС), мы можем говорить об общих культурных традициях, обществе, языке, которые выступают глобальными социальными аффордансами, делающими понимание возможным.

Литература

1. Гибсон Дж. Экологический подход к зрительному восприятию: Пер. с англ. / Общ. ред. и вступ. ст. А.Д. Логвиненко. М.: Прогресс, 1988. 464 с.
2. Costantini M., Ambrosini E., Tieri G., Sinigaglia C., Comitteri G. Where does an object trigger an action? An investigation about affordances in space // Experimental Brain Research. 2010. №207(1-2). pp. 95–103.
3. Reddy V. A Gaze at Grips with Me // Joint Attention: New Developments in Psychology, Philosophy of Mind, and Social Neuroscience ed. by A. Seeman. MIT Press, 2011. pp. 137 –158.

¹⁴ В данном случае я заимствую термины из книги Джендлина (E. Gendlin), где проводится различие между опытными ощущениями (felt meaning) и символизацией. Первые представляют собой первичную спецификацию опыта, его инварианты, которые затем облачаются в соответствующие слова. Первичность образного (вещественного) мышления перед словесным как в филогенезе, так и в индивидуальном развитии получает свое обоснование во многих дисциплинах [10].

СИСТЕМНО-ЭВОЛЮЦИОННЫЙ ПОДХОД КАК ОСНОВАНИЕ ЕДИНСТВА КОГНИТИВНЫХ НАУК

Ирина Васильевна Черникова

*Доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой
философии и методологии науки*

*Национальный исследовательский Томский государственный
университет*

Чтобы обосновать, что когнитивные исследования не просто конгломерат наук, необходимо выявить основания их интеграции. Возможным подходом к решению этой проблемы может стать выделение общего, объединяющего все исследования метода. Показано, что объединяющей когнитивные исследования методологией является системно-эволюционный подход, применяемый различными дисциплинами в изучении познания, сознания, языка и мышления. Системно-эволюционный подход основан на представлении о мире, конструируемом в эволюционно-синергетической парадигме. Когнитивная наука вписывает мышление в картину реальности, формируемую в эволюционно-синергетическом подходе. Когнитивная наука не сводит все поведенческие функции к когнитивным процессам, а создает более сложную модель познания посредством интеграции естественных и гуманитарных наук.

Ключевые слова: когнитивная наука, сознание, познание, система, эволюция, методология.

SYSTEMIC-EVOLUTIONARY APPROACH AS A BASIS FOR COGNITIVE SCIENCES UNITY

Irina V. Chernikova

*DSci in Philosophy, professor
National Research Tomsk State University*

To prove that cognitive research is not just aggregation of sciences, it is necessary to define the reasons for their integration. Defining common methodology can serve as a feasible approach to solve this task. It is revealed that systemic-evolutionary approach applied by various disciplines in studying cognition, conscience, language and thinking acts as unifying methodology for cognitive research. Systemic-evolutionary approach is based on the representation of the world build in evolutionary-synergetic paradigm. Hereby cognitive science inscribes thinking into a reality image formed with evolutionary-synergetic approach. Cognitive science doesn't reduce all the behavioral functions to cognitive processes, it creates more complex model of cognition by means of integration of natural sciences and humanities.

Keywords: cognitive science, conscience, cognition, system, evolution, methodology.

Когнитивная наука представляет собой междисциплинарный синтез наук: философии, психологии, лингвистики, нейрофизиологии, информатики, связанных единой проблематикой (язык-познание-мозг) и общими методологическими принципами. Объектом когнитивной науки являются познавательные процессы и механизмы, выявленные на стыке наук, с помощью которых осуществляется адекватная адаптация человека к реальности. Современными философами проводился сравнительный анализ исследования познания в классической эпистемологии и в когнитивной науке. Так, В.А. Лекторский отмечал, что когнитивную науку отличает трактовка познания в информационном ключе и предположение о существовании в мозгу ментальных репрезентаций [Лекторский, 2012]. Добавим, что когнитивная наука принципиально отличается от классической науки тем, что рассматривает познание не как данность, а осуществляет познание познания, средствами междисциплинарного исследования. Кроме того, она является не только теоретической системой знания, не только наукой, но и технологией. Трансформация современного научного мировоззрения, связана с

переориентацией научной деятельности с познавательной на проективно–конструктивную. Наука постепенно интегрируется в организованную по новым принципам систему взаимодействия науки и технологии. Этот феномен обозначается термином технонаука. Важнейшим примером технонауки могут служить NBICS–технологии. Когнитивная наука, являющаяся междисциплинарным исследованием познания, сама включена в еще более крупную интеграцию наук и технологий. Возникает вопрос о том, каковы основания этой интеграции? На наш взгляд, ответ на этот вопрос следует искать в контексте системно-эволюционного подхода.

Системно-эволюционный подход основан на представлении о мире, конструируемом в эволюционно-синергетической парадигме. Тем самым когнитивная наука вписывает мышление в картину реальности, формируемую эволюционно синергетической парадигмой естествознания. Когнитивная наука осуществляет не редукцию ментального к физическому и не сводит все поведенческие функции к когнитивным процессам, а создает более сложную модель познания посредством интеграции естественных и гуманитарных наук. Она демонстрирует стремление понять такие явления как язык, свобода, мораль, познание не только через исследование культуры и социальности, но и с использованием естественнонаучных аргументов[2]

Кроме того, когнитивная наука является технологией знания, и по своим характеристикам вполне может рассматриваться как технонаука. Когнитивные науки традиционную дуальную картину реальности – объективный физический мир и субъективная психическая реальность, трансформируют, разворачивая в трехмерное измерение: объективный мир; субъективный образ объективного мира; отношения между действительностью и ее репрезентацией, которые собственно и определяют результат адаптации человека к миру, определяют степень ее адекватности. Когнитивные науки изучают структуру субъективного опыта человека, не в традиционной для философии абстрактной форме, а в практическом аспекте.

Моделью познания, которая адекватна практике когнитивной науки, является эволюционная эпистемология и такая ее форма как эволюционный конструктивизм. Эволюционная эпистемология описывает познание как процесс конструирования, но вопрос в том, кто конструирует и по каким законам? Например, сторонники социального конструктивизма трактуют знание как функцию лингвистических конвенций, утвердившихся в культурных традициях и стандартах научного дискурса. Но это лишь одна сторона медали. Вторая сторона раскрывается в эволюционной эпистемологии и на основе онтологии построенной на идеях глобального эволюционизма и системности. В этом ракурсе коммуникативный уровень взаимодействий понимается не как фундаментальный, а как эволюционно обусловленный. В эволюционной эпистемологии познание трактуется как «проживание», совместная деятельность.

Особенность эволюционного конструктивизма в том, что при конструировании знания используется более богатый спектр когнитивных ресурсов, нежели индивидуальный опыт. Человек конструирует знание, обрабатывая информационные потоки, идущие от физического мира (объекта), от биологической материи (физиологический и сенситивный аппарат), от социума и культуры (ценности, язык, коммуникативные связи и т.д.). Если выделить один поток информации, картина процесса будет искажена. Поэтому семантический анализ знаний в аналитической философии науки, или социологический анализ в социологии науки создают одностороннюю картину, в то время как эволюционный конструктивизм, осуществляя системный инжиниринг знания, конструирует знание в соответствии с законами и запретами эволюции.

Эволюционный конструктивизм основывается на установке реализма и исходит из того, что мышление не открывает объекты и не создает их, а «извлекает» из реальности то, что соотносимо с его деятельностью. При таком подходе круг «мир находится в мозгу, а мозг в мире» преобразуется в эволюционную спираль. Такую позицию развивает Д. Деннет, применяя функционалистский подход не только к трактовке сознания, но и к познанию, понимая его как конструирование в соответствии с законами и запретами эволюции, как инжиниринг знания. В его трактовке познание это одновременно и метафизика, которую называют метафизикой дизайна [Юлина, 2007].

В эволюционном конструктивизме такие понятия как «реальность», «субъект», «объект», «знание», «познание» обретают новый смысл. То, что мы называем объективной реальностью –

не внешняя реальность, по отношению к которой субъект ее познающий занимает внешнюю позицию. Это реальность, в которой теряются дуализмы материи и сознания, субъекта и объекта, внешнего и внутреннего. Это реальность – процесс, в котором человек с его когнитивным аппаратом и нормами деятельности – звено и участник. При таком подходе реальность не внешняя данность и не внутренняя, не ментальная конструкция, это реальность, образующаяся на границе внутреннего и внешнего, на пересечении.

Категории «субъект» и «объект» это не только гносеологические категории, а категории, имеющие и онтологическую размерность. Реальность, как то, на что направлено познание, не является внешней реальностью по отношению к познающему, подобно тому, как среда не является внешней для автопоэтической системы. Здесь субъект и объект, бытие и сознание взаимно определяют друг друга. Субъект понимается не как абстрактная мыслительная способность, а как человек, когнитивная способность которого, детерминирована его телесной, социальной, коммуникативной природой.

Объект понимается на основе представления о мироустройстве, которое называют эволюционный холизм, стержнем которого является эволюционно синергетическая парадигма. Сегодня о синергетике говорят как о целостном междисциплинарном знании процессов самоорганизации систем различного субстрата. Эволюционно синергетическая парадигма, которую называют еще парадигмой сложности, позволяет построить единую картину мира, в которой человек укоренен в природе, мир и человеческое бытие соразмерны и потому конструирование искусственной природы и социальных институтов осуществляется в единой сети взаимодействий.

Таким образом, применение системно эволюционной методологии в исследовании познания ведет не только к междисциплинарной интеграции. Когнитивная наука – современные междисциплинарные исследования познания – снимает основное противоречие традиционной гносеологии и выводит исследование когнитивных процессов на новый уровень, где дополнительной размерностью анализа являются процессы формирования когнитивного аппарата познающего субъекта в процессе адаптивной деятельности.

Литература

1. Лекторский В.А. Эпистемология и исследование когнитивных процессов // Человек в мире знаний. К 80-летию В.А. Лекторского. М.: Канон+. 2012. С. 329–348.
2. Черникова И.В. Когнитивная наука в зеркале философской рефлексии// Эпистемология и философия науки. 2011. № 1. С. 101–117.
3. Юлина Н.С. Философский натурализм: О книге Дэниела Деннета «Свобода эволюционирует». М.: Канон+, 2007. 240 с.

СУБЪЕКТИВНОСТЬ КАК ТЕМА ФИЛОСОФИИ: ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ

Елена Леонидовна Черткова

*Кандидат философских наук, старший научный сотрудник сектора
теории познания*

Институт философии РАН

Рассматриваются две линии в эволюции проблемы субъективности: как характеристике человеческого знания (Протагор, софисты), и как особой реальности, определяющей сущность человека (Декарт). Обозначаются поворотные моменты в осмыслении субъективности: эмпирическое толкование у Протагора, метафизический сдвиг проблемы у Декарта, анти-метафизический поворот в постмодернизме. Отмечается тенденция десубъективации человека в современной философии, устранение субъекта и переосмысление понятия и природы человека в контексте антропологической и цифровой революции как «постчеловеческой» стадии антропогенеза.

Ключевые слова: субъект, субъективность, познание, самосознание, релятивизм, cogito, Протагор, Сократ, Платон, Декарт.

SUBJECTIVITY AS A PROBLEM OF PHILOSOPHY: STAGES OF EVOLUTION

Elena L. Chertkova

*CSc in Philosophy, Leading Research Fellow
Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences*

Two lines are considered in the evolution of the problem of subjectivity: subjectivity as a characteristic of human knowledge (Protagoras, sophists), and as a special reality that determines the essence of man (Descartes). The turning points in interpreting subjectivity are indicated: Protagoras' empirical interpretation, the metaphysical shift of the problem in Descartes' works, the anti-metaphysical turn in postmodernism. There is a tendency of "de-subjectivation" of a person in modern philosophy, the elimination of the subject and the rethinking of the concept and nature of man in the context of the anthropological and digital revolution as a "posthuman" stage of anthropogenesis.

Keywords: subject, subjectivity, cognition, self-consciousness, relativism, cogito, Protagoras, Socrates, Plato, Descartes.

Два имени обращают нас к истоку темы субъективности – Протагор и Сократ. Первый с его известным высказыванием «Мера всех вещей – человек, существующих, что они существуют, а не существующих, что они не существуют» [Платон, 1993: 203]. И второй – с его призывом «познай самого себя». С ними связано обращение к теме человека, положившее начало философской проблеме субъективности и «антропологическому повороту» в философии, рефлексии как движению человека «к самому себе». Другой стороной этого поворота стало выдвигание на первый план субъективности как гносеологической проблемы. Благодаря Платону и его интерпретации Протагора в диалоге «Теэтет», этот тезис стал рассматриваться в контексте проблемы знания, что и знаменовало «гносеологический поворот» в философии. Прежде всего, это касается различия знания и мнения, истины и правдоподобия. Разбирая тезис Протагора «какой мне кажется каждая вещь, такова она для меня и есть, а какой тебе, такова же она в свою очередь для тебя» [Платон, 1993: 203], Платон выделяет в этом тезисе сенсуализм как ограничение познания ощущениями и указывает на него как основание релятивизма (как мы бы сейчас это назвали). Именно Протагору принадлежит формулировка основного тезиса релятивизма. Историки философии Д. Антисери и Дж. Реале так и называют тезис Протагора «*magna charta*», великой хартией западного релятивизма [Реале, Антисери, 1997: 56].

У Протагора еще нет «субъекта» в метафизическом смысле, это обычный живой человек со всеми своими особенностями и способностями, которые и определяют меру доступности сущего и границы этой доступности. Так, например, он говорит: «О богах я не могу знать, есть ли они, нет ли их, потому, что слишком многое препятствует такому знанию, – и вопрос темен и людская жизнь коротка» [Диоген Лаэртский, 1986: 348]. У разных людей разные возможности познания и потому знания людей столь различны. И помимо обычая и традиции не существует признаваемой всеми инстанции, способной как-то согласовать их. Эта мысль была подробно разработана скептиками. Субъективность относится к определению содержания человеческих представлений о мире, их иллюзорности, мнимости, неистинности, скорее незнания, чем знания. Таким образом, субъективность есть, но субъекта еще нет, есть проблема гносеологическая, но еще нет метафизики субъекта, как это будет позднее у Декарта. Это различие в понимании проблемы субъективности Протагором и Декартом было отмечено Хайдеггером: при сопоставлении тезиса Протагора и Декарта он указывает на ошибочность толковать Протагора как «Декарта греческой метафизики; подобно тому, как Платона выдавали за Канта греческой философии» [Хайдеггер, 1993: 117].

Начатую софистами и скептиками критику субъективности как препятствия к истинному знанию продолжили Бэкон и Декарт. Бэкон различал внешние и внутренние, или приобретенные и врожденные, помехи на пути к истинному знанию. К первым он относит измышления философов и превратные способы доказательств, ко вторым – врожденные

свойства самого разума, который «сплетает и смешивает с природой вещей свою собственную природу» [Бэкон, 1971: 74]. Из-за этого он считал разум даже более склонным к заблуждениям, чем чувства. Отсюда и критическая линия исследования субъективности, понимаемой как мнимость, обманчивость, неадекватность, что сближает позицию Бэкона с софистами и скептиками.

Решающий поворот в этой проблеме осуществил Рене Декарт. Ему по праву принадлежит открытие субъективности как основополагающей проблемы философии. Подобно своим предшественникам, он начинает с сомнения, но при этом его никак невозможно назвать скептиком. Задолго до «коперниканской революции» Канта, Декарт совершил свою «архимедову революцию» [Декарт, 1994: 21]. Ту надежную точку опоры, на которой может утвердиться истинное знание, он обнаружил в самом мыслящем субъекте, т.е. именно там, где его предшественники находили только источники заблуждения.

Благодаря исканиям Декарта понятия «субъект» и «субъективность» получили новый смысл и значение в структуре философской мысли. Прежде всего, он придал им позитивную ценность, показав их основополагающую роль в познании. Кроме того, изменился смысл уже существовавшего ранее термина «субъект». В метафизике до Декарта под субъектом понималось как раз сущее, бытие, то, что пред-лежит, или лежит в основе, это именно то, что мы теперь называем объектом. И только через Декарта и после Декарта «субъектом» становится в метафизике человек, человеческое «я». Суть произведенного Декартом, и вслед за ним Кантом, поворота в понимании субъекта ясно выразил С.Л. Франк: «...навсегда ценным остается общий итог того поворота сознания – говоря словами Платона, «поворота глаз души» – извне вовнутрь, в силу которого существо реальности открывается не так, как она извне предстает в качестве «объективной действительности», а так, как она есть и обнаруживается в живых глубинах самосознания» [Франк, 1997: 33]. Знаменитое положение Декарта «*cogito ergo sum*» («я мыслю, следовательно, я существую») пришло на смену протагоровскому «человек есть мера всех вещей». Субъективность из преграды, ограничивающей притязания человека на истину, становится у Декарта конституирующим основанием истинного знания. Субъект уже не просто эмпирический человек, как у Протагора, а бытие, само себя обосновывающее, самосознающее. Как отмечал В. Хесле, «Благодаря Декарту субъективности удалось абсолютизировать самое себя до невиданной в мировой истории степени» [Хесле, 1994: 51].

Cogito Декарта как идеальное единство сознания высвечивает такую атрибутивную характеристику субъективности, как реальность самоопределения, необходимость непрерывной рефлексии для сохранения самости. Оно рассматривается как онтологическая реальность, вид бытия, а не функция мозга, организма или социума. Внутреннее самоопределение – неустранимая преграда для различных манипуляций, что особенно актуально для нашего времени. Здесь важно отметить единство когнитивного и этического моментов *cogito*: обоснование не только рационалистического метода, но и особого рода онтологии, метафизическое обоснование свободы личности и морали, единичности субъекта свободной воли и в то же время общезначимости осуществляемого им акта познания и самосознания. Именно они подвергаются в современном мире серьезному испытанию, грозящему десубъективацией субъекта.

В современной философии набирает силу возвратное движение от метафизического к эмпирическому пониманию субъекта и релятивистскому пониманию субъективности познания. В основе этого лежит отказ от метафизической традиции исследования традиционных проблем философии и их замещение практическими вопросами. Как пишет Рорти, «современные философы, подобно инженерам и юристам, сначала должны выяснить, что нужно их клиентам» [Рорти, 1994]. А поскольку историчность – неотъемлемое свойство жизни, то и потребности «клиентов» не остаются неизменными, что, в свою очередь, исключает из задач философии постижение «надмирных», «вечных», поднимающихся над текучестью жизни концепций и ценностей. Вместо раздумий о вечном призывают заботиться больше «о правдивости, чем об истине, больше о том, чтобы сила была справедливой и меньше о том, чтобы истина восторжествовала» [Рорти, 1994: web]. Фундаментальные принципы философии подлежат замене практическими примерами из повседневной жизни. Разум, истина, мораль – все это слова устаревшего словаря платоновско-кантовской философии, которым нет места в современном мире.

Рорти полагает свое видение задач современной философии как прагматизм, но можно увидеть за этим более древний прообраз – тех самых софистов, с которых мы начали

обсуждение проблемы субъективности. Парадоксальность ситуации состоит в том, что возрастание субъективизма, релятивизма и даже волюнтаризма сочетается с отказом от субъекта как сознающей свою ответственность личности. Мы вновь сталкиваемся с утверждением субъективности без субъекта, но уже в иных, значительно более чреватых опасностью для человеческого существования обстоятельствах.

Литература

1. Бэкон Ф. Сочинения в двух томах. Т. 1. М.: Мысль, 1971. 590 с.
2. Декарт Р. Размышления о первой философии // Декарт Р. Сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1994. 633 с.
3. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: Мысль, 1986. 571 с.
4. Платон. Тезет. // Платон. Собрание сочинений в четырех томах. Том 2. М.: Мысль, 1993. 528 с.
5. Реале Дж., Антисери Д.. Западная философия от истоков до наших дней. I. Античность. ТОО ТК "Петрополис", 1997. 336 с.
6. Рорти Р. Философия и будущее // Вопросы философии, 1994. № 6. С. 29–34. URL <http://philosophy1.narod.ru/www/html/library/vopros/56.html> (Дата обращения: 22.03.2018).
7. Франк С.Л. Реальность и человек. СПб: РХГИ. 1997. 448 с.
8. Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. 447 с.
9. Хесле В. Философия и экология. М.: «Ками», 1994. 205 с.

О ВОЗМОЖНОМ СБЛИЖЕНИИ АНАЛИТИЧЕСКИХ И ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПРОГРАММ СОЗНАНИЯ

Владимир Анатольевич Яковлев

*Доктор философских наук, профессор кафедры философии
естественных факультетов философского факультета
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
E-mail: goroda460@yandex.ru*

Анализируются современные научные когнитивные программы. Обосновывается предположение об универсализации антропного принципа в современной физике и возможной переинтерпретации философской категории сознания в качестве ключевого понятия теории информационной реальности. Предлагается информационно-синергетическая модель сознания, в основе которой лежит метафизический принцип онтологической реальности информации – первичности информации по отношению к реальности вещественно-энергетической (физической) и реальности семантически-смысловой (идеальной).

Ключевые слова: сознание, информация, креативность, субъективное, физика, реальность, метафизика.

THE POSSIBLE CONVERGENCE OF ANALYTICAL AND SCIENTIFIC RESEARCH PROGRAMS OF CONSCIOUSNESS

Vladimir A. Iakovlev

*DSc in Philosophy, Professor of the Chair of philosophy of natural
sciences at the philosophical Faculty
Lomonosov Moscow State University
E-mail: goroda460@yandex.ru*

The author analyzes modern scientific cognitive programs, grounds the supposition of universalization of an anthropic principle in modern physics and possible reinterpretation of philosophical category of “consciousness” as a concept of theory of information reality. He suggests an information and synergetic model of consciousness in

the base of which there is metaphysical principle of ontological reality of information – the primacy of information in relation to material and energetic (physical) reality and semantic-notional (ideal) reality.

Keywords: consciousness, the information, creativity, subjective, physics, a reality, metaphysics.

В настоящее время ментальное бытие субъекта концептуально рассматривается в триаде основных бинарных оппозиций: «разум – рассудок», «память – воображение», «эмоции – воля». Соответственно, сформировался и триединый комплекс когнитивных наук – традиционно гуманитарных, логико-математических и естественно-технических. Систематизация и классификация этих наук является особой, довольно сложной и дискуссионной проблемой современной методологии науки.

Несмотря на всё разнообразие подходов к анализу проблемы сознания в истории философии, их объединяет одно – стремление разрешить проблему «чисто» философскими (аналитическими) средствами. Наиболее известная на сегодня программа, называемая аналитической, включает большую группу активно полемизирующих друг с другом авторов. Это – Х. Патнем (теория тождества физических состояний мозга и его ментальных явлений «qualia») и близкий ему по взглядам Д. Дэвидсон, разработавший теорию множественных интерпретаций материальных событий в мозге. Дж. Сёрл, полагая, что в наши дни именно философия сознания взяла на себя роль «первой философии», рассматривает сознание как системный феномен, порождаемый мозгом и сравнимый с таким свойством материи, как текучесть. Отдельные молекулы воды нельзя назвать текучими, но когда они собраны вместе, текучесть обнаруживает себя. Так и совокупность нейронов выявляет их общее комплексное свойство – сознание. Особое внимание привлекает теория Д. Чалмерса, который остро поставил так называемую «трудную проблему сознания» — почему не все ментальные процессы идут в «темноте», а сопровождаются идеальными «квалиа». Все указанные подробно и критически рассмотрены в отечественной философской литературе [Юлина, 2004].

На наш взгляд, основная методологическая ошибка всех выше указанных подходов состоит в том, что индивидуальное сознание принимается как исходный фундаментальный факт, который стараются объяснить, исходя из него самого. Но если это – нечто действительно фундаментальное, типа физических констант, то тогда и объяснять его надо по принципу – «так устроен мир». Если же «хочется» какого-то сущностного определения, то, согласно методологическим канонам, необходимо выйти в более широкий теоретический контекст, иначе говоря, сформулировать гипотезу, из которой существование индивидуального сознания вытекало бы с необходимостью путём дедукции, а затем, следуя принципу фальсификации К. Поппера, подвергать эту гипотезу рискованным испытаниям. В последнее время ещё одна программа – информационно-синергетическая, – по моему мнению, наиболее перспективная, находится в стадии становления и в силу своей новизны вызывает наиболее острые дискуссии.

Её специфической особенностью является то, что сознание рассматривается как *объективная информационная реальность со своими определёнными причинно-следственными связями (так называемая информационная, или ментальная причинность) и синергетическими атрибутами (нелинейность, нелокальность, спонтанность, бифуркационность, резонансность, аттрактивность и др.)*.

В разработке этого подхода определяющую роль играют физические дисциплины.

В космологии с помощью понятия сознания абстрактного наблюдателя («трансцендентального субъекта», говоря языком И. Канта) объясняется «тонкая» настройка универсума на основе известных фундаментальных физических констант, делающих в принципе возможным появление жизни и человека – имеются в виду «сильный антропный принцип» и «информационная матрица» развития Вселенной (Ст. Хоукинг, Б. Картер, И.Л. Розенталь, В.В. Казютинский).

В многочисленных интерпретациях квантовой механики учёные также привлекают понятие сознания для объяснения корпускулярно-волнового дуализма и редукции («коллапса») волновой функции (так называемая «многомировая концепция» Г. Эверетта, Дж. Уилера, Де Витта). Допускается существование в принципе бесконечного числа классических миров, а то, что каждый наблюдатель осознает лишь один из них, объясняется как бы расщеплением (разделением) его сознания, появлением неких «двойников» наблюдателя в каждом из миров.

Наиболее интересной в данном отношении представляется в настоящее время концепция сознания известного физика М.Б. Менского, которая уже подробно анализировалась в печати [Яковлев, 2010]. С методологической точки зрения, мне кажется необходимым подчеркнуть следующие моменты. Понятие сознание, не теряя своего метафизического статуса, определённого Декартом, постепенно становится и важным концептуальным элементом в теоретической физике, поскольку выступает как связующее звено мега-, мезо- и микрокосмоса. Онтология сознания приобретает новую универсальную значимость. Иначе говоря, известный антропный принцип, используемый в космологии, таким образом, становится мировоззренческим принципом.

Сознание выступает как носитель «духовного генетического кода» и «представляет собой, – как считают А. В. Иванов и В. В. Миронов, – не только опосредованную физическим действием, но и непосредственную материальную силу в Космосе» [Иванов, Миронов, 2004: 471]. Однако дальнейшим шагом по включению понятия сознания в физические должна быть процедура его операционализации, как это произошло с такими метафизическими в свое время понятиями, как масса, энергия, движение, магнетизм и др. Р. Пенроуз рассматривает сознание как соединительное звено между микро- и макромиром, для понимания устройства и функционирования которого требуется открытие нового закона.

На мой взгляд, если последовательно развивать позицию Пенроуза о соединительном звене, то сознание можно определить как высшую форму реализации креативного информационного потенциала универсума, т.е. *бытия* в предельно широком философском смысле [Яковлев, 2017]. Появление этой формы носит эмерджентный характер, но в то же время является итоговым результатом перманентного усложнения когнитивных структур живых организмов. При этом понимание природы информации требует нового подхода. Если считать, что креативный потенциал присущ всему универсуму, то каждый объект в нем, включая и мозг человека, должен обладать определенной информационной ёмкостью. Информационная реальность является первичной по отношению к физической вещественно-энергетической реальности и по отношению к индивидуальной идеально-смысловой реальности человека. «Квалиа» (чувствования, ощущения) при таком подходе надо рассматривать как феноменологическое (эмпирическое) доказательство этой реальности. Поэтому не вполне корректны часто задаваемые аналитиками вопросы: как мозг порождает сознание и почему он порождает его? С моей точки зрения, мозг не порождает сознание, а является лишь его физической (вещественно-энергетической) оболочкой, кстати, сам сформированный по определённой информационно-генетической программе. Индивидуальное сознание – это информационная микроячейка существующей информационной матрицы универсума, его своеобразный фрактал. «Квалиа» – это «рабочие органы» сознания для заполнения ячейки новой для индивида информацией в ходе его жизненного цикла, что традиционно и рассматривается как процесс обыденного познания. Философская аналитика и физика неразрывно связаны и взаимодополнительны в плане понимания информационной реальности сознания.

В этой связи привлекает позиция известного отечественного физика-теоретика А.П. Ефремова, который считает, что можно говорить об объективности математических структур и отношений, то есть о независимости математики от человека. Человек лишь открывает эти структуры, но не создаёт их. А.П. Ефремов [Ефремов, 2011].

На мой взгляд, синтез физики и аналитики возможен при подходе к сознанию как определённому срезу (уровню, слою) информационной реальности. Информационно существуют когнитивные события, традиционно представляемые, можно сказать, в виде модулей сознания — мышления, чувственности, памяти, воли. Эти события имеют корреляционные связи с физическими полями, нейронами и всей клеточной структурой организма, социумом, а если учитывать физический принцип Маха, то и с Вселенной в целом. Каждое ментальное событие как уникальный субъективный опыт есть информационно-синергетическая сингулярность, которая «конденсируется» («компактируется») в речи. Используя язык физики, можно предположить, что через «говорение» и «писание» — своеобразные «приборные ситуации» — происходит редукция (коллапсирование) ментального события к его конкретной материальной фиксации (аналогия с измерительными процедурами в квантовой механике).

Для углубления философского анализа проблемы сознания необходимо осмыслить специфическую сущность информации как первичной, исходной реальности, объединяющей

вещественно-энергетический носитель и идеально-смысловое содержание, и попытаться выразить это, используя математический аппарат теоретической физики.

Литература

1. Ефремов А.П. Вселенная в себе и пути познания // Метафизика. 2011. № 4. С.106–122.
2. Иванов А.В., Миронов В.В. Университетские лекции по метафизике. М.: Современные тетради, 2004.
3. Юлина Н.С. Тайна сознания: альтернативные стратегии исследования // Вопросы философии. 2004. № 10. С. 125–135.
4. Яковлев В.А. Метафизика креативности // Вопросы философии. 2010. № 6. С. 44–54.
5. Яковлев В.А. Категория бытия в философском и научном измерениях // Философия науки. 2017. № 2. С. 3–20.

ФИЛОСОФИЯ И ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПРИНЦИПА ПРОСТОТЫ¹⁵

Виктор Михайлович Аллахвердов

*Доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей психологии
Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: vimiall@gmail.com*

В статье рассматривается принцип простоты как методологический регулятив научной деятельности. Формулируются запреты на объяснение непонятого неизвестным, на наращивание допущений и на введение объяснительных монстров. Выдвигается требование приписывать одни и те же причины однородным явлениям и требование методической простоты. Обсуждается применение этих запретов и требований в психологической науке.

Ключевые слова: психология, принцип простоты, ad hoc гипотезы, кризис.

PSYCHOLOGICAL SCIENCE IN LIGHT OF PRINCIPLE OF SIMPLICITY

Viktor M. Allakhverdov

*Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of General Psychology
St. Petersburg State University
E-mail: vimiall@gmail.com*

This article promotes the idea of using principle of simplicity as a methodological regulation for science. The following restrictions are proposed: to not explain incomprehensible through unknown, to not multiply assumptions and to not introduce explanatory “monsters”. A requirement to define the same causes for homogenous effects and a requirement for methodical simplicity are stated. This limitations and requirements in psychological science are discussed.

Keywords: psychology, principle of simplicity, ad hoc hypothesis, crisis.

Как из нескольких разных гипотез (или теорий), обладающих примерно равной объяснительной силой, выбрать наилучшую? Почти все великие ученые отвечали: лучше та, которая проще. Вот классическое высказывание И. Ньютона [1989: 502]: «Природа ничего не делает напрасно, а было бы напрасно совершать многим то, что может быть сделано меньшим. Природа проста и не роскошествует излишними причинами явлений». Часто поясняют, что та теория проще, которая использует меньшее число допущений. (Об этом и бритва Оккама – не вводите сущностей превыше необходимого). Ибо чем меньше предположений и допущений, тем проще и короче путь решения проблемы и тем вернее нам удастся (при прочих равных условиях) избежать ошибок. По К. Попперу, более простые гипотезы легче проверяемы. Беда в том, что простота гипотез и теорий не поддается прямому измерению. Любая гипотеза содержит огромное количество не только явных, но и неявных допущений, одни допущения могут затрагивать существенные аспекты, а другие носить технический характер. Прямой пересчет количества допущений и невозможен, и бессмыслен. Поэтому оценка простоты часто опирается на субъективные критерии: наилучшими гипотезами объявлялись самые красивые, самые сумасшедшие (т.е. самые оригинальные), «внутренне совершенные» и т.п. А субъективные критерии тоже могут подводить. Рискну, тем не менее, сформулировать некоторые следствия принципов простоты и посмотреть на то, насколько психологическая наука им соответствует.

¹⁵ Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект №16-06-00858-а.

Запрещение объяснять непонятное неизвестным. Хотя это требование выглядит банальным, но как часто оно нарушается! Допустим, мы хотим понять, почему дерево горит или почему человек иногда что-нибудь забывает. Простейшее объяснение – приписать объекту (или субъекту) наличие специальных свойств, призванных вызывать наблюдаемое явление. Дерево горит, потому что обладает свойством горения (или наукообразнее: содержит флогистон). Человек забывает, потому что обладает свойством забывания (например, ограниченной памятью). Такое объяснение возможно, только если доказать, что флогистон действительно существует (демонстрация горения, разумеется, этого не доказывает, нужна независимая проверка) и что существуют ограничения на память, выявленные иным путем, чем демонстрация забывания. Иначе мы получаем круг в объяснении: почему человек забывает? Потому что у него ограниченная память. А откуда мы знаем, что у него ограниченная память? А потому, что он забывает. Дабы избежать этого, и рекомендуется не вводить лишние сущности. У. Оккам свою бритву как раз направлял против попыток необоснованного введения допущений о наличии тех или иных психических способностей, дабы с помощью каждой отдельно объяснять, почему человек умеет делать разные конкретные вещи. В химии от флогистона отказались, но в психологии подобные объяснения до сих пор кочуют из учебника в учебник.

Другой вариант объяснения непонятного неизвестным, весьма популярный в физиологии и психологии, выглядит так: обнаруживаем связь между какими-то явлениями, логику этой связи не понимаем, но трактуем одну из сторон этой связи как причину. Почему человек забывает? Можно ожидать, что это как-то связано с работой мозга. Обнаруживаем связь чего-либо происходящего в мозге с забыванием, но из этого делаем неправомерный вывод: вот поэтому (указывается нечто, обнаруженное в исследовании) мы и забываем. Пример: почему мы запоминаем только 7 или около того знаков, а не больше? А потому, что это число близко к частоте α -ритма (показывается, что существует связь между вариациями этого ритма и объемом кратковременной памяти), или потому, что одновременно активируется не более 6 нейронов, и т.д. И даже не обращают внимания ни на то, что это порождает море проблем, например, запоминание 7 пятибуквенных слов одновременно есть запоминание 35 букв, следовательно, надо описать, как α -ритм определяет 7 каких именно знаков подлежит запоминанию, что, на мой взгляд, выглядит совершеннейшим абсурдом. Не обращают внимания и на то, что большое число ученых утверждали, что человек вообще ничего не забывает. Но главное – подобные объяснения ничего не прибавляют к известным знаниям. Поэтому принцип простоты их запрещает.

Запрещение объяснительных монстров (чудовищ) – гипотез о специальных причинах, созданных природой исключительно для того, чтобы мешать нормальному ходу природного процесса. Таковы, например, в психологии гипотезы о разрушении следа с течением времени, о шуме нервной системы как причине ограничений сенсорной чувствительности, об ограниченности ресурсов при переработке информации и т.д. Вот еще один из распространенных ответов о причине забывания: а потому, что на информацию, которую надо запомнить, накладывается другая информация, и возникает интерференция. Например, при заучивании одного ряда знаков после заучивания другого в ответы испытуемых проникают знаки из предшествующего ряда. Но почему знаки накладываются, а не, скажем, просто стираются, как это происходит в компьютере? А потому, что мы наблюдаем ошибки интерференции. Таким образом, монстр о наложении придуман *ad hoc* только для того, чтобы объяснить возникающие в эксперименте трудности. И не предполагается, что этот монстр годится хоть на что-нибудь полезное. Подобные рассуждения опасны даже не столько тем, что ничего не объясняют, а лишь констатируют то, что мы и так наблюдаем в опыте, сколько тем, что подрывают веру в логическую стройность природы, которая не создает помех ради них самих. Отказ от этой веры как раз и есть нарушение принципа простоты.

Запрещение наращивания допущений. При появлении противоречащих гипотезе экспериментальных данных ученые не отбрасывают сразу гипотезу, а придумывают причины, объясняющие возникшее противоречие при сохранении гипотезы. Так поступали все великие ученые. Эти так называемые *ad hoc* гипотезы могут оказаться вполне удачными после их проверки. Опасность возникает тогда, когда эти гипотезы не только не проверяются, но с появлением новых опровергающих данных их становится все больше и больше. А самый опасный вариант защиты от опровержения (и самый любимый психологами), когда результат опровергающего эксперимента вводится в теорию в качестве нового допущения. А таким путем

уже можно согласовать с экспериментом любую самую фантастическую гипотезу. Пусть я утверждаю, что булки растут на деревьях. Вы решили опровергнуть это утверждение и показываете мне работу хлебопекарни. О, вы существенно улучшили мою теорию: булки не только растут на деревьях, но и выпекаются в пекарнях. И какие бы еще способы получения булок мне ни показали, это не отменяет утверждения, что часть булок растет на деревьях. Именно таким путем некий мыслитель прошлого Горопий доказал, что все языки произошли от фламандского. Один из величайших виртуозов в применении такого приема в психологии – З. Фрейд. По сравнению с ним когнитивисты, также злоупотребляющие этим приемом, выглядят робкими дилетантами.

Требование приписывать одни и те же причины однородным явлениям до тех пор, пока не доказано обратное. Как показывает история, это весьма эффективный эвристический прием в науке. Так, Ньютон начинает рассматривать свет от очага и свет от Солнца как подчиняющийся одним и тем же законам и создает оптику. В психологии Фехнер рассматривает сенсорные пороги в разных модальностях как подчиняющиеся одному и тому же закону и создает психофизику. Однако чаще в психологии стремятся дробить психическое на как можно более мелкие части и трактовать эти части как разнородные явления. Согласно принципу простоты, психическим процессам следует вначале приписывать одни и те же причины. Психологи же сразу без логического обоснования расчленяют эти процессы на части, каждую часть – на более мелкие части, а в итоге никаких общих законов найти уже не удастся. Не потому ли в психологии так плохо с законами?

Методическая простота. Чем технологически проще организовано исследование, чем проще статистические процедуры обработки данных, тем надежнее и убедительнее итоговая интерпретация. Ибо чем сложнее оборудование, чем изощреннее дизайн исследования, тем обычно больше факторов влияют на полученный результат и часто влияют непредсказуемо. Аналогично: из всех способов статистической обработки всегда надо начинать с самого простого (меньше допущений, налагаемых на природу полученных данных), но, разумеется, такого, который адекватен задаче, поставленной исследователем. К сожалению, мода и требования серьезных журналов побуждают лишь к усложнению всех процедур.

Психологии не хватает простых общих идей. Немало психологов это чувствуют и с грустью утверждают, что их любимая наука находится в кризисе.

Литература

1. Ньютон И. Математические начала натуральной философии. М., 1989.

«ЗАКРЫТЫЙ ПЕРЕЛОМ» 1970-Х КАК ВЕХА В ИСТОРИИ НАУЧНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Дмитрий Алексеевич Леонтьев

Доктор психологических наук, профессор, заведующий Международной лабораторией позитивной психологии личности и мотивации

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

E-mail: dmleont@gmail.com

В докладе рассматривается ранее не описанная веха в истории мировой психологии – «закрытый перелом» начала 1970-х гг. На этом рубеже наблюдается ряд тектонических изменений, относящихся как к социальной и организационной структуре научного сообщества, так и к методологии, а также к предметному содержанию и мишеням психологического исследования. Системообразующим изменением выступает переход от альтернативных объяснительных концепций и тезаурусов, предлагавшихся разными школами, к интеграции и координации концепций на основе движения к выработке общего языка. Указанный рубеж предлагается рассматривать как точку отсчета современной психологической науки.

Ключевые слова: психология, открытый кризис, научная школа, научное сообщество, современность.

THE «CLOSED FRACTURE» OF 1970S AS A MILESTONE IN THE HISTORY OF SCIENTIFIC PSYCHOLOGY

Dmitry A. Leontiev

Doctor of psychology, Professor, Head of the International Laboratory of Positive Psychology of Personality and Motivation

National Research University Higher School of Economics

E-mail: dmleont@gmail.com

The paper presents an analysis of a milestone in the history of world psychology, never described before, the “closed fracture” of early 1970s. A number of tectonic changes can be observed at this point of time, referring both to social and organizational structure of the academic community, to methodology, and to the subject matter and targets of psychological research. The system-making change is supposed to be the transition from alternative explanatory conceptions and thesauruses, offered by different schools, to the integration and coordination of theories based on the movement toward the elaboration of a common language. This line can be viewed as the starting point for the modern psychological science.

Keywords: psychology, open crisis, scientific school, academic community, modernity.

Психология – молодая наука, и ключевые вехи истории ее развития можно пересчитать по пальцам. Более того, в выделении этих ключевых точек наблюдается консенсус применительно разве что к периоду «открытого кризиса» начала XX в. В этот период происходил поиск подходов к изучению субъективной реальности, попытки найти объективные методы и выработать сравнительно общую методологию психологического знания. Окончание этого периода ознаменовалось выходом на долгосрочные лидирующие позиции бихевиоризма и дифференциальной психологии.

Во многом реакцией на победу этих сугубо сциентистских течений стал неклассический прорыв конца 1920-начала 1930-х гг. [Леонтьев, 2005]. Именно тогда в психологии появились объяснительные понятия и концепции, основанные на ином, чем классическая наука, типе объяснения, такие как внутренний мир (Л. Бинсвангер), объективация психических содержаний в знаковых системах и артефактах (Л.С. Выготский), диалог сознаний и внутренняя диалогичность сознания (М.М. Бахтин), телеология поведения и направленность на смысл (А. Адлер), единство субъективной реальности с внешним полем и жизненным пространством (К. Левин), саморегуляция и работа личности (П. Жане). Все они внесли большой вклад в формирование контуров сегодняшней психологии.

Вторая мировая война и предшествующая ей массовая миграция ученых из Европы в Америку не породили качественно новых подходов. В качестве следующей переломной вехи в истории психологии часто рассматривают происходившие параллельно в конце 1950-х – 1960-х гг. «когнитивную революцию» и «гуманистическую революцию». Первая вернула в психологию субъективную реальность во всей ее многообразии, вторая вскрыла ограниченность ведущих школ психоанализа и бихевиоризма и привела к изменению облика не только психологии, но и всего человекознания и практик развития [см. Леонтьев, 1997]. Когнитивная и гуманистическая революции привели к радикальному изменению содержательного и организационного облика всей психологической науки в начале 1970-х гг. К этому процессу вполне подходит понятие «закрытый перелом». Вот его основные приметы и характеристики:

Изменение роли научных школ

Эволюция любой науки всегда начиналась с многообразия научных школ, предлагавших различные объяснительные схемы и методологии исследования одной и той же реальности и говорившие на сильно различающихся языках. На каком-то этапе в науке вырабатывается единая синтетическая объяснительная модель с общим языком, которая далее принимается гибко, но практически безоговорочно следующими поколениями ученых. В психологии рубеж «закрытого перелома» обозначил переход от центробежной раздробленности научного сообщества на конкурирующие системы идей и понятий к центростремительному движению в

сторону стирания границ между школами и концепциями и выработкой единого, удобного для всех языка. Происходит размывание границ школ, появление все новых и новых гибридных подходов и заметная потеря интереса к поддержанию теоретической чистоты учений. Например, все классические теории личности были разработаны до перелома; после него, хотя теоретическая работа продолжалась, она уже приняла формы не разработки новых альтернативных другим теорий (после 1970 г. ни одной такой теории не было создано), а строительства единого здания психологии личности с помощью единой системы согласующихся между собой понятий нового поколения.

Открытая циркуляция научных результатов и унификация критериев оценки

Параллельно происходит и переход от внутришкольных к единым для всех критериям оценки ученых и научных исследований. Большую роль в этом сыграло развитие баз данных научных публикаций, начиная с разработки в 1970-е гг. системы ключевых слов и поиска публикаций с их помощью и кончая созданием огромных онлайн-хранилищ, легко доступных пользователям. Если раньше ученые преимущественно знакомились с публикациями внутри своего референтного круга и в рамках своей школы и гораздо хуже владели ситуацией за ее пределами, то теперь размываются и информационные барьеры – работа не замыкается в рамках научной школы. Другой предпосылкой работы универсальных баз выступает постепенно происходящая унификация требований к оформлению статей, формату представления данных и процедур их обработки и процедур взаимного рецензирования на этапе рассмотрения журнальных публикаций. «Стиранию границ» между научными школами во многом способствовали и принятые в некоторых ведущих странах решения, запрещающие ученым получать следующую ученую степень в том же университете или научном центре, что и предыдущую, что способствовало унификации критериев профессиональной квалификации: теперь ученый должен был доказывать свою компетентность не заведомым единомышленникам, а носителям иных воззрений, хоть и общей профессиональной культуры.

Изменение организационной структуры сообщества и статуса авторитетов

Ещё одним следствием перелома стала демократизация научной жизни – ушли в историю фигуры непререкаемых авторитетов в психологическом мире, какими были, в основном, лидеры школ и направлений. Сегодняшние лидеры лишились сакрального статуса и воспринимаются скорее как первые среди равных — их идеи точно так же подлежат рецензированию, критике, проверке, исправлению и т. д., как и идеи всех остальных членов сообщества. Это связано с общим движением западной цивилизации в направлении менее формально иерархизированной социальной структуры.

Изменение отношения к роли социокультурного окружения

До 1970-х гг. в западной психологии упорно отрицалось социокультурное измерение развития, если не считать немногочисленных исключений. Доминировало отношение к обществу и культуре как к чему-то внешнему, чуждому индивидуальному развитию. В советской психологии тогда же господствовала противоположная крайность, склонность к полному отождествлению индивидуального развития с усвоением социальных матриц. «Закрытый перелом» ознаменовался переходом к конвергенции этих крайних позиций, к возвращению в западную психологию социальности. В 1970-е гг. был заново открыт Дж. Г. Мид, открыт Л.С. Выготский, возник бум культурной психологии. В советской психологии тогда же возобновляются исследования личности, замороженные в середине 1930-х гг.

Изменение проблемного поля и появление новых понятий

Вследствие всего вышесказанного в психологии в 1970-е-1980-е гг. появляются и выдвигаются на передний план много новых проблем, не входивших в проблемное поле «допереломной» психологии, причем в увязке между собой — проблемы саморегуляции, качества мотивации, самодетерминации, счастья, потока, идентичности, жизненного пути, принятия решений, совладания, резилентности и многие другие. Отчетливое различие между понятиями, созданными до перелома и после состоит в том, что первые (например, психологическая защита, самоактуализация) жестко связаны с контекстом определенной

теории и плохо поддаются извлечению из этого контекста, в то время как вторые (например, копинг, самодетерминация) гораздо более универсальны.

Схожий процесс происходил и происходит и у нас в стране, правда у нас подобный перелом произошел на 10-15 лет позже. Крайне непродуктивным поэтому представляется нередко встречающееся стремление сохранить позицию самодостаточности школы и конкуренции с другими направлениями в мировой психологии, которая устарела на полвека. Сегодня важнее всего, не отбрасывая свои подходы, наработки и традиции, найти свое место в более широком общемировом контексте.

Таким образом, с 1970-х гг. психологическая наука становится совсем непохожа на науку 1960-х – и в плане организационной структуры, и в плане профессионального тезауруса, и в плане исследовательской повестки дня, однако во многом начинает напоминать сегодняшнюю. Соответственно, «современной» можно называть психологию, начиная с 1970-х гг.

Литература

1. Леонтьев Д.А. Гуманистическая психология как социокультурное явление // Д.А.Леонтьева, В.Г.Щур (ред.). Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии. М.: Смысл, 1997. С. 19–29.

2. Леонтьев Д.А. Неклассический вектор в современной психологии // Постнеклассическая психология. 2005. № 1 (2). С. 51-71.

ПРИНЦИП ДОПОЛНИТЕЛЬНОСТИ ПРИМЕНИТЕЛЬНО К НАУКЕ И РЕЛИГИИ

Виктор Федорович Петренко

*Доктор психологических наук, профессор,
заведующий лабораторией психологии общения и психосемантики
Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова
E-mail: victor-petrenko@mail.ru*

Статья посвящена взаимосвязи между наукой и религией как важной составляющей человеческой культуры и человеческого мышления. Считается, что наука тесно связана с сознанием и описывается на языке жестких формализмов. Религиозный язык метафоричен и относится к «мягкому» языку, который тесно связан с образами и архетипами коллективного бессознательного. С точки зрения мировоззрения, наука и религия дополняют друг друга. Отмечаются ценности форм «религиозного разнообразия» человеческой культуры. Отмечается, что из-за явления ЭПР (или квантовой телепортации) можно передавать (это не касается информации, возможности которой ограничены из-за огромных космических расстояний) квантовые состояния синхронно. Предполагается, что источником религиозного чувства является космическое коллективное бессознательное внеземных цивилизаций, которые опережают Землю относительно происхождения и косвенно влияют на эволюцию Земли.

Ключевые слова: наука, религия, космос, коллективное бессознательное, религиозное чувство, феномен ЭПР, квантовая телепортация, синхронистичность.

THE PRINCIPLE OF SUBSIDIARITY WITH REGARD TO SCIENCE AND RELIGION

Victor F. Petrenko

*Doctor of Psychology, Professor,
Head of the Laboratory of Psychology of Communication and Psychosemantics
Lomonosov Moscow State University
E-mail: victor-petrenko@mail.ru*

The article is devoted to the relationship between science and religion, as an important component of human culture and human mentality. The science is considered to have become closely connected with consciousness and is described in the language of

rigid formalisms. Religious language is metaphorical and belongs to a “soft” language that is closely related to the images and archetypes of the collective unconscious. In terms of worldview, science and religion are complementary. The values of forms of “religious diversity” of human culture are noted. It is noted that due to ESR phenomenon (or quantum teleportation), it is possible to transfer (it does not concern the information, the possibility of which is limited due to the huge cosmic distances) quantum states in synchrony. It is hypothesized that the source of religious feeling is the cosmic collective unconscious of extraterrestrial civilizations that are ahead of the Earth regarding the origin and affect the Earth’s evolution implicitly.

Keywords: science, religion, the cosmos, the collective unconscious, religious feeling, EPR phenomenon, quantum teleportation, synchrony.

Если наука конструирует возможные модели бытия и развивает технологическое могущество Человечества, то религия, как идеология - задаёт возможные смыслы такого бытия и смыслы человеческого существования. Разделяя методологию конструктивизма, исхожу из того, что любая метафора, притча или мифологема, содержит элемент истины. Как говаривал Пол Фейерабенд: «сгодится всё». В течение всей человеческой истории во всех культурах и на всех континентах существовали религиозные и квазирелигиозные культы (начиная от шаманизма, и кончая монотеистическими религиями - иудаизмом, христианством, и исламом), а также мистическим индуизмом, философским и психотехническим буддизмом, социально ориентированным конфуцианством, системно-интегративным даосизмом, анимистическим синтоизмом, предельно аскетичным и экологичным джайнизмом и ещё великим множеством «разнообразий религиозного опыта» накопленного человечеством (см. У. Джеймс). Очевидно, что религиозное чувство, как и тяга к трансцендентальному - неизбежные составляющие человеческого менталитета, выступают некими инвариантами человеческой природы, присущими также и выдающимся ученым: Ньютону, который был также и глубоким теологом, епископу Беркли, выдвинувшему онтологический принцип «быть - значит быть наблюдаемым», Альберту Эйнштейну с его рассуждениями о месте религии в познании, академику Ивану Павлову, жестко разводявшим физиологию и учение о духе - список можно продолжать, внося в него множество славных имен. Европейская наука отпочковалась от теологии, стремясь найти законы божественного мира («Мир как книга»).

Само понятие «истина», столь любимое в научном лексиконе, имеет явно «религиозно-мифологическое происхождение». (Назаретян) и подразумевает констатацию того «что есть на самом деле» (Аллахвердов). Это представление об истине как соответствии нашего познания «объективной реальности» (ещё один мифологический термин) разделяется и отечественной «ленинской теорией отражения» и западной корреспондирующей теорией истины (Касавин), и на обыденном уровне разделяется не только массовым сознанием, но неосознанно пронизывает ментальные установки большинства ученых. Ф. Энгельс выразил это в представлении о том, что познание по асимптоте стремится ко все большему соответствию самой действительности. Но есть ли сама эта действительность, безотносительно к особенностям восприятия наблюдателя, его языка и менталитета? Не имея возможности лицезреть «объективную действительность», или то, что Иммануил Кант называл «вещью в себе», человек, согласно принципу альтернативистского конструктивизма Дж. Келли познаёт мир (и себя как часть этого мира) как ученый, строя альтернативные гипотезы и модели. Великий греческий философ Платон выразил эту мысль, дав образ человека, живущего в пещере, где по отраженным теням на стенах этой пещеры, он пытается строить гипотезы о мире, простирающемся за стенами этой пещеры.

Различные науки ставят вопросы и получают ответы на достаточно конкретные аспекты мироустройства, но мы не знаем однозначных ответов на самые глобальные экзистенциальные вопросы нашего бытия типа: есть ли Бог? Есть ли «жизнь» после смерти и возможна ли реинкарнация? Есть ли во Вселенной разумная жизнь на более высоких ступенях разума, чем земная (что почти эквивалентно вопросу: а есть ли Бог)? Есть ли смысл жизни помимо биологического и не объясняется ли «молчание космоса» тем, что, достигнув определенного социального и материального благополучия («миром правит любовь и голод»), развитая цивилизация просто утрачивает мотивацию и желание жить (как в романе Джека Лондона «Мартин Иден», достижение желаемого ведёт в тупик мотивации). Жить ради чего? Что такое судьба, и насколько наша жизнь предопределена? Что такое свобода воли, и каковы ее рамки?

Где границы моей свободы воли и есть ли она? (как это у Ф.М. Достоевского: "Тварь ли я дрожащая или право имею?") На основе чего возможны пророчества и можно ли заглянуть в будущее или прошлое, не через рациональный прогноз, а через непосредственные усмотрение ещё не свершившегося или, наоборот, навсегда ушедшего? Как, например, в философии православного экзистенциализма (Л.И. Шестов, Н.И. Бердяев, Н.С. Трубецкой) есть представление о том, что Бог, находясь вне пространства и времени, созерцает «одновременно» начало и конец причинно-следственной цепочки, и для него нет прошлого и будущего. Можно полагать, что в случае пророчества, медиум способен войти во вневременное состояние, приписываемое в православном экзистенциализме Богу. Возникает также вопрос, а насколько будущее уже задано и предопределено: от суждения "и волос с головы не упадет без воли Отца вашего Небесного" Евангелия до суждения о том, что "Бог в своей любви, не ограничивает свободу выбора человеком добра или зла» в православном экзистенциализме (Бердяев), и насколько сам человек ответственен за этот выбор? Онтологично ли зло? Другими словами, есть ли силы зла: типа дьявола в христианстве, шайтана в исламе? Или же зло не персонифицировано и представляет собой просто неведение, незнание, как в буддизме или в христианской версии Августина? Таких базовых экзистенциальных вопросов множество, но ни на один из них мы не имеем однозначного ответа. И в роли пророков, дающих если не решение этих базовых вопросов бытия, то хотя бы ощущение приближения к ним, часто выступают «духовно талантливые люди» (по Василию), черпающие из индивидуального и коллективного бессознательного смутные образы или мироощущения, которые они выражают в «мягких языках» (см. Налимов, Драглина) на которых разговаривают пророчество и искусство.

Между наукой и теологией есть некие общие моменты. Научный текст (в отличие от текста графомана или шизофреника), существует «как текст в тексте» [Лотман, 2000], будучи наполненным как прямыми, так и косвенными ссылками на работы коллег, философов и методологов науки. Но и теологическая литература помимо опоры на канонические тексты (Типитак, Ветхий и Новый Завет, Талмуд, Коран и т.п.) содержит огромную перекличку интерпретаторов канонических текстов, подчас объемом превосходящую, на несколько порядков, сами сакральные тексты. Далее, специфику науки обычно связывают с наличием эмпирического опыта, а также с возможностью экспериментально проверять исходные гипотезы. Но и в рамках духовной культуры возможен мысленный эксперимент, пророчества, как подтверждаемые или не подтверждённые гипотезы, духовная работа, сомнения и терзания, внутренний самоанализ, ощущение безусловной достоверности, что, конечно, отличает религиозный опыт от естественно-научного, но оказывается близким к психоаналитическим или трансперсональным вариантам психологической науки, которую всё же принято считать гуманитарной наукой, хоть и отличной от естественно-научной.

Познание человеком мира и самого себя в истории человеческой культуры осуществлялась с того, что В.В. Налимов обозначил как фигуры «мягкого языка»: мифы, легенды, притчи. Российский ученый, философ, гуманист А.А. Богданов в фундаментальной монографии «Тектология: Всеобщая организационная наука», (которая многими учеными рассматривается как предвестница кибернетики, предвосхитившая ряд положений «Теории систем» Л. Берталани, показывает, что «основной метафорой» в познании мира в первобытном обществе были племенные отношения внутри самого этого общества, как материал, наиболее близкого и освоенный людьми.

Не только древние люди переносили человеческую субъектность на природные процессы. Так, персидский царь Ксеркс, перед сражением с греками, в результате которого получил поражение, приказал высечь море, виновное в шторме, разметавшем понтонную переправу и утопившем часть войска. Отдалённый от нашего настоящего дня всего на несколько столетий, царь Иван Грозный приказал вырвать язык у вечного колокола Великого Новгорода и отправить колокол в ссылку.

Ощущая присутствие неких высших сил, влияющих как на судьбу конкретного единичного человека, так и определяющих жизнь всего человечества, последнее категорировало эти силы в представлениях о духах (шаманизм); поклонялось им в звероподобных образах богов древнего Египта, или же в человеко-совершенных образах бессмертных богов Древней Греции и Рима, царящих над людьми, но и принимающих участие в жизни смертных. Монотеистическая идея единого бога прошла эволюцию от племенного бога Яхве, лепящего человека (Адама) из глины, и имеющего в иудаизме чисто человеческие качества: как то способность гневаться, карать отступников (как в случае наказания жителей

Содома и Гоморры), ревниво проверять на верность себе (как в случае с Иовой); через парадоксальную идею Бога воплотившегося во Христе и принявшего крестные муки, и тем самым искупившим первородный грех («смерть смертью поправ»); через более позднюю версию Троицы в христианстве, к идее «Бог везде и нигде, Бог в сердце твоём» в протестантизме. Можно сказать, что идея Бога, последовательно освобождаясь от антропоморфных представлений, становилась всё более трансцендентальной, выражаясь в религиозном чувстве присущем пророкам, поэтам, «духовно талантливым людям». Источник религиозного чувства – индивидуальное и коллективное бессознательное. Но выразить и осознать религиозное переживание можно только категорировав его. «В начале было слово». Язык как «дом бытия» (Хайдеггер) задает и границы нашего мира (Витгенштейн)

Согласно Н.Гумилёву, помимо пяти чувств, дающим нам радость и страдания, исходящих от земного бытия у человека, хотя бы в зародыше, присутствует шестое чувство - ощущение присутствия трансцендентального, присутствия Бога. Природа «шестого чувства», наиболее сильно выражена у всех «духовно талантливых людей» (термин Ф. Василюка) и в первую очередь - у основателей религий: Будды (Буддизм), Махавира (Джайнизм), Заратустры (Зороастризм), Моисея (Иудаизм), Христа (Христианство), Бодхидхармы (Дзен Буддизм), Лао-Цзы (Даосизм), Магомета (Ислам), Конфуция (Конфуцианство), гуру Нанак (Сикхизм), а также у множества святых и пророков-паломников трансцендентального мира. Я исхожу из того, что всем им было ведомо погружение в измененные формы сознания. Эти непредметные формы бессознательного содержат опыт в до категориальных форм, которые духовный сталкер выражает уже в сознательном плане в виде неких сакральных текстов, в которых он способен (в силу национальной культуры и языка) выразить. Так появляется множество религий и пророчеств, на мой взгляд, имеющих общие корни в коллективном бессознательном (и, как полагал Карл Юнг, имеющих не только земное, но и космическое происхождение). Полагаю, что важно развести религиозное чувство как форму индивидуального прорыва к трансцендентальному и религию как устоявшийся социальный институт, поддерживающий консервативные установки общества в форме техно-гуманитарного баланса (Назаретян). Если использовать биологическую аналогию по отношению к человеческой культуре, то можно сказать, что религиозное чувство реализует изменчивость, а религиозные тексты (Талмуд, Библия, Махабхарата, Коран) выступают носителями консерватизма наследственности человеческой культуры. Религии возникают как формы духовного творчества «духовно талантливых людей» и первоначально несут революционные идеи в системе ценностей, подчас выступая в форме ереси по отношению к предыдущей вере

При наличии для всех религий общего трансцендентального источника, корнящегося в коллективном бессознательном, различные религии достаточно сильно отличаются друг от друга, будучи выраженными на уровне сознания в сакральных текстах. Они различаются по системе ценностей, содержанию допустимых форм поведения, характеру психотехнических практик, позволяющих вхождение в изменённые состояния сознания. Эти различия эволюционируют и порождают многообразие национальных культур, выступающих как «сад расходящихся тропок» (Борхес). При этом, можно говорить об уровне развития той или иной религии. Например, шаманизм, как наиболее древняя форма религиозной практики, чрезвычайно психотехничен (Торчинов), ибо он впитал многотысячелетний опыт вхождения в измененные сознания и работы с ними. В то же время, в нем практически отсутствует развитая этическая система, присущая, например, буддизму или христианству. Современная практика мировых религий во многом утрачивает психотехнический компонент, замещая им религиозный ритуал, который подчас представляет собой пустую оболочку бывших ранее психотехнических практик. В этом плане можно полагать, что на смену традиционным религиям, в той или иной мере порождавших антропоморфных богов, приходит квази-религиозное мироощущение Всеединства бытия (Соловьёв), присутствия трансцендентальной реальности в нашей жизни, и ощущение включенности как отдельного человека, так и всего Человечества в космическую эволюцию Духа. Можно полагать, что Космос - это не только вместительное низко организованной материи (согласно Э. Чайсону (Chaisson), «сорная травинка во дворе сложнее самой причудливой туманности Млечного пути»), но включает и трансцендентальные духовные уровни, влияющие на нас и которые мы можем ощутить через прорывы в бессознательное с помощью духовных психопрактик, через медитативное прочтение сакральных текстов или через пиковые (термин А. Маслоу), переживания любви, страдания, восторга, или через творческое вдохновение, при занятии искусством или наукой. Западная

философия зиждется на бинарной оппозиции субъекта как творческого начала и пассивной материи как объекта творения. В авраамических религиях личного Бога (иудаизм, христианство, ислам), человек как подобие Бога противопоставлен тварному миру, который он (человек), трансформирует и совершенствует, как субъект совершенствует объект. В роли объекта совершенствования может выступать не только внешний мир, но и сам человек, его собственное тело, его внешность, совокупность умений и интеллект и даже черты характера и духовность. В мире конкуренции самосовершенствование становится средством борьбы за место под солнцем, приобретая гипертрофированный характер. В восточной, буддийской философии имеется понятие анатман (отрицание личности или иллюзорности эго («его»)). Индуистской и буддийской философии не свойственно субъект-объектное противопоставление. Медитативные и дыхательные практики, отшельничество призваны снять выделенность человека из мира и интегрироваться с ним. Нирвана и есть полное растворение в мире, снятие «двойственности».

На этом примере можно почувствовать, что работа по визуализации в измененных состояниях сознания связана с изменением категоризации, со снятием субъект - объектной оппозиции «я» и мира, или говоря языком буддизма, «снятии двойственности». Меняются границы самоидентификации. В состоянии медитации физическое тело как бы растворяется и сознание резонансно всему миру. В измененных состояниях сознания изменяется категоризация себя, других существ, мира, а в состояниях близких к нирване в пределе снимается сама категоризация и сознание. На наш взгляд, в результате медитации человек выходит в бесконечномерное пространство коллективного бессознательного описанное К. Юнгом.

Можно предположить, что помимо пласта коллективного бессознательного могут существовать и уровни более высокие, чем человеческое бессознательное. Эти уровни «космического бессознательного» открываются святым, эзотерикам, «духовно талантливым людям». Остановимся на этом подробнее. При понимании жизненного мира как означенного и осмысленного пространства бытия человека сознанию отводится конструктивно-порождающая роль. Оно рассматривается не как копирующая одномерная «прокладка» между субъектом и действительностью, а как сложнейшая многомерная и многоуровневая открытая эволюционирующая система (пожалуй, самая сложная из всех рассматриваемых наукой систем), порождающая новые смысловые миры. Сознание – «космический странник» – находится на острие творческой эволюции Вселенной. Не исключено, что человеческое сознание задействовано в пластах более высоких уровней сознания, и мы способны улавливать отблески космического разума. В конце концов, нашей человеческой цивилизации по космическим масштабам отроду нет и одного дня. Вселенная же существует миллиарды лет.

Гипотеза о предшествующих формах существования жизни и разума не менее научно корректна, чем гипотеза об уникальности и единичности земной жизни и цивилизации. Так, применительно к проблеме возникновения жизни, существует гипотеза «панспермии» (Гюйгенс, Вернадский, Крик, Панов) согласно которой эстафета передачи жизни в виде молекулярных структур, на базе которых возникают ее простейшие формы, осуществляется посредством странствующих космических тел (комет, метеоров). Сознание, понимаемое широко, как способность ощущать, переживать, чувствовать, т.е. как качество, присущее, в той или иной степени, всем живым существам, также может быть рассмотрено как имеющее космическое происхождение. В своих фоновых формах оно может выступать камертоном Вселенной, эволюционируя и дифференцируясь в земных условиях к уровню связанного с языком человеческого сознания. Если верна гипотеза о предсуществовании сознания, то «братьев по разуму» можно искать, не только с помощью радио-зонтов и телескопов или запуская в космос космические корабли, но и медитируя, направляя мысленный взгляд вглубь собственного сознания, обращаясь к архетипам коллективного, а возможно, и космического бессознательного. Именно этим и занимались адепты буддизма, индуизма, практик суфизма и исихазма. Разница только в концептах, в которых они обосновывали «многообразие религиозного опыта» (в терминологии У. Джеймса). Практики науки и религии здесь сближаются, и история религии проникнута опытом «пиковых» состояний сознания (Маслоу; Фрейджер, Фейдимен; Schlitz), на научное осмысление которых выходит психология. «Не следует ли нам предположить, – полагает В. Франкл, – что над человеческим миром, в свою очередь, расположен превосходящий и недоступный человеку мир, смысл, точнее, «сверхсмысл» которого только и может придать смысл всему человеческому страданию?

Человек может постичь свержмир не больше, чем животное из своей среды может понять более широкий человеческий мир. Он, однако, может уловить его в предчувствии – в вере» (Франкл).

Исходя из космического происхождения жизни на Земле, можно предположить и космический источник земного сознания, полагая, не прямой перенос информации о мире Человечеству из космических источников, а вызывая резонанс психических состояний коллективного бессознательного (бытие в состоянии потока), когда на основе синергии и синхронии осуществляется квантовая телепортация (божественных состояний интуиции) благодаря которым пророк, поэт, ученый ли музыкант порождает, создает тексты, идеи, поэзию и музыку. То есть присутствие космического сознания (вернее коллективного космического бессознательного) во все века биологической и социальной эволюции задавало направление вектора эволюционного развития (или наличие телеономической, целевой функции), что на языке религиозного менталитета являло собой божественное присутствие.

Литература

1. Петренко В.Ф. Многомерное сознание: психосемантическая парадигма. М. Эксмо, 2013.
2. Петренко В.Ф., Супрун А.П. Методологические пересечения психосемантики сознания и квантовой физики. М.: Нестор-История, 2017.

ФИЛОСОФИЯ ПСИХОЛОГИИ: ПОРА СТАНОВЛЕНИЯ

Владимир Александрович Мазилев

*Доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей
и социальной психологии*

Ярославский государственный педагогический университет

E-mail: v.mazilov@yspu.org

В статье рассматриваются вопросы взаимоотношений психологии и философии. Выделяется конкретная проблема отношения между философией науки и психологией. Утверждается, что философия недостаточное внимание уделяет анализу проблем психологии. В статье формулируется позиция, согласно которой психология как наука имеет существенную специфику. Предлагается разрабатывать философию психологии как ветвь психологии.

Ключевые слова: психология, философия, философия науки, соотношение, предмет науки.

PHILOSOPHY OF PSYCHOLOGY: THE TIME OF BECOMING

Vladimir A. Mazilov

*Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of General and Social Psychology
Yaroslavl State Pedagogical University*

E-mail: v.mazilov@yspu.org

The article raises the question of the relationship between philosophy and psychology. In the global problem of the relationship of sciences, there is an aspect for analysis: the relationship between the philosophy of science and psychology. It is stated that the philosophy of science does not deal with a special analysis of psychology, treating it as a socio-humanitarian discipline. The article expresses the position that psychology has its own specifics and is worthy of special consideration. The article proposes the development of the philosophy of psychology as a branch of psychology. The article defines the content of this discipline.

Keywords: psychology, philosophy, philosophy of science, correlation, subject of science.

Как известно, психологическое знание в продолжение многих веков развивалось в недрах философии (главным образом) и естествознания. До середины XIX века психология

существовала как философская психология. Во второй половине XIX столетия Вильгельмом Вундтом была предпринята попытка декларировать психологию как отдельную дисциплину. Обоснование было дано в книге «Основания физиологической психологии» [Wundt, 1874]. Напомним, что вся физиологическая психология охватывала лишь область ощущений и произвольных движений. Вся остальная психическая жизнь относилась к психологии народов, где использовались традиционные описательные методы.

Физиологическая психология была декларирована как наука о непосредственном опыте. Были определены предмет, методы, базовые понятия и закономерности, физиологическая психология была представлена как наука эмпирическая, основанная на опыте. По сути, это был ответ В.Вундта на критику психологии, предпринятую И. Кантом (1786). В «Метафизических началах естествознания» Кант сформулировал недостатки современной психологии, которые были выявлены при сопоставлении психологии конца XVIII века с естествознанием [Кант, 1964]. Вундт полностью ответил на кантовскую критику и предложил психологию по канону естественных наук, как это представлялось Канту в конце предыдущего столетия [Wundt, 1874].

Стоит подчеркнуть, что у Вундта были сомнения относительно готовности психологии стать самостоятельной наукой. В предисловии к первому изданию "Оснований физиологической психологии" Вундт в марте 1874 года писал: "Предлагаемый публике труд имеет целью ограничение новой области в науке. Я хорошо сознаю, что моя попытка может быть сочтена преждевременною. В самом деле, даже анатомо-физиологические основания излагаемой науки еще не достаточно утверждены, а экспериментальная разработка психологических вопросов едва лишь начата» [Вундт, 1880: III].

Вундт создал научную школу. Мировое сообщество поддержало эту инициативу. В этом случае скорее всего сказались ожидания: последняя цитадель – душа – сдастся под напором позитивной науки.

Отметим также, что в том же 1874 году Франц Brentano отмечал, что психология находится в кризисе [Brentano, 1874]. Он хорошо понимал ограниченность вундтовской психологии и видел ограничения использования эксперимента.

В начале 10-х годов XX столетия начался так называемый Открытый кризис в психологии, имевший методологический характер, и проявившийся, в частности, в возникновении основных школ в психологии.

В рамках краткой статьи нельзя охватить проблему взаимоотношений психологии и философии в целом. Остановимся здесь лишь на одном аспекте многогранной проблемы (см. о проблеме в целом [Мазилев, 2017]), а именно на взаимоотношениях научной психологии и философии науки.

Отметим, что философы науки предпочитают разрабатывать свои концепции на материале преимущественно естественных наук, что и естественно (прошу прощения за невольный каламбур) и понятно. Справедливости ради отметим, что лишь немногие философы науки уделяют внимание психологии (В.А. Лекторский, Э.Г. Юдин, В.М. Розин, Н.В. Ретюнских и др.), большинство анализирует процессы в науке в целом.

Обратимся к некоторым принципиальным установкам философии науки:

1. Философия науки исходит из приоритета естественных наук, которые и являются образцом науки в целом.

2. Философия науки справедливо исходит из того, что естественные науки сложны. При этом практически не учитывается, что психическое значительно сложнее, чем предмет естественных наук, имеет куда как большее количество степеней свободы. Объект и предмет психологии намного сложнее, чем в естественной науке. Поэтому в высшей степени странно, что эти обстоятельства философией науки, по сути, не учитываются.

3. По непонятным причинам современная философия науки относит психологию к социогуманитарным дисциплинам, хотя есть много сомнений в правомерности такого отнесения.

4. Философия науки и развитие науки понимает весьма специфически. Двадцатый век прошел в полемике между сторонниками кумулятивной модели развития и ее противниками. Конечно, здесь не место вдаваться в анализ, но представляется, что определить характер накопления данных в той или иной науке не так уж сложно. Достаточно обратиться к истории соответствующей научной дисциплины. Если мы возьмем историю психологии, то обнаружим, что там нет не только правильных или неправильных концепций, но даже в более мягком варианте более правильных или менее правильных. Более ранние концепции не являются менее

адекватными, чем более поздние. В истории психологии зафиксированы подходы, которые до сих пор актуальны и используются в науке. В психологии мы видим радикальные отличия от того, что обнаруживается в естественных науках. Там есть теории, относящиеся к прошлому: точно определено, что в таком-то подходе или концепции устарело, что учтено в последующих теориях, "снимающих" (в гегелевском смысле) предшествующие.

Констатируем, что специальные работы по анализу методологических проблем психологии, выполненные философами крайне немногочисленны. В свете вышесказанного нас не будут удивлять высказывания методологов науки о том, что психологи странно ведут себя по отношению к понятиям философии науки. Проиллюстрировать это можно примером с использованием термина "парадигма". Красивое слово используется психологами в таком количестве различающихся значений и смыслов, что это полностью дискредитирует этот термин (в психологии). Обратим внимание на то, что большая часть вариантов использования термина парадигма вообще не связана с исходной трактовкой термина "парадигма", данной в 1962 году Томасом Куном. В тех учебниках по методологическим основам психологии, куда включается материал по современной философии науки, он представляет собой, по большей части, дополнительную нагрузку на память студента. В лучшем случае этот материал обогащает эрудицию, так как привести примеры использования из психологии авторам обычно не удается: отсутствует позитивный опыт применения этого аппарата в психологической науке.

Аналогичная ситуация с использованием в психологии перспективных идей об исторических типах рациональности [Мазиллов, 2017b].

Между тем существует необходимость в разработке философии психологии как ветви психологического знания [Мазиллов, 2017a]. Есть основания рассматривать философию психологии как верхний уровень когнитивной методологии. Дадим самую общую и чрезвычайно сжатую характеристику философии психологии как уровня когнитивной методологии.

1. Этот уровень имеет дело с идеями. Используя терминологию К. Поппера, можно сказать, что философия психологии имеет дело с «третьим миром».

2. Это основная зона ближайшего развития и психологии, и ее методологии. На этом уровне осуществляется стратегическое планирование и прогнозирование развития психологической науки, философия психологии определяет ориентиры и магистральные задачи, обнаруживает перспективы для междисциплинарных исследований.

3. Философия психологии вырабатывает понимание предмета психологии и конструирует предметное пространство психологии. Философия психологии ориентирует в современной постановке и решении основных проблем психологии: психофизической, психофизиологической, психосоциальной, психогенетической, психосоциальной. Философия психологии обеспечивает «вписывание» психического в научную картину мира.

4. Философия психологии обеспечивает единство психологии, объединяя в одно пространство различные составляющие: академическую психологию, практико-ориентированную, философскую психологию.

5. Философия психологии обеспечивает интеграцию различных потоков психологического знания. В данном пункте требуются хотя бы минимальные пояснения. Дадим их. Речь, в частности, о том, что кроме «академической», научной психологии существуют другие потоки психологического знания в культуре. Это и трансперсональная психология, и гуманистическая, и различные варианты практической психологии и психопрактики. И литература, и искусство, которые тоже по-своему раскрывают психическую жизнь человека. Философия психологии производит учет и интеграцию всего психологического знания (во всяком случае, на уровне идей).

6. Философия психологии является основным фактором, определяющим стратегию историко-психологические исследования. Тезис также нуждается в пояснении. Автор, описывая какое-то историческое событие, в качестве позиции для выбора оценки реально использует позицию "из будущего", из идеального представления о том, какой должна быть психология. Позиция «не из сегодняшнего дня» (единственная, которая делает историю более или менее объективной). Именно поэтому категория философии психологии так важна для истории психологии. Нам уже отмечали, что в некоторых случаях традиционная история психологии не располагает тем знанием, которое научное сообщество вправе от нее ожидать. 7. И последнее, может быть самое важное. Философия психологии, как мы ее представили в настоящем тексте, существует реально, только, к сожалению, в силу разных причин, к

настоящему времени недостаточно разработана. И особенно удивительным представляется то, что в психологии совершенно не исследованы представления о философии психологии реальных психологов-исследователей, делающих науку сегодня. цикла эмпирических исследований содержания и структуры философии психологии как раздела психологии. Как можно полагать, разработка философии психологии как раздела психологии, а не философии науки, будет способствовать дальнейшему развитию психологической науки. Обратим внимание на то, что такая разработка существенно увеличит прогностические возможности в определении перспектив развития науки. Закljučая эту статью, повторим, что разработка философии психологии, на наш взгляд, является насущной задачей современной отечественной психологии.

Литература

1. Вундт В. Основания физиологической психологии. М., 1880.
2. Кант И. Сочинения в шести томах. Т.6. М.: Мысль, 1966.
3. Мазилов В.А. Теория и метод в психологии. Ярославль: МАПН, 1998.
4. Мазилов В.А. Методология психологической науки: история и современность. Ярославль: ЯГПУ, 2017.
5. Мазилов В.А. Психология и исторические типы рациональности (к вопросу о взаимоотношении психологии и философии науки) // Ярославский психологический вестник. Вып. 1 (37). Москва-Ярославль 2017а. С. 27-31.
6. Мазилов В.А. Философские проблемы современной психологии // Философия науки и техники в России: вызовы информационных технологий: сб. научных статей / под общ. ред. Н.А. Ястреб. Вологда: ВоГУ, 2017б. С. 175-178.
7. Brentano F. Psychologie vom empirische Standpunkte. Bd. 1. Leipzig: Duncker & Humblot, 1874.
8. Wundt W. Grundzüge der physiologischen Psychologie. Leipzig: Engelmann, 1874

ПРОБЛЕМА ВОЛИ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕМАТИЗАЦИИ

Григорий Львович Тульчинский

*Доктор философских наук, профессор,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» – Санкт-Петербург
E-mail: gtul@mail.ru*

Систематизация содержания концепта воли важна для методологии науки, права и морали. Продemonстрирована совместимость причинно-следственной связи и свободы воли. Эта совместимость основана на фундаментальной роли ответственности, которая обеспечивается социокультурными практиками. Природа воли междисциплинарна. А ее осмысление – хорошее поле корреляции нарративов естественно-научных и гуманитарных объяснений.

Ключевые слова: воля, компатибилизм, культура, мотивация, свобода.

THE PROBLEM OF WILL: MODERN TOPICS

Grigori L Lvovich Tulchinskii

*Doctor of Philosophy, Professor
National Research University "Higher School of Economics" - St. Petersburg
E-mail: gtul@mail.ru*

The will concept systematization is important for the science methodology, justice and morality. There has been demonstrated the compatibility of causation and free will. This compatibilism is based on the fundamental role of responsibility, which provided by socio-cultural practices. The will nature is interdisciplinary. It is successful example for the narrative correlation between sciences and humanities explanations.

Keywords: compatibilism, culture, freedom, motivation, will.

Выражения «волевой человек», «сила воли», «волевой поступок», «свобода воли», «политическая воля», «добрая воля» производят впечатление очевидно ясных. Но при попытках уточнения их концептуального содержания возникают непростые проблемы систематизации этого содержания, наполнения его конкретными характеристиками (операционализации), без чего невозможна полноценная аналитика реального опыта – как личностного, так и в социально-культурных практиках, включая право, мораль, политику.

Судьба идеи воли столь неоднозначна. Одно из центральных понятий философии и психологии, с развитием экспериментальной психологии, практически ушло из лексикона психологов: на ведущие позиции вышла методология познания в позитивистской парадигме, что элиминировало дискурс, связанный с неоперационализируемыми концептами – как «метафизику». А попытки анализа феномена воли в экспериментальной психологии столкнулись серьезными проблемами: от фиксации проявлений воли до попыток измерения таких проявлений [Ильин, 2009].

С конца XX в., в контексте исследований нейрофизиологии мозга, искусственного интеллекта, интерес к воле возродился. А в политической науке изучение опыта XX столетия – бурного на конфликты, революции, удачные и неудачные реформы – потребовало выявления роли в этих событиях политической воли. Обобщая попытки операционализации таких осмыслений, можно выделить два блока характеристик концепта воли [Белолипецкий, Тульчинский, 2017]:

(А) Характеристики решений (управленческой компетентности): анализ проблемной ситуации; стремления, цели, выгоды, интересы; выработка стратегии решения проблемы с учетом целей, интересов; ресурсы, включая организационные, необходимые для реализации стремлений, достижению цели, полномочия, легитимность; система контроля за ходом реализации принятого решения: мониторинг, стимулирование и санкции.

(В) Характеристики решительности (мотивационной вовлеченности акторов): обязательства достичь поставленные цели; настойчивость, непрерывность усилий в их достижении; способность, готовность и преодолению сопротивления обстоятельств, противников, к мобилизации сторонников, разъяснить и убедить необходимость предпринимаемых действий.

Характеристики блока (А) совпадают с компонентами бизнес-проектов, собственно политической деятельности. Поэтому особый интерес представляет блок (В), связанный с местом воли в системе мотивационного механизма, как ключевого фактора актуализации принимаемого решения, выводящего его во внешний, объективный план действий. Воля, в большей степени, отвечает за реализацию принятия решений, нежели за процесс их выработки.

В наше время получает новые аргументы отрицание свободы воли в духе Б.Спинозы, считавшего, что человеческие существа, в силу каузальной детерминированности сущего, лишены свободы воли, необходимой для моральной ответственности. Компьютерный анализ данных об электрохимической активности мозга выявил зазор между нейрхимической активацией и осознанием мотива, что открывает возможность предсказывать произвольные действия человека до того, как он сам осознает свое намерение, а также – внешнего воздействия, неосознаваемой личностью манипуляции ее поведением [Wegner, 2009].

Думается, что реальная важность упомянутых исследований состоит в констатации необоснованности принципиального разведения и противопоставления мотивов и причин. Мотивы представимы в структуре нейронных сетей, сформировавшихся с накоплением опыта личности, освоением ею социальных практик, памятью этого освоения. Тогда свобода воли увязывается с формированием личности, развитием ее самосознания, самости. Как писал Дж.Локк, дело не в свободе воли, а в свободе актора.

Свобода и сознание (как ее «чувствилище») обретаются только в обществе, как результат «загрузки», «инсталляции», «вращивания» программ социально-культурного опыта. Вся система социализации вырывает нас из причинно-следственных связей, перекручивая и замыкая их, как в ленте Мебиуса, на нас самих, превращая нас в *causa sui*. Культура, «другие» грузят нас ответственностью, вменяя вменяемость. Сознание, разум – вторичны по отношению к ответственности, выражая меру ее осознания, а значит – и меру свободы, которая суть эпифеномен культуры [Тульчинский, 2007] – условия и механизма социо- и персоно-генеза, наделяющего человека способностью действовать вопреки миру.

Признание фундаментальной роли ответственности открывает возможность обоснования компатибилизма – совмещения мотивации и каузальности. Но «изначальная ответственность» есть не следствие свободного выбора [Кейн, 2016, с.109], а его бэкграунд. Свобода не только и не столько «осознанная необходимость», сколько «осознанная возможность». Детерминизм не исключает возможность свободного решения – он условие его принятия и реализации.

При этом важна мысль о личности как «незавершенном персонаже» [Кейн, 2016, с.125], развивающейся в прохождении жизненных ситуаций, развилок выбора. В силу конечности личности, ей не дана вся полнота знания. Но идея «неполноты» вменяемого субъекта воли открывает перспективу анализа воли, как активности, направленной на изменение реальности, что предполагает некое расширение горизонта знания. Эпистемологической основой такого акта (как, впрочем, и реализации самого феномена) является «онтологическое (экзистенциальное) допущение» [Куайн, 2000] о едином статусе неизвестного и хорошо известного – главное условие принятия решения, интерпретации, метафоризации, понимания. Их условием является приведение в единство должного и сущего и переживание личностью своей сопричастности этой единой плоскости желаемого должного и реально существующего.

Без сопричастности личности этому единству, самоотдачи ему – невозможно волевое усилие. Синтез желаемого должного и реально сущего – «онтологический импульс» человеческого бытия, выражаемый формулой: «Да будет!». Знание фактов, профессиональные знания и подготовка способны придать уверенность в оправданности целей и нравственной правоте. Как писал Гете, «Жить в идее – значит обращаться с невозможным так, как будто бы оно возможно». Так творят художник и изобретатель, а политик приступает к реформам.

Несомненной заслугой инкомпатибилистов является рассмотрение практических следствий отсутствия свободы воли. Проблема состоит не в том, что технологии (включая маркетинговые практики nudge с использованием Big Data и IoT) показывают, что у нас нет свободы воли и поэтому мы не несем ни за что моральной ответственности, а в том, что люди получают непосредственный доступ к мотивам других людей.

С объективизмом и каузальным инкомпатибилизмом смыкается и радикальная сопричастность в духе избавления от «цепляния» за идентичность, отказа от самости во имя здоровья и «расширения сознания». Противоположности крайнего объективизма и крайнего субъективизма, познания самосознания «от третьего лица» и «от первого лица» – сходятся. Путь к счастью в обоих случаях предполагает и ведет к элиминации субъекта самосознания и ответственности – полную деперсонализацию.

Однако на то и крайности, чтобы задавать границы шкалы, на которой реализуется реальное поведение. Человек – социальное существо, наделенное социумом ответственностью, а значит – сознанием и памятью. И это открывает выход из круга инверсий. Самосознание, память социального существа формируются и актуализируются в коммуникативных практиках наррации, выступая эффективным средством формирования, даже конструирования их идентичности. Но нарративно, дискурсивно и научное познание. С этой точки зрения – и причинный детерминизм и свобода воли – нарративы различного уровня.

Методологию объяснения нельзя сводить – к методологии естественных и точных наук. Во-первых, последние сами зависят от конструктивной концептуальной активности познающего субъекта. А во-вторых, в социальных, политических, исторических исследованиях чревато элиминацией собственно акторов, наделенных сознанием и мотивацией, а значит – волей. А история и политика – да и личная жизнь каждого из нас – по самой своей сути, ни что иное как равнодействующая воля.

Литература

1. Белолипецкий Е.В., Тульчинский Г.Л. Политическая воля: содержание концепта // Политическая рефлексия, теория и методология научных исследований. Ежегодник РАПН – 2017. М.: Политическая энциклопедия, 2017. С. 187-211.
2. Ильин Е.П. Психология воли. СПб.: Питер, 2009.
3. Кейн Р. Поступать «по своей собственной воле»: современные размышления о древней философской проблеме // Логос. 2016. Т.26, № 5. С. 105-131.
4. Тульчинский Г.Л. Свобода – эпифеномен культуры? // Третья научно-практическая конференция по экзистенциальной психологии. М.: МГУ, 2007. С. 51-69.
5. Wegner D. The Illusion of Conscious Will. Cambridge, MA: MIT Press, 2002.

ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КОНСТРУКТА «КУЛЬТУРНО-ДИАЛОГИЧЕСКИЙ ИНТЕРДЕТЕРМИНИЗМ»

Владимир Александрович Янчук

Доктор психологических наук, профессор, декан факультета психологии

Академия последипломного образования, Беларусь

E-mail: yanchuk1954@gmail.com

Констатируется плюралистический характер современного психологического знания. Анализ детерминистского и индетерминистского направлений развития психологического знания позволил обосновать эпистемологический эвристический потенциал интердетерминистского направления. Артикулируется многомерность рассмотрения психологической феноменологии в пространствах гетерокачественных природ, сфер психического и детерминант поведения в их культурной обусловленности. В соответствии с введенным принципом культурно-диалогического интердетерминизма процесс психологического функционирования рассматривается в контексте диалогического взаимодействия, приводящего к формированию нового качества, не представленного в составляющих его частях. Обосновывается эвристический потенциал конструкта «культурно-диалогический интердетерминизм». Приводятся теоретические и эмпирические основания его инновационности.

Ключевые слова: диалог; детерминизм; индетерминизм; интердетерминизм; культура; культурно-диалогический интердетерминизм; эпистемология; психологическая феноменология.

EPISTEMOLOGICAL POTENTIAL OF THE CONSTRUCT “CULTURAL-DIALOGICAL INTERDETERMINISM”

Vladimir A. Yanchuk

Doctor of Psychological Science, Professor, Dean of the Faculty of Psychology

Academy of Postgraduate Education, Belarus

E-mail: yanchuk1954@gmail.com

Pluralistic character of modern psychological knowledge is ascertained. An analysis of the psychological knowledge development deterministic and indeterministic directions allowed substantiating of the interdeterministic direction epistemological heuristic potential. Is articulated necessity of psychological phenomenology multidimensional consideration in the spaces of heteroqualitative natures, psychic spheres and behaviour determinants in their cultural conditionality. In accordance with introduced principle of dialogical interdeterminism the process psychological phenomenology functioning is considered in the context of interdeterminist dialogical interaction leading to formation of new quality not presented in composing it parts. The epistemological construct “cultural-dialogical interdeterminism” is introduced. Theoretical and empirical explanations of cultural-dialogical interdeterminist epistemological innovativeness are presented.

Keywords: cultural-dialogical interdeterminism; culture; dialog; determinism; indeterminism; interdeterminism; epistemology; psychological phenomenology.

Характеризуя современную ситуацию развития психологии можно констатировать ее плюралистичность. Плюрализм в психологии находит все больше сторонников [Watanabe, 2010]. Целью плюрализма является создание возможностей для интеграции альтернативных теоретических перспектив с целью разработки более широкой перспективы в отношении интересующих феноменов, по сравнению с создаваемой в рамках какой-либо отдельной теории. Однако при внешней привлекательности этого тезиса значительно менее ясны его глубинные основания. Для определения таковых был предпринят анализ эволюции мировоззрения общества на протяжении истории человечества. Он был осуществлен при посредстве специально разработанного теоретического конструкта «культурно-научная традиция»,

позволившего проследить изменения, происходящие в мировоззрении в отношении мироустройства [Yanchuk, 2014]. Их общая характеристика представлена на Рис. 1.

Рис. 1. Эволюция культурно-научных традиций

По всей видимости, решение традиционно находится по середине. В обсуждаемом контексте уместна аргументация одного из ведущих специалистов в проблемной области P. van Geert, акцентирующего внимание на следующем: «детерминистский универсум мертв, т.к. у него крайне редуцируемая степень свободы: все предопределено и невозможно создание какой-либо новой информации, т.к. она уже содержится в своем исходном состоянии (вне зависимости от того, чтобы это ни было). Индетерминистский универсум безжизненен, т.к. он содержит бесконечное число степеней свободы. Никакая информация не может быть сотворена, т.к. каждая имеет одинаковую вероятность. Тем не менее, когда эти два принципа встречаются информация и упорядоченность создаются в форме высоко редуцируемой степени свободы, в которой различия между событиями становятся значимыми и информативными. Новое понятие упорядоченности, выводимое из самоорганизации. Для появления комплексного упорядочивания нужны и детерминизм, и индетерминизм» [van Geert, 1997: 21]!

предлагается диалогическая логика интеграции возможностей и/и. Такого рода решение резонирует с выводом И.Т.Касавина о том, что «совокупный познавательный процесс включит в себя картину многообразия практик и типов познавательной деятельности, соотносенных с различными формами знания и сознания, и явится концептуальным выражением того расширения предмета теории познания, который оценивается как ее ведущая современная тенденция» [Касавин, 1990: 69].

Приставка «интер» показывает направление, в котором мы можем преодолеть корневую метафору психологического понимания как на публичном, так и научном уровнях, приводя их к исходному состоянию. Такого рода метафора позволяет преодолеть противопоставление пространств внутреннего и внешнего постижения. Значение не находится ни «внутри», ни «вовне», оно находится «между» [Mininni, 2010: 24-25]. Со-конструирование и управление значениями является процессом организации взаимодействия, включающего разнокачественные природы и сферы психического. В нем достигается (или не достигается) компромиссное взаимоприспособление, предоставляющее оптимальные условия сосуществования.

В соответствии с авторской метатеорией интеграции психологического знания [Янчук, 2017] рассмотрение психологической феноменологии должно осуществляться в интегрированном пространстве конституированных систем парадигмальных координат. В обсуждаемом контексте оно локализовано в трех четырехмерных пространствах, выделенных по критериям разнокачественности природ, сфер психического и детерминант поведения, объединяющим основанием которых выступает культурная обусловленность. Эти пространства не существуют как автономные, самодостаточные единства, а как взаимодополняющие, взаиморасширяющие возможности, определяющие глубину постижения феноменов. В комбинации друг с другом они описывают человеческую специфичность как био-психосимволической разнокачественной сущности, функционирующей в осознаваемо-бессознательно-экзистенциальной сферах психического, проявляющейся в личностном, окруженческом и активностном аспектах, обусловленных культурой во всем многообразии ее имико-итических проявлений.

Особый вопрос представляют взаимодействие выделенных структурных элементов выделенных пространств друг с другом. Исходно такого рода взаимодействие было предметом специального рассмотрения И.Г. Фихте в «Основах наукоучения» при анализе синтетического объединения противоположности, наличной между двумя установленными формами взаимоопределения (интердетерминации) [Фихте, 1993: 134]. Наиболее известные современные попытки решения этой проблемы принадлежат К. Левину и А. Бандуре. Характеризуя подход Левина, описывающего поведение как функцию личности и внешнего окружения $B=f(P, E)$, как ненаправленный, Бандура вводит частично направленную трансформацию этой формулы $B=f(P \rightleftharpoons E)$, в последующем преобразуя ее в принцип реципрокного детерминизма, рассматривающего взаимодействие элементов как взаимонаправленное.

В развитие представляемого подхода мною был предложен принцип культурно-диалогического интердетерминизма [Янчук, 2017]. Отношение диалогической интердетерминации подчеркивают аспект взаимовлияющего и взаимоизменяющего характера взаимодействия. Любое изменение одного элемента гетерогенной системы неизбежно приводит к изменениям в других взаимосвязанных элементах. Происшедшие изменения приводят к изменению ее качества, предоставляющего ресурс развития в форме расширения, пересмотра и перепереживания обретенного опыта. Эти элементы, одновременно, являются как автономными, так и взаимообуславливающими друг друга, причем, последнее фокусирует внимание на том, что каждый из элементов не существует как самодостаточный, а только во взаимодействии с другими элементами.

Отличительной особенностью предлагаемого подхода является артикуляция диалогического характера взаимодействия элементов гетерогенной системы. Исходным является Бахтиновское прочтение диалога как взаимодействия в условиях многоголосости окружения, предполагающего безусловное принятие другойности и инаковости, сопровождаемое ориентацией на выработку совместности, взаимоприемлемого баланса и разделенности. Именно диалог может выступать в качестве механизма интердетерминации разнокачественных природ, сфер психического и детерминант поведения, обеспечивая нахождение сбалансированных результатов гомеостатического свойства. Соответственно психика может рассматриваться не как изолированный гомункулус, не как бестелесный

дискурс, а, наоборот, как уникальный в своей темпоральности, активный агент, ориентированный скорее на взаимодействие, чем противодействие, снижение напряжения между индивидуальным и социальным, материальным и психологическим, множественным и унифицированным, стабильным и динамическим [Salgado, Clegg, 2011: 42].

Литература

1. Касавин И.Т. О дескриптивном понимании истины // Философские науки. 1990. № 8. С.64-74.
2. Фихте И. Сочинения в двух томах. Т. 1. СПб.: Мифрил, 1993.
3. Янчук В.А. Социокультурно-интердетерминистская диалогическая метатеория интеграции психологического знания // От истоков к современности: 130 лет Московскому психологическому обществу: материалы юбилейной конференции: том 6 / отв. ред. Д.Б. Богоявленская. М.: Когито-Центр, 2017. С. 297-331.
4. Fogel A., Lyra C.D.P., Valsiner J.. Dynamics and Indeterminism in Developmental and Social Processes. Psychology Press, 1997.
5. Mininni, G. The Method of Dialogue: Transaction Through Interaction. IPBS: Integrative Psychological & Behavioral Science, 2010. Vol. 44, № 1. P. 23-29.
6. Salgado J., Clegg J.W. Dialogism and the psyche: Bakhtin and contemporary psychology. Culture & Psychology. 2011. Vol. 17, № 4. P. 421-440.
7. van Geert, P. Que Sera, Sera: Determinism and Nonlinear Dynamic Model Building in Development. Fogel A., Lyra C.D.P., Valsiner J. Dynamics and Indeterminism in Developmental and Social Processes Psychology Press. 1997. P. 13-38.
8. Watanabe, T. Metascientific foundations for pluralism in psychology. New Ideas in Psychology. 2010. Vol. 28. P. 253-262.
9. Yanchuk, V. Yanchuk, V. (2014) Sociocultural-Interdeterminist Dialogical Perspective of Intercultural Mutual Understanding Comprehension Deepening. Open Journal of Social Sciences. 2014. Vol. 2, 178-191.
10. Yanchuk, V. Sociocultural-interdeterminist dialogical metatheory of psychological knowledge integration. International Journal of Psychology. 2016. Vol. 51, Issue Supplement 51. P. 438-439.

НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ОСНОВНОМУ ВОПРОСУ ФИЛОСОФИИ: ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ

Михаил Михайлович Решетников

*Доктор психологических наук, кандидат медицинских наук, профессор, ректор
Восточно-Европейский институт психоанализа
E-mail: veip@yandex.ru*

В статье рассматриваются традиционные представления о связи психической деятельности и мозговой активности, и развивается предложенная автором ранее (2008) гипотеза о мозге, как биологическом интерфейсе. Анализируются и обобщаются подходы к исследованиям психики в физиологии, психологии, психотерапии, психиатрии и социальных науках, а также то, как эти подходы проецируются в терапию пациентов с психическими расстройствами, социальные и современные информационные процессы и решение философских проблем.

Ключевые слова: биологический интерфейс, информация, мозг, нервы, психика, психосоматика, символизация, структуры психики.

NEW APPROACHES TO THE BASIC QUESTION OF PHILOSOPHY

Mikhail M. Reshetnikov

*Doctor of Psychology, Candidate of Medical Sciences, Professor, Rector
East European Psychoanalytic Institute
E-mail: veip@yandex.ru*

In this paper, traditional concepts of on link between mental activity and brain activity are reviewed, and hypothesis of brain as a biological interface, which was earlier (2008) suggested by the author, is developed. Approaches to research of psyche in areas of physiology, psychology, psychotherapy and psychiatry, as well as their applications to therapy of patients with mental disorders, social sciences and modern information processes and philosophical problems are analyzed.

Keywords: biological interface, information, brain, nerves, psyche, psychosomatics, symbolization, psychic structures.

Проблема материи и сознания, а в более узком (прикладном) плане - взаимоотношений и взаимосвязи головного мозга и психики на протяжении двух тысячелетий является одной из основных, наиболее загадочных и, в целом – нерешенных. В данной публикации мы не будем апеллировать к идеям выдающихся философов, а ограничимся только прикладным (медико-психологическим) аспектом проблемы.

Еще до Гиппократы была сформулирована (не вызывающая возражений) идея о том, что психические явления тесно связаны с работой мозга, но затем Гиппократ модифицирует эту идею, и на все последующие века постулирует, что вместилищем всех психических процессов является головной мозг. Несмотря на огромный прогресс исследований в этой сфере, гипотеза Гиппократа на протяжении двух тысячелетий остается основной и главенствующей. Исключение составляют разве что некоторые модальности психотерапии, где психика рассматривается как эпифеномен.

Прежде чем перейти к последнему тезису (об эпифеномене) напомним некоторые ключевые этапы в формировании современных научных представлений. На стыке психологии и физиологии, благодаря теориям И.М. Сеченова [2015] и И.П. Павлова [1951]¹⁶, сформировались две новые области знания: физиология высшей нервной деятельности (ВНД) и психофизиология. Нужно отметить, что эти две сферы знания после почти вековых попыток объяснения всей психической деятельности на основе реакций возбуждения и торможения, рефлексорной деятельности, электрической активности мозга и биохимических реакций ограничили область своих интересов изучением мозговых структур, на основе которых реализуется психическая деятельность.

Однако в психиатрии и психофармакологии, по сути – все подходы к психопатологии до настоящего времени базируются на ортодоксальной теории ВНД, которая, по-прежнему, во многом идентифицирует психику и мозговые механизмы.

Именно павловский тезис отождествления (идентификации) психики и мозга лежал и до сих пор лежит в основе традиционных методов терапии психических расстройств, которая в большинстве психиатрических клиник осуществляется путем химического (психофармакологического) воздействия на мозговую ткань и обмен нейромедиаторов в синаптической щели, а в некоторых клиниках до настоящего времени применяется электрошоковая терапия.

Напомним, что (в противовес этим традиционным представлениям) в 2008 году мной была выдвинута гипотеза о мозге, как биологическом интерфейсе [Решетников, 2008; 2011; 2012]. В рамках этой гипотезы проводится аналогия между мозгом и компьютером, который обычно характеризуется как аппаратная часть или «железо» ("Hardware"), и между психикой и программным обеспечением, обычно именуемым как «софт» ("Software"), а процесс воспитания и обучения рассматривается как вариант программирования. Психическая деятельность в данном случае рассматривается как вариант информационного обмена и взаимодействия, а физические и физиологические феномены как телесные симптомы душевной жизни, не несущие никакой прагматической информации о мыслях, идеях и переживаниях, также как и о психических содержаниях в целом.

Дополнительно нужно отметить, что информация современной академической наукой общепризнанно характеризуется как нематериальный фактор, материальны только ее носители (биологические, бумажные, электронные и т.д.). Тем не менее, являясь нематериальной, информация имеет ряд количественных и качественных характеристик. Она может быть

¹⁶ Критический пересмотр этих теорий см.: Решетников М.М. Психическое расстройство. Лекции. Санкт-Петербург: Восточно-Европейский Институт Психоанализа, 2008. С.101-149.; второе издание: Решетников М.М. История психопатологии. Лекции. Москва: Юрайт, 2016. С.101-149.

нейтральной, эмоционально насыщенной, устрашающей, правдивой, ложной и т.д., но все эти характеристики появляются только при наличии субъекта восприятия информации. Само по себе наличие информации на каком-либо носителе (вне субъекта или при отсутствии субъекта) – фактически не существует. Лишь живые существа (и в самой высокой степени – человек) могут являться одновременно и субъектами восприятия, и производителями, и носителями, и верификаторами информации.

Укоренившиеся представления о мозге, как вместилище всех психических функций породили массу заблуждений, которые давно вошли в обыденную речь, а в науке привели к известному феномену «нагруженности теорией» (когда все, что лежит за пределами главенствующей теории исходно отбрасывается). Совершенно привычными стали фразы о том, что «у кого-то не все в порядке с нервами», хотя нервы – это просто проводники; другой вариант «мне пришло в голову», но приходит не в голову, а «на ум» и т.д. В целом, идентификация нервного и психического на уровне обыденного сознания и даже научного знания – запредельна.

При этом вообще не замечаются коренные отличия нервной системы от психики. Их несколько, но главное: здоровая психика способна отличать воображаемые стимулы от реальных. Нервная система и на те, и на другие может реагировать практически одинаково. На этом основаны все техники внушения и самовнушения, когда например, представление о том, что рука погружена в горячую воду, тут же сопровождается повышением температуры кожных покровов кисти, а представление спринтерского бега на 100 метров, тотчас сказывается на частоте пульса.

Приведем еще один дополнительный фактор, свидетельствующий в пользу изложенной теории. Изучение ферральных детей (более известных как «Маугли») показывает, что при отсутствии раннего погружения в социальную среду (или, как уже отмечалось – при отсутствии языкового программирования мозга ребенка социальным окружением) нормальная человеческая психика не формируется, впрочем, как и прямохождение. Это позволяет сделать еще один вывод, что наличие здорового мозга является необходимым, но недостаточным условием формирования и адекватного функционирования человеческой психики.

На протяжении двух тысячелетий ученые искали психику в тканях мозга, в желудочках мозга, в электрической активности мозга, рефлекторной деятельности и, как казалось, в многообещающих представлениях о высшей нервной деятельности, а затем – в обмене нейромедиаторов. Наиболее точно эти поиски характеризуются (приобретающей все большую популярность в психиатрическом сообществе) фразой: «Сколько радио не разбирай, музыки в нем не найдешь!». Нет никаких сомнений, что будущее психиатрии, психотерапии, психологии и всех социальных наук будет определяться информационной теорией психики.

В современном мире информация не только распространяется – она проектируется и затем создается (под конкретный заказ), точно также как любой другой программный продукт. Но особо нужно отметить, что с момента вступления в современную информационную эпоху, по аналогии с компьютерными вирусами, создается огромное количество социально ориентированной «вирусной информации», целью которой является переориентация индивидуального и общественного сознания в определенном (нередко – далеко от благих целей) направлении, или – целенаправленное повреждение как индивидуального, так и общественного сознания. За этими разработками стоят интересы тех или иных экономических и властных элит конкретных регионов, ведущих государств мира и военных блоков. Характерно, что эта проблема традиционно ускользает от реального научного анализа.

Исходя из предложенной теории, основной вопрос философии формулируется в его традиционном варианте: материя первична и субъект первичен, а сознание вторично, ибо сознание строится на основе информационного обмена и взаимодействия, а информация не может существовать без субъекта восприятия, и передается с помощью различных носителей информации от субъекта к субъекту.

Литература

1. Павлов И.П. Физиология и психология при изучении высшей нервной деятельности животных // В кн. Павлов И.П. Полное собрание сочинений. 1951. Т. III, кн. 1. С. 323-340.
2. Решетников М.М. Психическое расстройство. СПб.: Восточно-Европейский Институт Психоанализа, 2008.

3. Решетников М.М. Критический постматериализм в психологии и психиатрии // Неврологический вестник, 2011. Т. XLIII, Вып. 2. С. 66-69.
4. Решетников М.М. Современные тенденции развития психотерапии и психиатрии. // Психотерапия. 2012. № 9. С. 7-15.
5. Сеченов И.М. Рефлексы головного мозга. М.: АСТ, 2015.

ПРОБЛЕМА ПРОТОТИПОВ СУБЪЕКТИВНОГО ПРОСТРАНСТВА

Леонид Яковлевич Dorfman

*Доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой
гуманитарных дисциплин
Пермский государственный институт культуры
E-mail: dorfman07@yandex.ru*

Поиск ответов на ключевые вопросы «что» и «где» определяют разные направления исследований в области психологической науки. Поиск ответов на вопрос «где» открывает область исследований субъективного (ментального) пространства. Положение о субъектности личности допускает существование субъективного пространства как отдельного и самостоятельного образования. Оно отличается от физического, социального, культурного, публичного и др. пространств. Понятие субъективного пространства подразумевает, что его носителем является субъект в оппозиции к объекту и наличие собственных родовых свойств, а также выход субъективного пространства во внешний план, его экстериоризацию. Предлагается использовать в качестве прототипа субъективного пространства понятие математического пространства. Из него выводятся фундаментальные следствия с экстраполяцией на ключевые особенности субъективного пространства.

Ключевые слова: субъективное (ментальное) пространство, субъект, экстериоризация, прототип, математическое пространство.

PROTOTYPES OF MENTAL SPACE

Leonid Ya. Dorfman

*Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of Humanities
Perm State Institute of Culture
E-mail: dorfman07@yandex.ru*

Two questions “what” and “where” reveal distinct areas for psychological study. The question “where” opens the door for investigating the mental space as such. The agentic personality assumption entails mental space operates on its own. To some extent, it differs from other kinds of space, such as physical, social, cultural, and public ones. The concept of mental space implies the agent in opposition to the object and own generic properties of the former, as well as the mental space appears outside, its exteriorization. A mathematical approach gives rise to study the mental space.

Keywords: mental space, agentic personality, exteriorization, prototype, mathematical space.

Человеческий язык пестрит выражениями с пространственными коннотациями. В выражениях «дальняя цель», «ближние планы», «широкое поле внимания», как и «объем сознания», «настроение подъема», «отдаленные ассоциации», «расширение Я», психологические конструкторы описываются с помощью характеристик пространства. Идея психологического пространства имеет глубокие корни. Откуда является мысль сознанию? Мамардашвили и Пятигорский [1997] писали, что сознание оформляет мысли, рефлексировать и упорядочивает их постфактум. Поиск ответов на вопрос «где» вместо вопроса «что?» служит отправным пунктом для выделения психологического пространства в самостоятельное направление исследований. В этих рамках фундаментальным является поиск прототипов,

опираясь на которые можно приблизиться к пониманию происхождения психологического пространства. В настоящей статье предпринята попытка поставить вопрос о возможных прототипах психологического пространства.

Для упрощения, ограничим психологическое пространство понятием субъективного пространства (СП). В самом общем виде, СП – это аспект психологического пространства, который относится к субъекту, имеет имплицитные корни, а его отдельные атрибуты проявляются в поле сознания.

Обозначим два направления в исследованиях СП. В исследованиях Петренко [2013] семантическое пространство определяется как модель категориальных структур сознания. Математически, эта модель выражается с помощью координатных осей и точек, а также вычисления расстояний между ними. Другое направление касается СП как такового, оценкой его собственных геометрических свойств. Внимание смещается к параметрам СП, скажем, его объему, дистанции, геометрической форме [Березина, 2012; Дорфман, 2017; Нартова-Бочавер, 2005]. Это направление осмыслено в наименьшей степени. Далее сосредоточимся на нем.

Положение о субъектности личности [Абульханова, 1999] и понимание индивидуальности как системы [Дорфман, 2016а] допускает существование субъективной реальности, внутреннего мира как отдельного и самостоятельного образования. Понятие субъективной реальности подразумевает, что ее носителем является субъект в оппозиции к объекту, субъективное в отличие от внешней реальности, наличие собственных родовых свойств, а не только представленность в нем фрагментов объективной реальности, выход во внешний план, экстериоризацию.

Исходя из этого, можно выделять восприятие, представления, образы, репрезентации пространственных параметров внешних (физических и социальных) объектов или их отдельных свойств. СП происходит и оказывается производным от пространства внешнего мира («отраженное пространство»). Но если допустить, дополнительно, что субъективная реальность имеет собственную психическую «ткань», можно постулировать СП с онтологией, присущей субъекту, а не объекту. Оно не сводится к физическому, социальному, культурному, публичному и другим пространствам, хотя их пересечения не исключаются [Нартова-Бочавер, 2005; Сорокин, 1992; Lefebvre, 1991]. Обозначим эту разновидность термином «эгоцентрическое пространство». Далее под СП подразумевается эгоцентрическое пространство.

Нередко в исследованиях СП имеет место явная или неявная ориентация на физическое пространство. Вместе с тем последнее не является первичным, оно восходит к математическому пространству. Оно представляет в мышлении человека не только приближенный абстрактный образ реального пространства, но и абстрактные образы других видов пространств, в том числе субъективных. В психологической науке предпринимались успешные попытки описывать психологические явления, опираясь на математическое понимание пространства. Левин [Lewin, 1936] отмечал, что человек, далекий от математики, обычно представляет пространство как физическое пространство. В течение своей долгой истории, однако, математика расширила представления о пространстве. Прогресс в открытии математических пространств шел, по меньшей мере, в трех направлениях. Во-первых, на смену трехмерного пространства появились представления о n -мерных пространствах. Во-вторых, наряду с евклидовым пространством возникли представления о кривизне пространств. В-третьих, метрический взгляд на пространство был дополнен неметрическими описаниями пространства.

Мы предлагаем рассматривать математическое пространство как прототип СП. Нет фундаментальных возражений против применения понятия математического пространства к психологическим фактам. Критическим являются вопросы адекватности отношений, которые характеризуют пространство в математике, психологическим фактам и возможности их координации [Lewin, 1936].

В математике понятие пространства строится, в частности, на основе теории множеств. Согласно Кантору (1985), известному русскому математику, множество (или многообразие) есть совокупность элементов, которая посредством одного закона соединяется в целое. Не важно, какие явления описывает математическое пространство – числа, физические объекты, температуру, цвет, события или что-нибудь еще. Только определенного рода отношения и возможность определенных операций релевантно описывают математическое пространство. В таком же духе можно понимать СП.

В настоящее время пространства понимаются по преимуществу как геометрические многообразия. Правда, обычная геометрия имеет дело с конкретными (наглядными) пространствами. Однако о геометрии может идти речь, не обращаясь прямо к наглядным пространствам, и не только наглядно выражая его (Головко, 2006). Важные следствия математического понимания пространства на основе теории множеств по отношению к СП можно обозначить в виде 4 постулатов.

1. Математические представления о множестве и многообразии дедуцируются к СП при условии многоаспектного анализа психических явлений. Например, решая проблемы, дивергентное мышление генерирует многообразные мысли [Дорфман, 2016б]. Их отношения имеют пространственный аспект. Важным является введение понятия не только СП, но и «места» как его участка. Согласно Мальпас [2012], понятие пространства опирается на идею расширения и протяженности, а понятие места – на идею ограничения пространства. Соответственно, выделяются два сопряженных направления исследований: СП как расширенное и протяженное, и в то же время локализация психических явлений в СП.

2. Операционально СП можно понимать двояко. Во-первых, оно есть общий объем. Во-вторых, СП можно понимать как множество мест, и любое место служит системой отсчета для других мест. Взаимное расположение их психического содержимого тоже принимает форму пространства, имея в виду их разные положения и взаимоотношения.

3. Понимание математического пространства является родовым. Его можно экстраполировать на СП и расстояния в нем. Они могут обладать свойством протяженности, но выводя ее опять-таки из математической, а не физической протяженности. Кроме того, встает вопрос своеобразия психологических расстояний – с учетом их субъективной (психологической), а не математической и/или объективной (физической) природы.

4. Судя по всему, СП может иметь форму метрического и/или топологического пространства [Гончаров, Ушакова, 2014]. Простейший математический прототип метрического пространства – евклидово трехмерное пространство. Параметры высоты, длины, глубины можно использовать как метафоры трехмерной метрической структуры объема СП. С позиций топологического подхода правомерно рассматривать такие особенности СП, как его общность и связность, диссоциации на отдельные области, оценка места и границ психических явлений.

Литература

1. Абульханова К.А. Психология и сознание личности. М.: МПСИ, Воронеж, НПО «Модэк», 1999.
2. Березина Т.Н. Многомерная психика. Внутренний мир личности. М.: ПЕР СЭ, 2012.
3. Головко Н.В. Философские вопросы научных представлений о пространстве и времени. Концептуальное пространство-время и реальность. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2006.
4. Гончаров О.А., Ушакова Н.Е. Нейропсихологические механизмы топологического и метрического принципов обработки пространственной информации // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна». 2014. №1. С. 29-45.
5. Дорфман Л.Я. Каузальный плюрализм и холизм в концепции метаиндивидуального мира // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2016а. №1. С.98-136.
6. Дорфман Л.Я. Креативное ментальное поле, дивергенция и вариативность // Психологический журнал. 2016б. Т.37, №1. С.26-34.
7. Дорфман Л.Я. Психологическое пространство и пространство Я-концепции. Сообщение 1. Общие представления о психологическом пространстве и пространстве Я концепции // Мир психологии, 2017. № 2 (90). С. 124-134.
8. Кантор Г. Труды по теории множеств. М.: Наука, 1985.
9. Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символическом и языке / под общей ред. Ю.П.Сенокосова. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.
10. Нартова-Бочавер С.К. Психологическое пространство личности. М.: Прометей, 2005.
11. Петренко В.Ф. Многомерное сознание: психосемантическая парадигма. М.: Эксмо, 2013.
12. Сорокин П. Человек, цивилизация, общество. М.: Политиздат, 1992.
13. Lefebvre H. The production of space. Cambridge, England: Blackwell, 1991.
14. Lewin K. Principles of topological psychology. New York: McGraw-Hill, 1936.
15. Malpas J. Putting space in place: philosophical topography and relational geography.

ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ФИЛОСОФИЯ ПСИХОЛОГИИ: ГНОСЕОЛОГИЯ ИЛИ ОНТОЛОГИЯ?

Александр Исаакович Зеличенко

Директор

Институт высшей психологии

E-mail: az@higher-psychology.org

Научный прогресс меняет наше виденье мира. Это делает необходимым ревизию коренных онтологических взглядов, на которых покоится картезианское здание философии науки. Простой логический анализ, рефлексирующий наше виденье мира, открывает производность таких фундаментальных концептов, как "вещь", "существо", идея", от ракурса, в котором мы видим сущности. Продолжая этот анализ, мы без всякой мистики можем обнаружить реальность того, что авраамические религии называют "Богом", равно как и реальность других религиозных понятий. Данная работа посвящена обсуждению последствий таких "открытий" для психологии и философии психологии.

Ключевые слова: Философия науки, философия психологии, онтология, реальность религиозных понятий.

PHILOSOPHY OF SCIENCE AND PHILOSOPHY OF MIND: EPISTEMOLOGY OR ONTOLOGY?

Alexander I. Zelichenko

Director

Institute of Higher Psychology

E-mail: az@higher-psychology.org

Progress of science leads to the great changes in how we view the world. This makes ontological problem more important for the philosophy of science. Today the simple logical analysis, which combines the different perspectives in which we see the world, allows discovering the relativity of the categorization of the world's essences as things, beings or ideas. Continuing, we are able to see the reality of what Abrahamic religions called "God" as well as reality of other religious concepts. The sequences of such change for psychology and philosophy of psychology are discussed.

Keywords: Philosophy of Science, Philosophy of Mind, Ontology, Reality of Religious Concepts.

Философов науки традиционно интересует гносеология: как изучать мир. Что из себя мир представляет, интересует гораздо меньше. Это подразумевается общеизвестным. Конечно – а не в деталях, но в целом. Научные открытия эту целостную картину мира не меняют, а уточняют. Таким научное познание сохраняется на протяжении всей своей истории: внимание переносится с одних аспектов на другие, сосредотачивается на разных частностях, но базисные представления о мире не затрагивает: мир Декарта и мир Ландау – это один и тот же мир, хотя, конечно, и в разной степени изученный.

Вызов сегодняшнего дня состоит в том, что такое положение не может нас больше удовлетворять: в развитии нуждаются не только наши гносеологические представления, сколько представления онтологические. Открытый нами мир оказался не таким, каким мы его себе представляли. Совсем не таким. Он не просто гораздо больше своих исследователей – и каждого в отдельности, и всей совокупности обладателей разного рода дипломов, но и значительно сложнее наших возможностей познавать его. Мы же с нашим понятийным аппаратом оказываемся неспособными даже сформулировать стоящие перед нами проблемы, не говоря уж о том, чтобы их исследовать.

Для того чтобы поставить новые вопросы, нам приходится заимствовать понятийный аппарат религий, "одалживать" такие конструкты, как "Бог", "карма", "судьба" и т.п.. Одолжив же их, нам приходится возвращаться к вопросам, давно отвергнутым и наукой и философией науки как ненаучным. Центральным из этих вопросов является вопрос о существовании Бога.

Для психологии этот вопрос и вопросы от него производные оказываются просто центральными. Без их понимания мы не можем сколько-нибудь адекватно представить себе наш предмет. С другой стороны, именно психология сегодня открывает возможность изучения этого вопроса не только умозрительно, но и эмпирически: доступный нам микрокосм может отражать достаточно большую часть макрокосма, чтобы мы могли получить представления о Мировом, гораздо более глубокие, чем имевшиеся, например, у того же Декарта.

Но перед тем, как говорить о том, каким образом именно психология открывает реальность того, что авраамические религии называют словом "Бог", я хочу предложить вам заняться именно умозрительным анализом нашей познавательной и шире – жизненной – ситуации: предварить психологический анализ логическим. Этот анализ можно было бы считать логическим доказательством реальности Бога, если бы речь не шла скорее о раскрытии самого этого понятия: прояснении, какую именно реальность авраамические религии называют словом "Бог".

1. Онтология: совмещение ракурсов

Мир представляет собой гигантскую (в сравнении с человеком) систему. В зависимости от того, с каком ракурсе мы эту систему рассматриваем, мы видим ее или как гигантскую вещь (так традиционно видят мир философы), либо как гигантскую идею (такое виденье характерно для ученых, стремящихся познать эту Идею в той или иной ее частности), либо как гигантский процесс – как жизнь мира, или как Мировое Существо.

Что я имею в виду, говоря о мировой идее? Совокупность тех отношений, которые связывают мириады частей мира между собой. Мир не случайное нагромождение, не хаос составляющих его частей, а весьма стройная система, реализующая определенную идею, или, если хотите, замысел. Если посмотреть на эту идею под другим углом зрения – как на жизнь гигантского существа, то мы приоткрываем завесу и можем видеть, что религии именуют словом "Бог" – огромное, живое существо Мир. Идя дальше, изучая характер этого огромного существа, мы способны обнаружить у него все свойства, про которые говорят религии, и многие другие, про которые религии молчат. (Хотя, конечно, открытые нами свойства и атрибуты окажутся не вполне такими, какими их представляют верующие.)

Но на какое-то время для нас может быть полезней другой ракурс. И Идею Мира, и составляющие ее части – идеи частей мира – можно видеть как своего рода системы управления: и управления миром, и управления частями мира. Проведя же еще одно заимствование у религии, мы можем назвать такие системы управления "душами" – тем, что оживляет вещь, дает ей бытие, превращает вещь в процесс, в жизнь.

Если мы введем следующее понятие – сложность, определив его как разнообразие элементов и связей некоторой системы разных вещей (они же идеи, они же существа, в зависимости от ракурса, в котором мы их рассматриваем, то есть, фактически, триады "вещи-идеи-существа"), то мы сможем видеть мир как иерархию, в которой более сложные триады распадаются на составляющие их триады, или (в другом ракурсе, как идеи) раскрываются, реализуются составляющими их триадами.

Здесь же мы видим и разную сложность систем управления триадами, или их "душ". Эту восходящую сложность мы хорошо знаем для искусственных, сравнительно простых объектов, сделанных руками человека, и объектов естественных, нерукотворных: для разных по сложности систем, составляющих предметы физики, химии, биологии: чем сложнее система, тем сложнее ее идея, ее "система управления", ее душа: душа человека сложнее души муравья, а душа муравья сложнее души камня...

Чтобы завершить мой экскурс в онтологию, нужно отметить, что жизнь любой триады протекает через две фазы – воплощение, реализация идеи и ее восхождение, осмысление. И реализуется этот жизненный цикл через воплощения-осмысления составных частей триады. Человек и человечество в целом как раз и являются такими составными частями более крупных вещей мира. Саму же жизнь мира можно представить как своего рода круговорот: разворачивание и сворачивание идеи мира. Этот момент, впрочем, давно был осознан индийскими философами.

Человек сравнительно очень небольшая по физическим размерам и сложности вещь. В другом, функциональном ракурсе человек – очень небольшой преобразователь – реализатор и осмыслитель – идей, работающий в своей зоне мира: на планете Земля с идеями определенного масштаба, или, точнее, определенной сложности.

Таким образом, наше место в мире не такое значительное, как хотелось бы нашему эгоцентризму. Отсюда и необходимость соизмерения наших амбиций как коллективной познающей и преобразующей нашу часть мира системы с нашими возможностями. И не только с возможностями, но и с "амбициями" больших систем, частью которых мы являемся. Мы ограничены в познании, как ограничен, например, муравей, решивший познать человека. Но и в своем преобразовательском раже мы ограничены не меньше: мы можем преобразовать только то, что намерена преобразовать та же самая большая система. Это относится ко всем манящим нас преобразованиям: от физических до психических и социальных.

2. Следствия для психологии

Что означает сказанное в контексте философии психологии? Несколько очень важных вещей.

Первая: психика хотя является весьма сложной системой управления (или душой), далеко не самая сложная система управления (душа) мира. Подобно тому, как психические феномены вырастают над биологическими, над психическими феноменами существуют иные, более сложные, надпсихические, которые можно назвать также "духовными".

Второе. Сама по себе психика многослойна и состоит из явлений разного уровня сложности. Некоторые из этих уровней отчетливо рефлексированы психологами (такие, как нейрофизиологический, когнитивный, личностный), другие же почти не рефлексированы. Стратификация предмета психологии является более чем актуальной задачей. Не решив ее, мы продолжим изучать феномены, запретив себе думать об их причинах.

Третье. Важнейшим и с теоретической, и с прикладной точки зрения атрибутом психики является развитие. Вся жизнь психики – это развитие, и только в таком контексте развивающейся системы психика может быть хоть сколько-нибудь глубоко понята.

Четвертое. Жизнь психики детерминирована не только и не столько влиянием систем, менее сложных, чем сама психика (например, физиологическими процессами мозга), или соизмеримых по уровню сложности (например, культурные влияния), сколько влиянием систем более сложных и для научной психологии на сегодняшний день практически невидимых.

Пятое. Сегодня ученые психологи крайне неохотно говорят о таких феноменах, как вдохновение, интуиция, совесть, "Я", духовность, религиозное чувство, талант (и даже способности) – обо всем том, чем высший мир (более сложные системы, частью которых мы являемся) манифестирует себя в сознании, но что не умещается в наше представления о мире и для чего мы не имеем инструментов познания. Но это положение, естественно, преходяще. Стратификация предмета психологии по уровню сложности изучаемых феноменов быстро приводит к пониманию необходимости выделить отдельную область «высшей психологии» – феноменов, где психическое встречается с более сложным и в то же время по отношению к психике «материнским» уровнем строения мировой души – «надпсихическим», или «духовным».

Наиболее прозорливые из классиков психологии, такие как Джеймс, Ассаджиоли и особенно Юнг, давно начали разработку этих тем, но и сегодня они остаются для научного сообщества во многом маргинальными. Вместе с тем, даже самый беглый взгляд на неосознанное психическое позволяет выделить в нем нижние, подсознательные уровни и уровни высшие, надсознательные. Причем, в составе последних мы видим детерминанты, которые влияют на жизнь осознаваемой части психики, не менее сильно, чем, например, подсознательные комплексы – следы неосознанных психотравм. Однако в понятийном аппарате современной психологии нет даже устоявшихся категорий для называния, не говоря уж о работе с этими детерминантами. Психологи постоянно поднимаются к этим уровням и постоянно вынуждены бежать от них вниз, где они могут опереться на развернутые когнитивные схемы и апробированную методологию.

Шестое. С прикладной точки зрения, особенно важное место среди надсознательного психического занимают «психические вещи», разделяемые всеми членами таких больших групп, как этносы, народы или сверхнароды. Эти «вещи» образуют коллективную психику, или коллективную душу таких больших групп. Изучая состав таких коллективных душ, мы можем обнаружить в них помимо общих стилевых особенностей групповой жизнедеятельности,

психическую манифестацию таких на сегодняшний день совсем ненаучных, но от того не менее реальных феноменов, как «судьба народа» и даже «миссия народа». Нет нужды говорить, насколько изучение этих феноменов важно в контексте формирования коллективного самосознания.

ФИЛОСОФСКИЕ, ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ

Игорь Николаевич Карицкий

*Кандидат психологических наук, главный специалист информационно-
технического отдела,*

Московский институт психоанализа

E-mail: ignikkar@mail.ru

Один из важнейших трендов современного общества – психологизация, которая проявляется, прежде всего, в нарастающем распространении психологических практик. Структура практики представлена вертикальными, горизонтальными, временными и другими «измерениями». Вертикальное «измерение» практики представляет собой систему психопрактических оснований. Важнейшие из них: философские, теоретические и методологические. Содержание этих оснований определяет направленность психологических практик как актуализирующих личность или манипулирующих ею, гуманистических или технократических, расширяющих или сужающих сознание, возвышающих или примитивизирующих, духовных или материальных, просоциальных или асоциальных, освобождающих или закрепощающих и т.п., что, в конечном счете, определяет будущее общества. Социальная практика во всех ее проявлениях становится важнейшим трендом современной психологии.

Ключевые слова: психологизация, психологическая практика, «измерения» практики, основания философские, теоретические, методологические, общество.

PHILOSOPHICAL, THEORETICAL AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF PSYCHOLOGICAL PRACTICE

Igor N. Karitsky

Candidate of Psychological Sciences, chief specialist of Information Technology Department, Moscow

Institute of Psychoanalysis

E-mail: ignikkar@mail.ru

One of the most important trends of modern society is psychologization, which manifests itself, first of all, in the growing spread of psychological practices. The structure of practice is represented by vertical, horizontal, temporal and other "dimensions". A vertical "dimension" of practice is a system of psycho-practical foundations. The most important of them: philosophical, theoretical and methodological. The content of these foundations determines the direction of psychological practices as actualizing the personality or manipulating it, humanistic or technocratic, expanding or narrowing the consciousness, exalting or primitivizing, spiritual or material, prosocial or antisocial, liberating or enslaving, etc., that, finally, determines the future of society. The social practice in all its manifestations becomes the most important trend of modern psychology.

Keywords: psychologization, psychological practice, "dimensions" of practice, philosophical foundations, theoretical, methodological, society.

Среди многообразия трактовок современного общества существует его понимание как психологического общества [Gross, 1978]. Ряд авторов указывают, что XX век дал беспрецедентный рост психологии в западных странах, результатом чего стало появление «психологического общества» как продукта взаимодействия между индивидуализацией,

социальным управлением и растущим влиянием психологии во всех сферах социума [Лихи, 2003; Сироткина, Смит, 2008].

Среди критериев психологического общества важнейшим является рост и распространение психологических практик. Психологическая практика – это вид социальной практики, направленной на изменение содержания психики, личности или психологических отношений группы людей. В структуре психологической практики (психопрактики) существенными являются «измерения» вертикальное, горизонтальное и временное (имеются и другие). Вертикальное измерение представлено психопрактическими основаниями: мотивационными, концептуальными (в том числе философскими, теоретическими и иными), реляционными, методологическими, практическими, орудийными, действенными и феноменальными. Каждый уровень оснований имеет свою структуру. Горизонтальное измерение представлено психопрактическими аспектами, среди них выделяются аспекты высшего уровня деятельности, деятельностнообразующие, дополнительные, каждая из этих групп имеет свой специфический список аспектов, соотносимых с целями и задачами практик. Для психопрактики существенны деятельностнообразующие аспекты, поскольку они формируют основные виды конструктивных и деструктивных практик, и дополнительные. Основными конструктивными психопрактиками являются саморегуляция, профилактика, поддерживающий тренинг, консультирование, терапия, тренинг развития. Временное измерение психопрактики представлено системной, личностной и групповой динамикой [Карицкий, 2002; 2015].

Каждое из оснований психологической практики играет существенную роль в ее осуществлении. В то же время есть группа оснований, которые определяющим образом детерминируют ее основную направленность как гуманистическую или негуманистическую, духовную или материальную, ориентированную на высшие или низшие ценности, смыслы, цели, актуализирующую личностный потенциал или манипулирующую в интересах действующего актора, предлагающую свободный выбор или директивную, поддерживающую личность в трудной ситуации или игнорирующую ее актуальные потребности, укрепляющую в силе или провоцирующую к слабости, раскрывающую или подавляющую личность и т.п. Это, прежде всего, философские, концептуальные (в частности, теоретические) и методологические основания.

Концептуальные основания психологической практики представлены совокупностью представлений о структуре и содержании психики и личности, механизмах и закономерностях психического функционирования, психических свойствах, функциях, особенностях развития личности и группы и т.п. Каждый психологический подход предлагает свою совокупность утверждений и базируется на определенных философских предпосылках. В рамках практик, основанных на научном базисе, концептуальные основания по преимуществу представлены обоснованными, верифицированными и развитыми теоретическими положениями. Внеаучное содержание психопрактик часто включает в себя слабо обоснованные утверждения, апеллирующие к здравому смыслу и сфере ценностей. В структуре концептуальных оснований выделяются основания: философские, общенаучные, конкретно-научные, средних теорий (несколько уровней) и конкретных теорий. Методологические основания представлены способами достижения целей и решения задач психопрактик [Карицкий, 2002; 2015].

Ф.Е.Василук [2003, с.21-55] исследует вопрос о психотерапевтических упованиях в XIX–XX вв., которые показывают философские, теоретические и методологические основания ведущих психотерапевтических школ. Так, гипнотерапия опирается на внушаемость и директивность; в психоанализе ведущей техникой является осознание; психодрамой движет спонтанность и свободное проявление внутренних творческих сил; гуманистическая психотерапия выдвигает на первый план ценность человека и его переживаний; коммуникативная парадигма психотерапии поставила во главу угла межличностный и внутриличностный диалог; новые и более продуктивные психотерапии, по Ф.Е.Василуку, основаны на творчестве и молитве.

К ресурсным возможностям личности в ситуации шока от социокультурной неопределенности, деструктивности и манипулятивности, характерной для современности, обращается Е.Т.Соколова [2015]. В.Ф.Петренко [2013] рассматривает психопрактики в ключе расширения сознания, раскрытия его духовных горизонтов и трансперсонального преобразования личности. Г.В.Акопов [2017] видит определенный позитивный психопрактический потенциал в состоянии созерцания. Для В.А.Мазилова [2016] развитие

психологической практики неотделимо от коммуникации и интеграции практической и академической психологии. А.Г.Асмолов и М.С.Гусельцева [2016] полагают, что главной практикой психологии должны становиться гуманистические социальные изменения: психологи рассматриваются как мотиваторы социальных изменений, конструирующие новые личностные и социальные миры.

Как видно, всякая психологическая практика неотделима от определенного видения реальности: на уровне самых общих философских концепций и принципов, или на более частном уровне природы человека и его интенций, или уровне методов психопрактической работы, допустимого и недопустимого при воздействии на человека, а также и в других отношениях. Человек, реализующий свой глубинный потенциал, может рассматриваться как высшая ценность, а может браться только как средство. Социальная реальность может разворачиваться как многообразие человеческих миров, а может как тотальное единообразие системы. Психопрактика может строиться как сотрудничество и сопереживание двух личностей в ситуации духовного раскрытия, а может выстраиваться как директивная и безапелляционная система указаний психолога-эксперта наивному клиенту. Таким образом, философские, теоретические и методологические основания психологических практик существенным образом определяют их основную направленность, и она критическим образом делит практики на гуманистические и негуманистические, тем самым конституируя не только способы разрешения личностных проблем, но и выстраивая социальные перспективы свободы и несвободы.

Литература

1. Акопов Г.В. Созерцание в системе смысловых образований сознания // Научные труды Самарской Духовной семинарии. Самара, 2017. С.87-97.
2. Асмолов А.Г., Гусельцева М.С. Психология как ремесло социальных изменений: технологии гуманизации и дегуманизации в обществе // Мир психологии. 2016. №4 (88). С.14-28.
3. Василюк Ф.Е. Методологический анализ в психологии. М.: МГППУ; Смысл, 2003.
4. Карицкий И.Н. Теоретико-методологическое исследование социально-психологических практик. М.; Челябинск: Социум, 2002.
5. Карицкий И.Н. Субъектно заданная модель психологической практики // Вестник Университета российской академии образования. 2015. №3. С.70-80.
6. Лихи Т. История современной психологии. М.; СПб.: Питер, 2003.
7. Мазилев В.А. Коммуникативная методология и интеграция психологического знания // Ярославский педагогический вестник. 2016. №3. С.181-191.
8. Петренко В.Ф. Психопрактики как средства расширения сознания // Глобальное будущее-2045. Антропологический кризис. Конвергентные технологии. Трансгуманистические проекты. Мат-лы конф. Белгород, 2013.
9. Сироткина И.Е., Смит Р. «Психологическое общество» и социально-политические перемены в России // Методология и история психологии. 2008. Вып. 3. С.73-90.
10. Соколова Е.Т. Шок от столкновения с социокультурной неопределенностью: клинический взгляд // Психологические исследования. 2015. №8.
11. Gross M. The Psychological Society. NY, 1978.

ИНТЕГРАЦИЯ VS ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ГРУППОВЫХ ИДЕОЛОГИЙ В ОТСУТСТВИИ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНСЕНСУСА (ИТОГИ КОМПЛЕКСНОГО АНАЛИЗА СОЦИАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ)¹⁷

Екатерина Валерьевна Бакишутова

Доктор философских наук, заведующий кафедрой психологии и педагогики

Самарского государственного технического университета

E-mail: bakshutka@gmail.com

¹⁷ Материал подготовлен при поддержке РФФИ. Проект № 18-013-00171 «Скриптоимплантация информационных инструментов в социальные сети для превенции деструктивных информационно-психологических воздействий».

Татьяна Константиновна Рулина

*Кандидат педагогических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии
Самарский государственный социально-педагогический университет
E-mail: tatrul@yandex.ru*

В статье утверждается, что возрастание порогов когнитивной сложности социального сознания общества меняет степень категориальной и ценностной расчлененности (осознанности), а значит, перестраивает и субъективность значений действительности, их структуру, групповой генезис обобщенных схем познания и их системообразующих принципов, активизируя тем самым ирреальность реальности как «подкладку» неопределенности и вероятности изменений семиозиса психологии групп и групповой идеологии. Когнитивная сложность групповой идеологии активируется и мобилизуется в условиях когнитивного кризиса группы: идеология подвергается энтропии категорий, становится неустойчивой, способной к радикальным изменениям. Стремление группы к идеологической целостности сохраняется, несмотря на идеологическое разнообразие, что позволяет когнитивной суперсистеме контролировать характеристики устойчивости и энтропии идеологических систем.

Ключевые слова: социальное сознание, групповая идеология, интегративный концептивизм, социально-психологическое моделирование.

INTEGRATION VS DIFFERENTIATION OF GROUP IDEOLOGIES IN THE ABSENCE OF A PUBLIC CONSENSUS (THE RESULTS OF A COMPREHENSIVE ANALYSIS OF SOCIAL CONSCIOUSNESS)

Ekaterina V. Bakshutova

*Doctor of philosophical sciences, head of the Department of Psychology and Pedagogy
Samara State Technical University
E-mail: bakshutka@gmail.com*

Tatiana K. Rulina

*Candidate of pedagogical sciences, docent of Department of General and Social Psychology
Samara State University of Social Sciences and Education
E-mail: tatrul@yandex.ru*

The article states that the increase in the thresholds of the cognitive complexity of the social consciousness of society changes the degree of categorical and value division (awareness), and therefore reorganizes both the subjectivity of the values of reality, their structure, the group genesis of generalized cognitive schemes and their system-forming principles, thus activating the reality's unreality as a «lining» of uncertainty and the probability of changes in the semiosis of group psychology and group ideology. The cognitive complexity of group ideology is activated and mobilized in the context of the group's cognitive crisis: ideology undergoes category entropy, becomes situational, unstable and capable of radical changes. The group's desire for ideological integrity in the social consciousness of peoples remains, despite the ideological diversity that allows the super-system to control the characteristics of stability and entropy of ideological subsystems.

Keywords: social consciousness, group ideology, integrative conceptualism, socio-psychological modeling.

Методология деконструкции исчерпала свое предназначение. Стало очевидным, что социальная новелла конца 20-х годов XXI века состоит в том, что во всем мире и в России, в частности, не удастся «сшивать» антагонистические групповые идеологии ни обществу, ни государству. В то время как расколы идеологий, хоронящие консенсусы обществ, выстраиваемые веками (христианство/ислам, богатые/бедные, капитализм/ социализм, тоталитаризм/демократия и т. д.), приобретают радикальные формы, идеологи не овладели

новыми способами социально-психологического контроля групповых идеологий, следствием чего активизируется резкое нарастание деструктивных идеологических процессов.

Что далее? Где тот горизонт, за которым открывается пространство консенсуально-продуктивной работы с социальным сознанием общества?

Новые практики поведения разрушают или не позволяют сформироваться внутренним устойчивым структурам личности, в силу чего социальные характеры людей становятся очень пластичными. Смена морали вместе с поколениями – дело привычное, однако сейчас масштабы этого изменения слишком велики, чтобы поколение представляло собой некую идеологическую целостность. Не просто утрачиваются представления о добре и зле, о морали и аморальности, – эти представления становятся менее значимыми для личности и при этом становятся другими. Очередной кризис и дефолт идеологической концептивистики групп обнуляет нравственные достижения обществ. Устоят ли духовные основы групповой идеологии народов на этот раз? Не потеряют ли неоконцепты групп связи с сингулярными концептами?

Интегративный концептивизм, идущий на смену деконструкции, стремится обозначить весь ансамбль идеологических новообразований социального сознания, заботясь об анализе их природы, о взаимосвязях и следствиях этих взаимосвязей. И если деконструкторы погружены в частности и специфику фрагментов калейдоскопа когнитивных платформ групп, то концептивисты исследуют интегративные, симбиотические, аутопоэзисные, синергийные, синтетические стратегии группового психогенеза, укрепляя тем самым новое основание системы знания, показывая их совозможность в ряду конвергенции идеологий, каждая из которых взаимодополнительна [Бакшутова, 2015].

«Концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не “творец культурных ценностей” – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [Степанов, 2004: 42]. Каковы же интегративные принципы анализа имплицитных групповых концептов?

Полифонически-комплексная интерпретация концептуальной активности социального сознания основана на принципе изоморфизма человеческого сознания и природы (космоса), на принципе изначальной целостности и нерасчлененности группового сознания, в котором все процессы столь же культурны, сколь и природны. Подсознательная перестройка фиксированных моделей мысли в новые образцы, деклиширование мыслительных схем, индукция смысловых установок сознания всякий раз заново контурирует проблему семантико-психологического приспособления общества к реальности. Свойство быть человеком привязано к централизованно-групповой (средово-культурной) форме организации, являющейся базисом эксцентричности индивидуального человека, приобретающего инструментальный характер представления и позициональности самосознания, осуществляющего тем самым возможность полной обращенности живой системы к самой себе. Нахождение в себе и вне себя позволяет человеку переживать свои семиотизированные образы реальности, которые на проверку неотвратимо восходят к групповым моделям, схемам, категориям, семемам языка, эйдетическим гештальтам как инструментам интеграции значений коллективного опыта и его переживаний [Рулина, 2013].

В авторском опыте исследования социального сознания больших групп показано, что базисные категории групповой идеологии, достигшие критического уровня энтропии, переформируют когнитивное пространство группового сознания и создают предпосылки его семантических расколов. На основе критичных изменений категориальной системы сознания группы изменяются социальные представления, атрибутивные стереотипы и, наконец, установки и цели. С исчезновением групповой гомонимии ассоциогенеза сознание как когнитивно-эмоциональная реакция на когнитивное вторжение извне мобилизует осознательные процессы для восстановления гомеостаза – семантического единства, лежащего в основе смысловой системы группы.

Таким образом, социально-психологическая концептивистика, основанная на интеграции генеративных стратегий анализа процессов изменений и новообразований групповых и общественных идеологий, выявляет концептуальные тенденции (аксиоматические, установочно-праксические, базисно-категориальные) неотипии, выходящей за пределы групповых идеологий: религиозных, гендерных, этно-национальных, политических, профессиональных и т.д. А в целом, – в пространство социального «трансознания», которое, по определению, не может быть целерационально детерминировано (программировано) и

управляемо, что радикально актуализирует проблему продуктивности социетального генезиса групповой концептивистики, а значит, социально-психологического анализа, прогноза, проектирования и изобретательства в сфере процессов изменения социального сознания.

Идея социоментального изобретательства позволяет переходить от научного синтеза базисных категорий групп (статистики социального сознания и самосознания) к анализу их возникновения, изменения, идеологизации как сортировке, оценке, генерации знаковой информации.

Тема социально-психологического изобретательства как создания некоего принципа или приема, которые впоследствии используются в создании социальных проектов и меняют способы поведения и взаимодействия людей, восходит к общественной потребности учреждения интеллектуальных «сил быстрого реагирования», способных оперативно исследовать новые тренды и проблемы, «выходящие за границы существующих дисциплин и требующих формирования новых областей научного познания» [Эпштейн, 2016: 39].

Литература

1. Бакшутова Е.В. Групповое сознание российской интеллигенции. Самара: ПГСГА, 2015.
2. Рулина Т.К. Созерцание: история категории. Самара: ПГСГА, 2013.
3. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2004.
4. Эпштейн М.Н. От знания – к творчеству. Как гуманитарные науки могут изменять мир. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016.

СУБЪЕКТ В ФОРМАЦИЯХ ЗНАНИЯ И ВЛАСТИ: ВАРИАЦИИ КРИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ПСИХОЛОГИИ

Наталья Петровна Бусыгина

*Кандидат психологических наук, доцент кафедры индивидуальной и групповой психотерапии
Московский государственный психолого-педагогический университет
E-mail: boussyguina@yandex.ru*

В последней четверти XX века в психологии развиваются критические исследования и формируется новое направление – критическая психология, основной задачей которой является изучение отношений субъекта и власти, вскрытие психологических механизмов доминирования/подчинения. В исследованиях, базирующихся на идеях модифицированной критики идеологии, власть понимается как репрессивная сила, исследования направлены на выявление скрытых форм социальной дискриминации. В исследованиях, базирующихся на идеях М. Фуко, власть предстает производящей силой, формирующей субъектов посредством практик сигнификации и действия. Критические психологи осуществляют критику самого психологического знания, пытаются ответить на вопрос, каким образом психология оказывается встроенной в аппараты власти и связанной с регулирующими институтами и системами надзора.

Ключевые слова: критическая психология, критика идеологии, власть, М. Фуко, психологический комплекс.

SUBJECT IN THE FORMATIONS OF KNOWLEDGE AND POWER: VARIANTS OF CRITICAL RESEARCH IN PSYCHOLOGY

Natalia P. Busygina

*Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of Individual and Group Psychotherapy
Moscow State University of Psychology and Education
E-mail: boussyguina@yandex.ru*

In the last quarter of the 20th century critical psychology was institutionalized. Its main task is the study of the relationship between subject and power through uncovering the psychological mechanisms of domination/subordination. In the tradition of a

modified critique of ideology, power is repressive; the research is aimed at revealing the hidden forms of social discrimination. In the tradition of Foucauldian discourse analysis power is productive, it forms social subjects through practices of signification and action. Critical psychologists are engaged in criticizing the very psychological knowledge. Psychology is claimed to be related with social regulation institutions and surveillance systems.

Keywords: critical psychology, critique of ideology, power, M. Foucault, psychological complex.

В конце 80-х – начале 90-х гг. XX века в психологии появляется новое направление – критическая психология. Сам термин возник на рубеже 1960-70-х гг. в Германии для обозначения направления марксистски ориентированной психологии (К.Хольцкамп, У.Хольцкамп-Остеркамп, П.Кайлер и др.), которое, однако, не получило широкого развития за пределами Германии. Можно сказать, что в конце XX века критическая психология рождается заново. Сегодня немецкую критическую психологию К.Хольцкампа рассматривают как один из источников современного более широкого направления критической психологии, наряду с неомарксизмом, феминизмом, психоанализом Ж. Лакана и философией М. Фуко. Критическая психология нацелена на исследование взаимоотношений субъекта и власти, вскрытие психологических механизмов неравенства, асимметричных отношений власти и доминирования в современном обществе [Handbook of Critical Psychology, 2015]. Кроме того, задачей критической психологии является критика самого психологического знания: каким образом психология оказывается встроенной в аппараты власти и служит определенным формам доминации и подчинения?

Наиболее многочисленная группа критических исследований в психологии базируется на идеях модифицированной критики идеологии. Согласно ее сторонникам, исследование должно быть направлено на то, чтобы выявлять формы дискриминации (гендерной, расовой, сексуальной), скрытые в повседневных практиках и привычных представлениях [Wetherell, Potter, 1992].

В перспективе критики идеологии психологическое знание – это колонизация смысла некоторыми авторитетами в результате все увеличивающейся профессионализации и в соответствии с интересами определенных властных групп в обществе. Критический анализ психологических теорий позволяет увидеть, что в ряде случаев они основаны на частной точке зрения доминантных социальных групп, которая при этом подается и воспринимается в качестве универсальной рациональности. Один из когнитивных механизмов, позволяющий принимать частную точку зрения за универсальный взгляд, – ориентация на неотрефлексированный имплицитный стандарт, настолько неявный, что мы склонны действовать, как если бы он отсутствовал вообще. В процессе дискурсивного конструирования один из объектов наделяется привилегией, в то время как с другим обращаются как с низшей или негативной манифестацией первого: другая культура описывается как не наделенная характеристиками евро-американского стандарта, женщина превращается в неполноценного мужчину, гомосексуальность оценивается на основе нормативного стандарта гетеросексуальности и т.п. [Sampson, 1993].

Другая группа критических исследований в психологии основывается на позиции, представленной в работах М. Фуко, для которых характерно, в числе прочего, иное понимание власти. Если в перспективе модифицированной критики идеологии власть репрессивна по своей сути, и знание тоже встраивается в движение репрессий власти, служит ей и укрепляет производимые ею формы доминации, то у М. Фуко власть прежде всего производящая сила, формирующая субъектов посредством практик сигнификации и действия. М. Аррибас-Айллон и В. Уокердайн, развивающие методологию фукодианского анализа дискурса применительно к эмпирическим исследованиям в области психологии, подчеркивают, что М. Фуко отрицает функциональную тотальность и монолитное единство идеологии, нацеленной на осуществление функций подавления, и направляет усилия на детальное исследование того, как в рамках материальных/сигнификативных практик конституируются те или иные формы субъективности: например, анализирует, как посредством особых социальных практик формировались те, кто стал обозначаться в качестве «преступника», «гомосексуалиста», «душевнобольного», «пациента» [Arribas-Ayllon, Walkerdine, 2008].

В перспективе идей М. Фуко проблематизируется гуманистический взгляд на субъект и личность как некую сущность, центр действия и принятия решений. Субъект мыслится, скорее, в качестве позиции внутри поля, в котором действует множество сил, – как мать, жена, отец, рабочий, пациент и т.д. Это не роли, которые единый, тождественный самому себе субъект берет на себя в тех или иных обстоятельствах. В обсуждаемой методологической перспективе сам субъект есть не что иное, как следствие исторически формирующихся сил социальной регуляции. Многие авторы (И. Паркер, В. Уокердайн, В. Холлуэй и др.) обращаются к психоанализу Ж. Лакана в поисках моделей объяснения того, каким образом многообразные и противоречивые формы социального позиционирования субъекта уживаются друг с другом.

М. Фуко исследует, как режимы истины переплетаются с более широкими и общими практиками управления населением. С его точки зрения, дискурсивные формации, подобные психологии, не существуют лишь как абстрактные системы значений. Их нужно рассматривать как формы практической рациональности – дискурсивные системы, благодаря которым мир становится знаемым, чтобы быть управляемым. В логике и методологии М. Фуко Н. Роуз пишет критическую историю психологии [Rose, 1985]. Он вводит понятие психологического комплекса, под которым понимаются не только собственно психологические дисциплины, но и особый тип социального устройства – психологическое общество, в котором «люди видят свою идентичность, образ жизни, социальные связи, отношение к жизни и смерти, удовольствию и боли, поведению и характеру как психологические по природе, думая о них и описывая их в психологических категориях [Сироткина, Смит, 2008]. Н. Роуз показывает, что психология заимствует свои объекты из таких институциональных пространств, как школьные классы, больницы, предприятия, залы суда, тюрьмы. Психология оформилась в отдельную дисциплину через классификацию и систематизацию проблем индивидуального поведения, согласно тому, как они виделись изнутри аппаратов регулирования, управления, наказания и лечения. Обращаясь к этим аппаратам, психология, согласно Н. Роузу, ставит себя рядом с основными системами надзора. Ее концепции интеллекта, индивидуальности, отношений и т.п. смогли доказать собственную истинность только в той степени, в которой они могли одновременно и быть практически осуществимыми, и соответствовать требованиям, транслируемым аппаратом и властными структурами. Н. Роуз подчеркивает, что психологи не столько конструируют свой объект, реализуя некий научный тезис, сколько занимаются тем, что рационализируют уже существующую сферу опыта и делают ее поддающейся пониманию и измеряемой. Двигаясь вслед за М. Фуко, такие авторы, как Н. Роуз, В. Уокердайн показывают, что дисциплины и практики пси-, появившиеся для того, чтобы описывать проблемы, характерные для «социального тела», из авторитетной позиции истины, определили условия нашего настоящего, сформировав психологическое общество и современный тип психологического субъекта.

Литература

1. Сироткина И., Смит Р. Психологическое общество и социально-психологические перемены в России // Методология и история психологии. 2008. Том 3. Выпуск 3. С. 73-90.
2. Arribas-Ayllon M., Walkerdine V. Foucauldian discourse analysis // Handbook of Qualitative Research in Psychology / C. Willig, W. Stainton-Rogers (Eds.). London: Sage Publications, 2008. P. 91-108.
3. Handbook of Critical Psychology / I. Parker (Ed.). New York: Routledge, 2015.
4. Rose N. The Psychological Complex: Psychology, Politics and Society in England 1869–1939. London: Routledge and Kegan Paul, 1985
5. Sampson E.E. Identity Politics: Challenges to Psychology's Understanding // American Psychologist. 1993. Vol. 48. P. 1219-1230.
6. Wetherell M., Potter J. Mapping the Language of Racism: Discourse and the Legitimation of Exploitation. Hemel Hempstead: Harvester Wheatsheaf, 1999.

ОСОБЕННОСТИ ДИНАМИКИ СОВРЕМЕННОГО ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ В УСЛОВИЯХ РАЗНООБРАЗИЯ И НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Татьяна Владимировна Зеленкова

Кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и социальной педагогики

Государственный гуманитарно-технологический университет

E-mail: tzelenk@mail.ru

В докладе обсуждаются особенности состояния российского психологического знания в современных условиях многообразия и неопределенности. Показывается, что представители неклассической и постнеклассической рациональности, а также интегративизма, одновременно находятся и в оппозиции друг к другу, и ищут пути сотрудничества. Автор полагает, что российская психология находится в стадии возможного вариативного перехода от постмодернизма к пост-постмодернизму. Обозначаются направления интеграции различных областей психологии.

Ключевые слова: психология, пост-постмодернизм, интеграция.

FEATURES OF THE DYNAMICS OF MODERN PSYCHOLOGICAL KNOWLEDGE IN CONDITIONS OF DIVERSITY AND UNCERTAINTY

Tatiana V. Zelenkova

Candidate of psychological Sciences, associate Professor

of the Department of Psychology and Social Pedagogy

State University of Humanities and Technology

E-mail: tzelenk@mail.ru

The report discusses the peculiarities of Russian psychological knowledge in modern conditions of diversity and uncertainty. It is shown that representatives of nonclassical and post-non-classical rationality, as well as integrativism, are simultaneously in opposition to each other, and are looking for ways of cooperation. The author believes that Russian psychology is in the stage of a possible variable transition from postmodernism to post-postmodernism. It is described of ways integration of various areas of psychology.

Keywords: psychology, post-postmodernism, integration.

Характерной особенностью наступившего времени является ситуация сочетания резкого возрастания сложностных аспектов знания и реалий современного мира, отличающихся многообразием, неопределенностью, противоречивостью взглядов, мнений и суждений. Это создает новые контексты, требующие анализа, методологической рефлексии и активности всего психологического сообщества в определении путей развития психологии.

Методологические публикации последних десятилетий показывают, что сейчас в современной российской психологии вступают во взаимодействие друг с другом, часто находясь в оппозиции, представители неклассической, постнеклассической рациональности и интегративизма. Развернувшийся в начале 2000-х методологический дискурс коснулся самых «ядерных» для отечественной психологии вопросов: предмета психологии, психофизической и психофизиологической проблем, теории отражения и конструктивизма, соотношения естественнонаучного и гуманитарного подходов, количественных и качественных методов, национального и интернационального и других. Достаточно остро стоял вопрос, связанный с методологическим противостоянием монизма и плюрализма, хотя на самом деле, и монизм, и плюрализм - это способы получения знания, сменяющие друг друга на разных социально-культурных этапах развития, которые неизбежно проходит психология в процессе эволюции.

Этот дискурс отразил, с одной стороны, многомерность российской психологии, и с другой – четко показал некую точку бифуркации в ее развитии, состояние возможного вариативного перехода от стадии постмодернизма к пост-постмодернизму (метамодернизму), который характеризуется, прежде всего, динамикой «раскачивания» между многочисленными

полюсами модерна и постмодерна [Вермюлен, Аккер, 2014]. У такого «раскачивания» есть своя функциональная роль: оно создает поле для интеграции единства и множественности.

Плюралистические тенденции стали возникать, с одной стороны, в связи образовавшимся чувством потери опоры на нечто общее и надежное, которым являлась марксистская психология, с другой стороны – это была и дань времени. Все мировое сообщество перешло на стадию постмодернизма, характерные черты которого, отмечаемые как многоаспектность и многополярность взглядов, отсутствие единой основы и проч., стали контекстом для развития наук, культуры, искусства и всего общества в целом. Мир стал стремиться к нарастанию разнообразия, что не прошло мимо внимания психологов, и было отмечено как культурный путь эволюции [Асмолов, 2008].

Интеграция – это путь к сохранению разнообразия, но далеко не всего, а того, что обладает определенным потенциалом. В качестве «интеграторов» выдвигаются сущности разного порядка. Это и поиск «мостов» между различными парадигмами, и создание необходимого теоретического звена между психологическими практиками, и разработка психотехнологий.

Одним из наиболее часто предлагаемых путей к интеграции отечественного психологического знания является попытка выделить «главную» школу, которую предполагается развивать в качестве интегративной теории. В качестве такой системы взглядов выдвигается либо культурно-историческая теория, либо общепсихологическая теория деятельности.

В основе другого направления интеграции лежит поиск путей конвергенции знания. Прежде всего, имеет место объединение таких концепций, которые, работая вместе, могут сделать перспективный вклад в исследовательском и практическом направлении. Так, для рассмотрения человека в его «психосоматическом единстве» потребовалась система взглядов школы Л.С. Выготского – А.Р. Лурии [Зинченко, Первичко, 2014]. Культурно-деятельностная психология как методология и «особое интеллектуальное движение» рассматривается в работе А.Г. Асмолова [Асмолов, 2014].

Возможность интеграции экзистенциальной психологии в академическую науку рассмотрена Д.А. Леонтьевым, который показал не только теоретические основания для такого объединения, но и проанализировал потенциальную возможность рассмотрения экзистенциальной психологии в качестве зоны ближайшего развития психологической науки [Леонтьев, 2016].

Существенный вклад в процесс движения к интегральности психологического знания сделан В.В. Знаковым [Знаков, 2014], обозначившим единство трех традиций психологических исследований, И.Н. Карицким [Карицкий, 2002], разработавшим классификационные основы психологических практик, М.С. Гусельцевой [Гусельцева, 2015], предложившей в качестве интегрирующей парадигмы культурно-аналитический подход, в русле которого становится возможным объемный тип интеграции, охватывающий эволюционные линии развития гуманитарных аспектов психологического знания во взаимосвязи с культурологическим.

Разнообразие порождает творческий поиск в ситуации неопределенности и вариативность выбора путей дальнейшего развития психологии. Вот здесь как раз и вступают в силу законы синергетики. Именно здесь начинается первичная интеграция, объединение теорий по принципу «бутстрапа», согласно которому объединяются только те объекты, которые взаимно и достаточно сильно притягиваются друг к другу, имеют общие точки соприкосновения [Зеленкова, 2009]. Плюрализм вовсе не означает полнейшей толерантности при восприятии разных теоретических позиций: перед включением той или иной теории в систему знания она должна быть критически осмыслена с точки зрения ее ценности и места в этой системе.

И если мы говорим об интеграции, то ее системность заключается в том, что более поздний этап должен включать в себя все достижения предыдущего [Уилбер, 2004]. А для этого нужен диалог, а не противостояние. Необходимость такого диалога А.Г. Асмолов называет аксиомой номер один, поскольку одной из сторон кризиса нашей науки является именно «разрыв диалога между классикой и современностью» [Асмолов, 2014].

Одним из путей преодоления подобного разрыва, на наш взгляд, можно считать общую модель интеграции психологии, предложенную Е.А. Климовым в его широко известной «гипотезе метёлок» [Климов, 1992]. В свете развития психологического знания она представляет собой описание особой формы интегративного процесса, характерного для

сложных саморазвивающихся систем современной эпохи. Как выдающийся ученый, Е.А. Климов предвосхитил появление интегративного движения, появившегося вслед за состоянием раздробленности и полипарадигмальности психологического знания.

В последнее время поиск и осмысление оснований для интеграции психологических теорий и практик становятся все более интенсивными, и их спектр охватывает уже достаточно большой диапазон, включая как простые объединения, так и сложные многомерные системы, а область интеграции начинает выходить за пределы чисто психологической науки.

Литература

1. Асмолов А.Г. Историко-эволюционная парадигма конструирования разнообразия миров: деятельность как существование // Вопросы психологии. 2008. №5. С. 3-11.
2. Асмолов А.Г. Исторический смысл кризиса культурно-деятельностной психологии // Национальный психологический журнал. 2014. №1 (13). С. 5-9.
3. Вермюлен Т., Аккер Р. Что такое метамодернизм? // Двоеочие. 2014. № 23. URL: <https://dvoetochie.wordpress.com/2014/06/19/metamodernism/>
4. Гусельцева М.С. Культурно-аналитический подход к изучению эволюции психологического знания: автореф. дис. ... д. пс. н. М., 2015.
5. Зеленкова Т.В. Прогрессивные тенденции развития психологии в контексте интеграционных процессов в современной науке // Журавлев А.Л., Марцинковская Т.Д., Юревич А.В. (ред.) Прогресс психологии: Критерии и признаки. М.: Институт психологии РАН, 2009. С. 32-62.
6. Зинченко Ю.П., Первичко Е.И. Эвристическая ценность постнеклассических моделей в психосоматике // Вопросы психологии. 2014. №1. С. 14-26.
7. Знаков В.В. Теоретические основания психологии понимания многомерного мира человека // Вопросы психологии. 2014. №4. С. 16-29.
8. Карицкий И.Н. Теоретико-методологическое исследование социально-психологических практик. М., Челябинск: Социум, 2002.
9. Климов Е.А. Гипотеза «метелок» и развитие профессии психолога // Вестник Московского ун-та. Сер. 14, Психология. 1992. № 3. С. 3-12.
10. Леонтьев Д.А. Экзистенциальный подход в современной психологии личности // Вопросы психологии. 2016. №3. С. 3-15.
11. Уилбер К. Интегральная психология. М.: АСТ, 2004.

ОБ АПОРИИ ПСИХИЧЕСКОЙ ПРИЧИННОСТИ В КЛАССИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ СОЗНАНИЯ

Станислав Петрович Сеньющенков

*Кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогики и психологии
Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина*

E-mail: ssen@inbox.ru

В сообщении анализируется проблема психической причинности в классической психологии сознания XIX – начала XX веков. Показано, что постановка этой проблемы связана со специфическим, интроспективным пониманием предмета психологии. Показано, что внедрение в психологию сознания представлений о специфической психической причинности, построенных по аналогии с физической причинностью, приводит к серьезным теоретическим трудностям.

Ключевые слова: психическая причинность, сознание, представленность (данность), «от первого лица», «от третьего лица», каузальная замкнутость.

ON APORIA OF MENTAL CAUSALITY IN THE CLASSICAL PSYCHOLOGY OF CONSCIOUSNESS

Stanislav P. Senyuschenkov

*Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor
of the Department of Pedagogy and Psychology
Kuban State Agrarian University named after I.T.Trubilin
E-mail: ssen@inbox.ru*

The report discusses the problem of mental causality in the classical psychology of consciousness of the 19th – early 20th centuries. It is shown that the problem was arisen due to the specific (introspective) approach in psychology. It is shown that applying of conception of specific mental causality based on that of physical causality causes some strong theoretical difficulties for the psychology of consciousness.

Keywords: mental causality, consciousness, presentation (givenness), “first-person”, “third-person”, causal closure.

Во второй половине XIX – начале XX века в рамках классической психологии сознания широко обсуждалась проблема психической причинности; так, вышел ряд публикаций, специально посвященных этому вопросу (обзор см. [Зеньковский, 1914]). Под психической причинностью здесь подразумевается обусловленность одного психического явления другими психическими явлениями, при этом психическое понимается как субъективные явления сознания. В первую очередь интерес авторов привлекали вопросы самой возможности и существования психической причинности, а также ее механизмов.

Чем обусловлен рост интереса к этой проблеме именно в указанный период? Кажется логичным связать его с процессами становления психологии как самостоятельной науки, как это делает, например, М. Г. Ярошевский [Петровский, Ярошевский, 1999]. Действительно, построение любой системы научного знания требует реализации принципа детерминизма, и психология не является здесь исключением. Тем более в рассматриваемый период в психологию все шире внедрялся эксперимент, метод, внутренне связанный с каузальностью. Однако сам по себе детерминизм в XIX веке не был в психологии новостью: в различных формах, в том числе и наиболее жестких, механистических, он использовался в психологических теориях еще со времен Демокрита. Кроме того, речь идет не о детерминизме вообще, а именно о психической причинности. Возможно, выделение специфически психологических форм детерминизма связано с необходимостью отделения психологии от философии и физиологии, отстаивания ее самостоятельности среди других наук? И этого еще не достаточно: едва ли история науки демонстрирует закономерное выдвижение специфических типов детерминизма при становлении каждого отдельного направления науки; мы не наблюдаем дискуссий по поводу «химической», «астрономической», «геологической» и т.д. причинности. По всей видимости, ответ следует искать в особенностях именно психологии, точнее, понимания ее предмета в классической психологии сознания.

Трактовка психического, принятая в классической психологии сознания, широко известна как «интроспективная». Этот термин, так же, как его современный аналог – «от первого лица» (first-person), указывает на конституирующую особенность психического (сознания) – его представленность субъекту. В отличие от физического (материального), которое мыслится существующим «в себе», «от третьего лица» (third-person), психическое существует только «для субъекта». Это не просто одно из свойств, а само определение психического в понятийных рамках психологии сознания, которое задается также и ее методом (самонаблюдением). Подобное определение использовал, в частности, В. Вундт [Вундт, 1912], один из ведущих авторов по вопросу психической причинности, в своем определении психологии как науки о непосредственном опыте. Следует отметить, что представленность не сводится и даже с необходимостью не связана с другими характеристиками психического, такими, как нематериальность, невещественность и непространственность.

Построение системы знаний о подобном объекте действительно требовало введения особых форм детерминации (в частности, причинной), отличных от физических. Однако конкретная реализация этой задачи приобрела парадоксальный характер. Как само понятие причинности, так и представления о ее фундаментальных механизмах были исторически

выработаны на материале и для познания физического мира. Они опираются на понятия объекта, взаимодействия, силы и другие понятия «от третьего лица» и не включают в себе никаких средств для перехода к анализу «от первого лица». Психология сознания, разрабатывая специфические принципы психической причинности, вместе с тем строила их по аналогии с физической причинностью, и саму теорию сознания – по аналогии с теориями о физическом мире. Сознание, постулируемое как невещественное и непространственное, вместе с тем рассматривается как своеобразное квазипространство, в котором находятся психические квазиобъекты (представления, мысли, чувства и пр.), взаимодействующие между собой посредством «психических сил». С развитием физического учения об энергии и превращении одних ее форм в другие можно наблюдать широкое распространение идей о «психической энергии» как основе не только психической причинности, но и вообще психического как такового (обзор см. [Бехтерев, 1902]). Изначально утверждая принципиальное отличие психического от физического, психология сознания затем строит теорию психического как квазифизического, что не может не приводить к противоречиям.

Так, уже само понятие «психического объекта» многими авторами (включая В. Вундта) считалось проблематичным, в том числе из-за изменчивости, «текучести» таких «объектов». Остался совершенно не разъясненным вопрос о принципиальной возможности взаимодействия невещественных и непространственных сущностей. Понятия «психической силы» и «психической энергии», несмотря на широкое применение, так и не обрели содержательной конкретизации и тем более операционализации. Попытки выявления специфических механизмов психической причинности (как «закона возрастания психической энергии» В. Вундта) поднимают вопросы о том, в какой мере и на каких основаниях подобные связи можно считать причинными. Однако ключевыми для теоретического развития психологии сознания становятся две проблемы, на которых следует остановиться особо.

Во-первых, использование выработанной в естествознании системы понятий «от третьего лица» для описания сферы психического и следующая из него «объективизация» сознания приводит к «вынесению за скобки» проблемы представленности как основного качества психического, что далее приводит к трансформации предмета психологии. Психология сознания включает субъекта в свое психическое квазипространство как один из элементов («объектов») наряду с другими, постулирует процессы наблюдения субъектом других компонентов психического (собственно самонаблюдение) и прочие формы их взаимодействия, в том числе причинного (например, субъект может интерпретироваться как источник психических сил и энергий, инициирующий психические события). Этот дискурс происходит в терминах «от третьего лица», при этом данность субъекту психического квазипространства с его содержаниями хотя и постулируется, но является ничуть не более понятной, чем, например, данность тому же субъекту физического мира. Дальнейшее развитие эти тенденции получают сначала в широком распространении понятия «неосознаваемого» (т.е. не данного) психического, являющегося оксюмороном в системе исходных посылок психологии сознания, а затем в декларативном отказе большинства психологов от интроспективной трактовки сознания вообще.

Во-вторых, «квазифизическое» понимание сознания не дает средств разрешить и даже усугубляет традиционную картезианскую проблему соотношения психического и физического, в частности, со стороны причинности. В русле хорошо известных из истории философской психологии XVII-XVIII веков вопросов психофизического взаимодействия (его одновременных необходимости и невозможности) учение о специфической психической причинности в XIX веке порождает ряд апорий. Действительно, в рамках психофизического параллелизма цепи психических событий, разворачивающиеся по специфическим психическим законам, должны вместе с тем соответствовать (по крайней мере, не противоречить) цепям физических событий, разворачивающимся по физическим законам. В рамках же психофизического взаимодействия пришлось бы допустить порождение психической причинностью физических событий или, наоборот, физической – психических. Наконец, специфическая психическая причинность с еще большей настоятельностью, чем это уже вытекает из картезианской системы, требует принятия каузальной замкнутости психического, однако последовательная реализация этого принципа едва ли возможна (и не была осуществлена) за пределами солипсизма; он также противоречит достижениям естествознания XIX века, в частности, теории эволюции, из которой следует невозможность существования в живой природе биологически дисфункциональных образований.

Литература

1. Бехтерев В.М. Психика и жизнь. СПб.: Склад издания у К. Л. Риккера, 1902.
2. Вундт В. Очерки психологии. М.: Московское книгоиздательство, 1912.
3. Зеньковский В.В. Проблема психической причинности. К.: Типография Императорского Университета Св. Владимира, 1914.
4. Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Основы теоретической психологии. М.: Инфра-М, 1999.

УМОЗРИТЕЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ В РОССИИ В XIX ВЕКЕ

Артём Андреевич Костригин

Преподаватель кафедры психологии

Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина

E-mail: artdzen@gmail.com

В статье обсуждаются вопросы классификации направлений психологической науки в России в XIX в. Автор предлагает собственную классификацию, ставящую в основание одновременно и предмет, и метод психологии как науки. Акцентируется внимание на умозрительной психологии и ее течениях – функциональной и субстанциональной. Приводится общий список представителей умозрительной психологии. Положения умозрительной психологии обсуждаются на примере творчества и дискуссии двух крупных философов: Н.Г. Чернышевского и П.Д. Юркевича.

Ключевые слова: история психологии, умозрительная психология, классификация, метод психологии, предмет психологии, дискуссия, Чернышевский, Юркевич.

SPECULATIVE PSYCHOLOGY IN RUSSIA IN THE 19TH CENTURY

Artem Andreevich Kostigin

Lecturer of Department of Psychology

Kosygin Russian State University

E-mail: artdzen@gmail.com

The article discusses the classification of the directions of psychological science in Russia in the 19th century. The author offers his own classification, which places both the subject matter and the method of psychology at the same time. Attention is focused on speculative psychology and its currents - functional and substantive. A general list of representatives of speculative psychology is given. The positions of speculative psychology are discussed on the example of creativity and discussion of two major philosophers: N.G. Chernyshevsky and P.D. Yurkevich.

Keywords: history of psychology, speculative psychology, classification, method of psychology, subject matter of psychology, discussion, Chernyshevsky, Yurkevich.

В настоящее время осуществляются исследования в области истории российской психологии в XIX в. Это период является одним из ключевых в становлении психологической науки, на протяжении которого происходили важные теоретические и методологические дискуссии относительно предмета и метода психологии, ее места [Мазилов, Костригин, 2016] в системе науки и философии.

Современные историко-психологические периодизации и классификации направлений в психологической науке в России в XIX в. очень разнообразны. По мнению автора статьи, можно выделить две группы подходов к классификации направлений в отечественной психологии в конце XIX в.: 1) разделение психологии на «идеалистическую» и «материалистическую»; 2) религиозно-философская (идеалистическая, философская, духовно-

нравственная), эмпирическая (интроспективно-психологическая) и экспериментальная (естественно-научная, материалистическая) психология.

Оба подхода обладают главным недостатком: данные основания не всегда корректно определяют принадлежность того или иного ученого к выделяемым направлениям. Зачастую, этот вопрос связан еще и с такой историко-психологической проблемой, как определение позиций ученого не по декларируемым положениям, а по изложенным в его работах идеям. В.А. Мазиллов обозначает такое явление как проблема «неявной» методологии [Мазиллов, 2015].

Автор считает, что необходимо следующее основание для классификации направлений отечественной психологии на рубеже XIX-XX вв., а именно: подходы психологов этого времени следует разделить по методу, который доминирует в их научных исследованиях, и предмету психологии как науки. Существуют три общих метода исследований: умозрение, интроспекция и эксперимент / измерение. Соответственно, можно выделить умозрительную психологию, интроспективную психологию и экспериментальную психологию. Предмет психологической науки может быть представлен двумя «ипостасями»: психика/ душа как функция мозга и как независимая субстанция. Таким образом, авторская классификация психологических направлений выглядит следующим образом: 1) умозрительная субстанциональная психология и умозрительная функциональная психология; 2) интроспективная субстанциональная психология и интроспективная функциональная психология; 3) экспериментальная субстанциональная психология и экспериментальная функциональная психология [Костригин, Стоюхина, 2016].

В данной статье мы ставим задачей рассмотреть только умозрительную психологию. Согласно философскому словарю, умозрение - «способ постижения истины, основанный на ее непосредственном усмотрении “очами разума” или же на отвлеченных (спекулятивных) логических построениях, не связанных, как правило, с эмпирически установленными фактами наблюдения и эксперимента» [Философский словарь, 2001: 586].

Назовем некоторых представителей данного направления.

Умозрительная психология:

а) функциональная: Н.Г. Чернышевский, М.А. Антонович, П.Н. Ткачев (и др.).

б) субстанциональная: П.С. Авсенов (арх. Феофан), Антоний (Храповицкий), Н.А. Бердяев, Н.М. Боголюбов, Б.П. Вышеславцев, архимандрит Гавриил, А.И. Галич, А.К. Гиляревский, Ф.А. Голубинский, П. Загорский, Ф.Ф. Зелинский, В.В. Зеньковский, И.А. Ильин, В.Н. Карпов, А.А. Козлов, В.П. Кудрявцев-Платонов, В.И. Кутневич, П.Л. Лавров, И.И. Лапшин, П.И. Линицкий, Н.О. Лосский, О.М. Новицкий, В.В. Розанов, Ф.Ф. Сидонский, В.А. Снегирев, В.С. Соловьев, Г.Е. Струве, Е.Н. Трубецкой, С.Н. Трубецкой, С.Л. Франк, И.П. Четвериков, Л.И. Шестов (и др.).

Этот список ученых неокончательный, автор статьи лишь пытается очертить границы наиболее известных концепций российских психологов и философов XIX – начала XX вв.

Рассмотрим концепции представителей умозрительной функциональной и субстанциональной психологии на примере широко известной дискуссии между двумя крупными философами Н.Г. Чернышевским и П.Д. Юркевичем [Костригин, 2016].

Философ Н.Г. Чернышевский (1828-1889) в своих работах использует метод умозрения и придерживается позиции, что психика является функцией мозга. Человека во всех его проявлениях должны изучать естественные науки, без деления на две различные части (внешнюю и внутреннюю). «Принципом философского воззрения на человеческую жизнь со всеми ее феноменами служит выработанная естественными науками идея о единстве человеческого организма; наблюдениями физиологов, зоологов и медиков отстранена всякая мысль о дуализме человека. Философия видит в нем то, что видят медицина, физиология, химия; эти науки доказывают, что никакого дуализма в человеке не видно, а философия прибавляет, что если бы человек имел, кроме реальной своей натуры, другую натуру, то эта другая натура непременно обнаружилась бы в чем-нибудь, и так как она не обнаруживается ни в чем, так как все происходящее и проявляющееся в человеке происходит по одной реальной его натуре, то другой натуры в нем нет» [Чернышевский, 1860: 349].

В качестве примера, Чернышевский обращается к возвышенным поступкам человека, его психологическим качествам: самопожертвование, забота о других – их можно объяснить с помощью физиологии. Есть закон – человек стремится к удовлетворению своих потребностей, т.е. получению приятных ощущений. И действие – самопожертвование – на самом деле, тоже несет в себе получение приятного ощущения, т.е. оно преобразуется в эгоизм, заботу о себе.

Психолог и философ П.Д. Юркевич (1827-1874) имеет другие взгляды относительно предмета психологии. Его идеи можно отнести и к умозрительной субстанциональной, и интроспективной субстанциональной психологии. Он пользуется эмпирической психологией для самонаблюдения, для понимания внутреннего содержания душевных явлений. «Тысячи чувствований, стремлений, представлений, понятий и идей, привычек, наклонностей и страстей вынырывают на поверхность сознания неожиданно и без нашего ведома, сочетаются или пересекаются в различных отношениях, определяют нашу деятельность, наш взгляд на людей и обстоятельства, наши симпатии и антипатии, наше ежеминутное душенастроение, - и все это разнообразие явлений, из которых каждое хочет сказать нам, по-своему, что такое душа, происходит от причин и условий, изменяющихся до бесконечности» [Юркевич, 1861: 369].

Однако П.Д. Юркевич отмечает ограниченность эмпирической психологии в познании сущности души. Это он оставляет метафизике (а в нашем случае – умозрительной психологии). Он пишет: «<...> опытная психология и требует признать только <...> феноменальное, или гносеологическое, различие, по которому ее предмет, как данный во внутреннем опыте, не имеет ничего сходного и общего с предметами внешнего наблюдения. Только на этом предположении возможна точная наука о душе, т. е. о душе как определенном явлении, подлежащем нашему наблюдению. Всякий дальнейший вопрос о сущности, этого явления, вопросы о том, не сходятся ли разности материальных и душевных явлений в высшем единстве и не суть ли они простое последствие нашего ограниченного познания — поколику оно не постигает подлинной, однородной, тождественной с собою сущности вещей, - все эти вопросы принадлежат метафизике и равно не могут быть разрешены никакою частною наукою» [Юркевич, 1861: 388].

На примере дискуссии двух философов видно, что в обосновании своих положений они пользуются методом умозрения, рассуждения (еще раз оговоримся, П.Д. Юркевич использует и метод интроспекции), однако придерживаются различных позиций – функциональной и субстанциональной, соответственно.

Литература

1. Костригин А.А. О дискуссии Н.Г. Чернышевского и П.Д. Юркевича («Стены и мосты» в истории становления психологической науки в XIX в.) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2016. № 9-10. С. 57-61.
2. Костригин А.А., Стоюхина Н.Ю. Умозрительная и интроспективная психология в России в XIX – начале XX вв.: определение понятий, границы направлений // Психология и психотехника. 2016. № 9. С. 755-765.
3. Мазилев В.А. Методологические проблемы исследований в истории психологии // Ярославский педагогический вестник. 2015. Т. 2. № 1. С. 91-97.
4. Мазилев В.А., Костригин А.А. Психология в системе философского знания XIX в.: богословская традиция // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 4: Педагогика. Психология. 2016. № 3 (42). С. 97-111.
5. Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. М.: Республика, 2001.
6. Чернышевский Н.Г. Антропологический принцип в философии // Современник. 1860. № 4.
7. Юркевич П.Д. Из науки о человеческом духе // Труды Киевской духовной академии. 1861. Т. 4.
8. Юркевич П.Д. Из науки о человеческом духе // Труды Киевской духовной академии. 1861. Т. 4.

КРИТИКА С.Л. РУБИНШТЕЙНОМ КАРТЕЗИАНСКОГО ПОНИМАНИЯ СОЗНАНИЯ

Марияна Димитровна Няголова

Кандидат психологических наук, доцент

Великотырновский университет им. святых Кирилла и Мефодия

E-mail: mniagolova@yahoo.com

Доклад посвящен вкладу выдающегося российского философа и психолога С.Л. Рубинштейна в исследование картезианского понятия сознания и его роль в развитии теории общей психологии. Важность декартовской интроспективной теории, С.Л. Рубинштейн видит в провозглашении суверенных прав ума, как картезианская оппозиция схоластической философии. Свою критику значения взглядов Декарта для современной психологии, С.Л. Рубинштейн формулирует в работах «Основы психологии», «Основах общей психологии» и рукописи «Речь о Декарте».

Ключевые слова: история психологии, общая психология, методология психологии, картезианство, интроспекция, сознание.

S.L.RUBINSTEIN'S CRITIC OF THE CARTESIAN UNDERSTANDING OF CONSCIOUSNESS

Mariyana D. Nyagolova

Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor

St. Cyril and St. Methodius University of Veliko Turnovo

E-mail: mniagolova@yahoo.com

The paper is devoted to the contribution of the eminent Russian philosopher and psychologist S.L. Rubinstein for the investigation of Cartesian's conception about the consciousness and its role for the development of the general psychological theory. The importance of the Descartes's introspective theory, S.L. Rubinstein considers in the proclamation of the sovereign rights of the mind, as a Cartesian opposition to the scholastic philosophy. Own critic on the significance of the views of Descartes for the contemporary psychology, S.L. Rubinstein formulates in the works "Foundations of psychology", "Foundations of general psychology" and the manuscript "Discourse on Descartes".

Keywords: history of psychology, general psychology, methodology of psychology, Cartesianism, introspection, consciousness.

С.Л.Рубинштейн высоко ценил вклад Рене Декарта в историю психологии. В своих историко-психологических разработках, он выявил значение картезианских философско-психологических взглядов для развития психологической науки, с эпохи Нового времени до наших дней.

Цель настоящего доклада – представить анализ картезианского понимания сознания, проведенный С.Л. Рубинштейном, в «Основах психологии» [1935], «Основах общей психологии» [1940] и рукописи доклада "Discours sur Descartes" («Речь о Декарте»), хранившейся в его личном фонде Научно-исследовательского отдела рукописей Российской государственной библиотеки.

Рукопись подготовлена к выступлению С.Л. Рубинштейна на юбилейной конференции, посвященной 350 – годовщине со дня рождения Рене Декарта, которая состоялась в Париже, в 1946 году. По предварительному приглашению, он собирался поехать во Францию и принять личное участие в ней. По неизвестным нам причинам, поездка не состоялась, но рукопись сохранилась в архиве ученого, на русском и французском языке. Ее текст отражает взгляды С.Л. Рубинштейна на принципиальный смысл и значение картезианской философии и психологии. В обобщенном виде, автор оценивает современное звучание идей Декарта. Среди них, самое важное место отводит понятию сознания, в контексте общей психологической теории французского философа.

Еще в своих систематических трудах, С.Л. Рубинштейн исследует данное понятие, на фоне исторического обозрения развития психологической мысли. Подчеркивает, что именно оно, находится в центре нового подхода Декарта в изучении души. Указывает, что «из общего принципа жизни, каковым она была у Аристотеля, душа – дух – у Декарта впервые превращается в специальный принцип сознания. Декартом устанавливается господствующее во всей последующей психологии п о н я т и е с о з н а н и я, которое легло в основу психологии различных, в том числе и враждебных Декарту направлений последующих столетий» [Рубинштейн, 1935: 11].

Считает, что самый существенный смысл понятия сознания раскрывается в тексте девятого параграфа первой части «Первоначал философии»: «Сознание «включает в себя все то, что происходит в нас так, как мы сами непосредственно это в себе воспринимаем» (Принципы, ч. I, § 9).» [Рубинштейн, 1935: 11]. На основе данного определения, Декарт обосновывает психофизическую проблему, которая «стала центральной философской проблемой, а теория психофизического параллелизма сыграла значительную роль в развитии психологии» [Рубинштейн, 1935: 11].

Наряду с этим, понятие сознания легло в основе разработки метода рационализма, путем которого и познается душа, в ее качестве мыслящей субстанции. Согласно С.Л. Рубинштейну, «этим определением души и метода ее познания, Декарт закладывает основы так называемой рациональной психологии, которая оформляется в последующую эпоху, в XVIII в. (Вольф)» [Рубинштейн, 1935: 12].

В «Основах общей психологии» (1940), С.Л. Рубинштейн расширяет изучение понятия сознания, сопоставляя его с понятием рефлекса. Он ищет их взаимосвязь, отмечая, что «Декарт вводит одновременно два понятия: понятие рефлекса – с одной стороны, современное интроспективное понятие сознания – с другой. Каждое из этих понятий отражает одну из вступающих затем в антагонизм тенденций, которые сочетаются в системе Декарта [Рубинштейн, 1940: 40]».

Свою интерпретацию картезианского понятия сознания российский ученый углубляет в направлении выяснения основных функций психики (мыслящей субстанции, в целом). Обращает внимание на проявления «душевных явлений» в концепции Декарта и считает, что все они, оказываются сознательными. Одновременно с этим, они проявляются в разных формах: как переживания, восприятия, ощущения, мысли, страсти. Последние из них, отличаются этическим характером. Обобщая, он пишет: «выделив понятие сознания из более широкого понятия психического и свершив этим, дело первостепенного значения для истории философской и психологической мысли, Декарт с самого начала придал этому понятию содержание, которое сделало его узловым пунктом философского кризиса психологии XX века. Механистическая натуралистическая трактовка человеческого поведения и элементарных психофизических процессов сочетается у него с идеалистической, спиритуалистической трактовкой высших проявлений духовной жизни» [Рубинштейн, 1940: 41].

Ссылаясь, снова, на текст первой части, § 9, «Первоначал философии», С.Л. Рубинштейн заостряет внимание на интроспективный смысл понятия сознания в теории Декарта. Указывает, что, французский философ «закладывает основы интроспективного понятия сознания, как замкнутого в себе внутреннего мира, которое отражает не внешнее бытие, а самого себя» [Рубинштейн, 1940: 41].

Исследует терминологию Декарта, выражающую содержание сознания. Указывает, что «Декарт не употребляет термина «сознание»; он говорит о духе (*mens*), но определяет его как все то, что происходит в нас так, как мы сами непосредственно это в себе воспринимаем» (Принципы, ч. I, § 9) [Рубинштейн, 1940: 40]. С.Л. Рубинштейн не обосновывает свою точку зрения на обозначение понятия сознания при помощи латинского слова “*mens*”, но очевидно, что она отличается от подхода известных переводчиков произведений Декарта.

В рукописи доклада «Речь о Декарте», С.Л. Рубинштейн не ограничивает своего анализа только до «Первоначал философии», а делает свои выводы и на основе трактатов «О человеке» и «Страсти души». Его выводы на выявление значения философии рационализма для разработки предмета психологии и понимания сущности психики.

Отмечая значение картезианского понятия рефлекса, исследованием которого, открывается целая эпоха в области физиологии, а также учитывая достижения Ив.П. Павлова, С.Л. Рубинштейн подчеркивает, что Декарт становится подлинным родоначальником физиологической психологии своими теориями автоматических движений и эмоций [Rubinstein: 4-5].

Он видит самый существенный вклад французского философа в разработке понятия сознания. Оно отличается современным характером. В общеметодологическом плане, интроспективный метод, который обеспечивает очевидность познания. Мыслящая субстанция размышляет о своих собственных стадиях, о правилах своего способа действия. С.Л. Рубинштейн указывает, что согласно теории Декарта, «сознание осознает само собой, но его психология не знает бессознательного. Для Декарта, восприятие, чувство, страсть, вообще, психическое как процесс – это мысль и каждая мысль сознательная» [Rubinstein: 5].

Наряду с выявлением сильных сторон интроспективного метода, российский ученый отправляет и критику в адрес Декарта, за то, что он не в состоянии различать сознание и самосознание. Несмотря на этого, самый существенный вклад Декарта в историю науки и философии Нового времени, С.Л. Рубинштейн видит в «провозглашении суверенных прав разума» [Rubinstein: 7].

Он подчеркивает сильные и действенные стороны интроспективного метода, характеризуя самого Декарта как ученого, поддерживающего непрерывную связь научного мышления с действительностью. В связи с этим, С.Л. Рубинштейн пишет: «Декарт далеко не является кабинетным ученым. Его интересует реальная и беспокойная жизнь людей, которая служит ему источником и он щедро обращается к ней. По этой же причине, его «Страсти души», как и его письма, оказываются настолько богатыми психологическими знаниями действительно жизненным значением. Психология Декарта, с одной стороны, основывается на изучении физиологических механизмов психических процессов, а с другой – на их жизненных проявлениях в поведении людей [Rubinstein: 6]». На этом, согласно С.Л. Рубинштейну, основывается значимость картезианской психологии для современной науки.

Таким образом, он не только обосновывает преимущества интроспективного метода для развития философии и психологии Нового времени, но позволяет заметить такие важные стороны концепции Декарта как субъективность и гуманность.

Литература

1. Рубинштейн С.Л. Основы психологии. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство, 1935.
2. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Наркомпроса РСФСР, 1940.
3. Rubinstein S. Discours sur Descartes (à l'occasion de 350e anniversaire de sa naissance). Российская государственная библиотека. Фонд рукописей. Фонд 642. Сергей Леонидович Рубинштейн (1889–1960). К. №19. Ед. хр. №6. 1946. 8 с.

РОЛЬ ЯЗЫКА НАУКИ В РЕШЕНИИ НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМ ИНТЕГРАЦИИ ПСИХОЛОГИИ¹⁸

Юрий Николаевич Сленко

*Кандидат психологических наук, доцент, декан педагогического факультета
Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского
E-mail: slepko@inbox.ru*

В статье сформулирована идея о том, что в решении проблемы интеграции психологического знания важное место занимает изучение особенностей языка психологии как научной дисциплины. Выделенные В.С. Степиным в структуре языка аспекты языковых систем (синтаксический, семантический, прагматический) соотносятся с рядом проблем психологии – феноменологическими, теоретическими и др. Соотношение аспектов языка науки и проблем психологии дает возможность подойти к формулировке проблем, решение которых позволяет развивать отдельные аспекты проблемы интеграции психологического знания и психологического сообщества.

Ключевые слова: интеграция, язык науки, проблемы психологии, психологическое знание, психологическое сообщество.

¹⁸ Исследование выполнено при поддержке задания № 25.8407.2017/8.9 на выполнение проекта по теме «Методология интеграции психологии: от интеграции психологического знания к интеграции психологического сообщества».

THE ROLE OF THE LANGUAGE OF SCIENCE IN SOLVING SOME PROBLEMS OF INTEGRATION OF PSYCHOLOGY

Iurii` N. Slepko

*Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Dean of the Pedagogical Faculty
Yaroslavl State Pedagogical University named K.D.Ushinsky*

E-mail: slepko@inbox.ru

The paper formulates the idea that in the solution of the problem of integration of psychological knowledge, an important place is taken into account the peculiarities of the language of psychology as an independent scientific discipline. Analysis of the isolated V.S. Stepin in the structure of the language of science aspects of language systems (syntactic, semantic, pragmatic) correlates with a number of problems of psychology - phenomenological, theoretical, etc. The correlation of the aspects of the language of science and problems of psychology allows us to approach the formulation of problems, the solution of which makes it possible to develop separate aspects of the problem of integration of psychological knowledge and the psychological community.

Keywords: integration, language of science, problems of psychology, psychological knowledge, psychological community.

Психология, насчитывающая в своем официальном научном статусе чуть более ста лет существования, до сих пор остается достаточно молодой научной дисциплиной. Одним из явных проявлений молодости психологии является многообразие ее проблем, систематизация которых позволяет говорить о группах последних. В исследовании В.А.Мазилова [Мазилов, 2007] были выделены проблемы феноменологического характера, теоретического, методологического и историко-психологического, а также ряд других. Каждый класс выделенных проблем отражает такие актуальные для психологии вопросы, как определение границ психической реальности, способов объяснения психических явлений, понимание и трактовка предмета психологической науки, решение проблем анализа последовательного исторического развития психологического знания и др.

Актуальность выделяемых в психологии проблем порождает в качестве еще одной, не менее значимой, проблему интеграции психологии, которая может рассматриваться двусторонне. С одной стороны, выделяемые проблемы являются следствием многообразия в психологии теорий, концепций, подходов, различных планов и программ исследования психических явлений. Продуцирование значительного объема информации о различных сторонах и аспектах психических явлений приводит к тому, что интеграция в психологии должна рассматриваться прежде всего как проблема интеграции психологического знания. Помимо этого, учитывая, что носителем знания о исследуемых психических явлениях является прежде всего субъект научного знания - исследователь, важнейшим аспектом проблемы является интеграция психологического сообщества.

Ранее мы уже отмечали, что «состояние современных исследований проблемы интеграции в психологии отражает общее состояние интеграционных процессов. Оно может быть охарактеризовано как разрозненное и фрагментарное. В большинстве существующих подходов встречается существенно различающееся понимание самой интеграции, ее изучение предполагает наличие принципиально разных смыслов и аспектов интеграционных процессов» [Мазилов, Сlepко, 2017].

Таким образом, с одной стороны, интеграция в психологии как актуальная проблема обсуждается, предлагаются перспективные модели, анализируются причины дезинтеграционных процессов и их преодоление. С другой, на уровне конкретных исследований теоретического, эмпирического, экспериментального характера по-прежнему преобладают обратные интеграции процессы. Одним из важных, на наш взгляд, средств преодоления дезинтеграционных процессов в современной психологии является постановка проблемы языка науки. Актуальность последней определяется рядом моментов.

Язык науки занимает особое место в “производстве” психологического знания. В Энциклопедии эпистемологии и философии науки под языком науки понимаются «особые языковые системы, посредством которых исследователи организуют производимые ими знания и транслируют получаемую информацию в профессиональной среде» [Гусев, 2009: 1197].

Важно отметить, что используемые языковые системы не являются пассивными образованиями по той причине, что «сама структура и тип языковых выражений, применяемых в различных областях научного исследования, существенным образом определяет не только характер производимых знаний, но и направленность поисковой деятельности, результатом которой данные знания оказываются» [Гусев, 2009: 1197]. Важность данного дополнения к определению языка науки требует пояснения.

По мнению В.С. Степина, анализ языка науки может производиться в трех его аспектах - синтаксическом, семантическом и прагматическом [Степин, 2003]. Каждый аспект языковых систем задает свою специфику производимым знаниям и особым образом направляет поисковую активность исследователя: синтаксический предполагает оперирование специальными знаками, характерными для той или иной научной дисциплины; семантический предполагает нахождение идеальных объектов и их связей, которые образуют непосредственный смысл терминов и высказываний языка; содержание прагматического аспекта состоит в соотношении языковых выражений с непосредственной практической деятельностью, с социальным взаимодействием в тех или иных общественных условиях.

Не вдаваясь в более подробные пояснения относительно характеристик каждого аспекта языка науки, отметим важную, на наш взгляд, особенность современной психологической науки. Содержание упомянутых выше видов проблем психологии теснейшим образом связано с содержанием каждого аспекта языка психологической науки. Так, феноменологические и методологические проблемы являются следствием семантических трудностей понимания границ психических явлений; теоретические - частичным следствием синтаксических трудностей и т.д. Конечно, границы здесь настолько условны, насколько условно очерчивание строгих границ между разными аспектами языка науки. Важно, что неопределенности в содержании языковых выражений, смысловая множественность при их использовании затрудняют не только интеграцию психологического знания, но и коммуникацию между самими субъектами этого знания - психологами.

Говоря о причинах слабых интеграционных процессов в психологии, В.А. Мазиллов отмечает в качестве одной из них «наличие не вполне адекватных установок в отношении понимания механизмов, технологии и средств интеграции у психологов исследователей» [Мазиллов, Слепко, 2017]. Выделение таких установок представляет собой отдельный предмет психологического исследования, носящий как объективно, так и субъективно ориентированный характер. Между тем, в качестве примера одной из таких установок можно привести недостаточное обращение внимания на рассматриваемую в данной работе проблему языка психологической науки. В изданных в последние годы академических работах, посвященных методологии психологической науки [см., например, Корнилова Т.В., Смирнов С.Д., 2011; Василюк Ф.Е., 2003; Лубовский Д.В., 2007 и др.] проблема языка психологии не нашла своего отдельного места. Специальных разделов, посвященных языку психологии, в этих работах нет; обсуждаются отдельные стороны, аспекты проблемы, анализируются те или иные подходы, в которых язык науки был предметом исследования. На наш взгляд, который безусловно требует дополнительной проверки, в психологии проблема языка науки либо пока не нашла своего места, либо считается неактуальной и решенной. По всей видимости, считается вполне достаточным оперирование языковыми системами других наук (прежде всего естественных - математика, биология, физика и др.). Между тем, психология начала превращаться в самостоятельную научную дисциплину в конце XIX века, выделившись из физиологии и философии. Ввиду этого язык естественных наук не должен рассматриваться как единственно возможный в психологии.

Безусловно, помимо данной проблемы, в психологии много достаточно давно выделенных и разрабатываемых проблем предмета, метода, объяснения и мн.др. Каждая из них крайне важна для развития психологии как самостоятельной и фундаментальной научной дисциплины. Между тем, не достаточное обращение внимания на проблему языка психологической науки явно затрудняет реализацию процессов интеграции не только психологического знания, но и психологического сообщества.

Литература

1. Гусев С.С. Язык науки // Энциклопедия эпистемологии и философии науки / под ред. В.С. Степина. М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2009. С. 1197-1198.

2. Мазилов В.А. Методология психологии. Ярославль: ЯГПУ, 2007.
3. Мазилов В.А., Слепко Ю.Н. Интеграция в психологии // ЧФ: Социальный психолог. 2017. № 1 (33). С. 67-68.
4. Степин В.С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2003.

ФИЛОСОФСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ БОГОСЛОВА Н.М. БОГОЛЮБОВА

Наталья Юрьевна Стояхина

*Кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии управления
Нижегородский государственный университет им. Н.И.Лобачевского
E-mail: Natast0@rambler.ru*

Данная статья вводит в историко-психологическую науку имя забытого богослова и психолога Н.М. Боголюбова, в начале XX в. бывшего заметным представителем религиозно-философского направления отечественной (русской) психологии, служившего на благо украинского и русского народов. Родившийся в Нижегородской губернии в семье священника, он закончил Московскую духовную академию, где стал заниматься научным творчеством. Множество статей и главный труд его жизни – «Философия религии» был посвящены, по сути, одному: попытке понять место религии в жизни человека. Жизнь О. Николая закончилась трагично, как у многих его современников-священников: он был арестован в конце 1920-х гг., провел несколько лет в заключении, был освобожден глубоко больным человеком, вскоре умер.

Ключевые слова: философия, богословие, психология, Нижний Новгород, Украина, литературно-психологические портреты, философия религии.

PHILOSOPHICAL PSYCHOLOGY OF THEOLOGIST N.M. BOGOLYUBOV

Natalia Yu. Stoyukhina

*Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor
of the Department of Management Psychology
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
E-mail: Natast0@rambler.ru*

This article introduces the name of the forgotten theologian and psychologist N.M. Bogolyubov into historical-psychological science. Born in the family of a priest, he graduated from the Moscow Theological Academy, where he began to engage in scientific creativity. The main work of his life – «Philosophy of Religion» was devoted, in fact, to one: an attempt to understand the place of religion in human life. The life of Father Nikolai ended tragically, like many of his contemporaries-priests: he was arrested in the late 1920s, spent several years in prison, was released as deeply ill person and soon died.

Keywords: philosophy, theology, psychology, Nizhny Novgorod, Ukraine, literary and psychological portraits, the philosophy of religion.

В настоящее время историками науки замечен живой интерес к прошлому, все больше публикаций, открывающих неизвестные факты и имена, появляется в печати. Задачей данной публикации является «открытие» почти забытого имени – ученого-богослова и психолога [Костригин, Стояхина, 2016].

Николай Михайлович Боголюбов (1872-1934) родился в Нижегородской губернии в семье священника. После окончания Лысковского духовного училища, Нижегородской семинарии и Московской Духовной Академии (МДА), он получил степень кандидата богословия в 1896 г. При поступлении в МДА он написал сочинение по предмету «Введения в богословие», признанное комиссией лучшим, подчеркнув, что познание Бога и проверка евангельских истин по методу ничем не отличается от всякого другого познания, но происходит на почве нравственного опыта. Его учителем был епископ Антоний Храповицкий, позже – митрополит.

Будучи преподавателем Нижегородского епархиального училища, Н.М. Боголюбов предоставляет свою работу «Православно-христианское учение о Боге, как творце и Промыслителе мира. Опыт выяснения логического взаимодействия систем теизма и пантеизма» на соискание степени магистра богословия. Автор установил понятие пантеизма, его видах и подвидах и получил высокую оценку профессоров МДА Алексея Введенского и Сергея Глаголева.

Боголюбов преподавал в Нижегородском женском епархиальном училище, в Нижегородской семинарии, с 1906 г. был редактором «Нижегородского церковно-общественного вестника», где опубликовал некоторые статьи («Творение и искупление», «Современный индивидуализм и “интеллигентное мещанство”»). Особо остро психологизм работ Николая Михайловича виден в литературно-психологических портретах А.С. Хомякова, Н.В. Гоголя, Иисуса Христа. Осенью 1909 г. Н.М. Боголюбов был посвящен в сан священника и стал законоучителем Историко-филологического института кн. Безбородко в Нежине.

Его статьи интересны и разноплановы: в статьях «Марксизм и наука», «Новый социализм, его теория и практика» освещены вопросы социальной психологии, методологии науки. Попытка ввести в социологию методы и принципы естественных наук завершится, по мнению автора, «разрушением понятия о науке, как о системе всеобщих и необходимых истин, и низведением науки на степень положений, требуемых ограниченным индивидуумом с тем, чтобы иметь возможность посмотреть на себя, как на носителя общечеловеческого, нормального сознания» [Боголюбов, 1912а: 25]. В марксистской науке «разумное сознание» является синонимом «пролетарского сознания». «Если удалить на момент из этой науки пролетария, поставив на его месте вообще человека, ложность ее тотчас вскрыется ясно, поэтому, чтобы принять марксистскую науку, надобно наперед уверовать в миссию пролетариата. Марксизм таким образом вполне походит на религиозное учение». Адепт любого религиозного учения отвергает другие, говоря о своем, как единственно истинном, а мы, чтобы принять его учение, должны заведомо поверить в его мистическую миссию. «Своеобразная мистика лежит в основе и марксистской науки» [там же: 26]. Статья «Новый социализм, его теория и практика» была задумана автором в продолжение предыдущей статьи. Боголюбов, споря с утверждением Энгельса, говорит, что «религия и наука – вот два фактора культурного развития человечества» [Боголюбов, 1912б: 203], именно в них утверждается самостоятельное значение сознательной деятельности человека. Человек, пишет Н.М. Боголюбов, «на ступени животного не остается; он стремится стать выше природных условий существования, непосредственную зависимость от природы заменить зависимостью посредственной, разумной, зависимостью от себе подобных» [там же]. Культурное развитие человека происходит при сознательной его деятельности, которая, «удовлетворяя голод и жажду, в то же время расширяет область разумного начала, выставляя его как главное и существенное» [там же: 204]. Удивительно, что для современного читателя статья Н.М. Боголюбова 1912 года читается как спор со ставшей популярной во второй половине XX в. теорией А. Маслоу, который рассматривал мотивы человеческих поступков в виде иерархической конструкции (на нижней ступени находятся чисто физиологические потребности, а выше располагаются социальные и духовные потребности).

Психологические мысли Боголюбова отражали идеи, свойственные отечественному духовному направлению в психологии: рассмотрение внутреннего мира человека через выявление того, как душевное переживание дано самому человеку, его «Я»; признание души как сферы внутренней реальности; признание психического мира человека как самостоятельной сущности, живущей по своим законам, не соотносимым с законами материального мира; утверждение того, что вера возможна в качестве действительного познания.

В 1913 г. его перевели в Киев на должность профессора богословия Университета св. Владимира, одновременно назначив настоятелем университетской церкви. За книгу «Философию религии» (1915 г.) Боголюбов удостоен степени доктора богословия.

Предмет исследования философии религии Н.М. Боголюбов определяет как религию в целом [Боголюбов, 1915: 29], и представляет два направления философии религии – атеистическое, отрицающее реальность исследуемого объекта, и эволюционно-пантеистическое, отрицающее правильность и полноту отражения религиозной истины в исторических религиях. Оба эти направления автор находит ненаучными, т.к. научная задача подменяется непосильной задачей религиозного творчества.

Место философии религии среди других наук он видит как особое: «ни психология, ни сравнительное языкознание, ни антропология, ни социология не в состоянии осветить вполне природы религиозного сознания» [там же], т.к., по мнению Н.М. Боголюбова, они вспомогательные, и руководясь только опытным методом, могут лишь отметить те или другие религиозные факты и установить между ними причинную связь. «Между тем, философия религии стремится постигнуть смысл религии и определить ее значение в человеческой жизни». Философию религии он делит на историческую часть и онтологическую и предлагает классификацию религий: натуралистические, где связь человека с божеством – чисто природная, естественная, до-сознательная и необходимая; супранатуралистические, где связь с Богом – разумно-сознательная, свободная. К супранатуралистическим религиям автор относит ветхозаветную религию и христианство, к натуралистическим – все остальные.

Н.М. Боголюбов был членом поместного Собора Русской Православной Церкви в 1917 г., участвовал в работе особого Отдела, рассматривавшего вопросы о преподавании закона Божия в школах. В 1918 г. после закрытия кафедры богословия Боголюбов посвятил себя православному пастырскому служению, но спокойно работать с прихожанами тоже не получилось: поработав в церкви Пирятинского уезда Полтавской губернии, он переезжает в Киев, служит в церкви на Печерске и в Покровской церкви на Приорке. Осенью 1925 г. приходским советом Нижнего Новгорода приглашает занять место настоятеля церкви Спаса в родном городе. Вскоре Боголюбова арестовывают; в заключении он провел около трех лет и был освобожден в августе 1930 г. очень больным человеком [Стоюхина, 2014, 2016]. Последние годы своей жизни занимался научным творчеством, завершая второй том «Философии религии», писал книги о Богородице и «Жизнь Иисуса Христа», которые, к сожалению, не сохранились.

Литература

1. Боголюбов Н. Марксизм и Наука. Нежин, 1912а.
2. Боголюбов Н.М. Новый социализм, его теория и практика // Голос церкви. 1912б. № 5-6. С. 188-206.
3. Боголюбов Н.М. Философия религии. Ч. 1. Историческая. Т.1. Киев, 1915.
4. Костригин А.А., Стоюхина Н.Ю. Умозрительная и интроспективная психология в России в XIX – начале XX вв.: определение понятий, границы направлений // Психология и психотехника. 2016. № 9. С.755-765.
5. Стоюхина Н.Ю. Богослов, философ и психолог протоиерей Николай Михайлович Боголюбов // Труды Нижегородской духовной семинарии. Выпуск 16. Нижний Новгород, 2016. С. 69-161.
6. Стоюхина Н.Ю. Религиозно-философская психология в творчестве Н.М. Боголюбова // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2014. №1. С. 198-208.

ОТ СМЕНЫ ТИПОВ НАУЧНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ В ПСИХОЛОГИИ К ИХ ИНТЕГРАЦИИ В КОНТЕКСТЕ СТАНОВЛЕНИЯ ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Николай Семенович Шадрин

Доктор психологических наук, кандидат философских наук, профессор

Павлодарский государственный педагогический университет

E-mail: nn_shadrin@mail.ru

В работе рассматриваются четыре типа научной картины мира в психологии (классическая, неклассическая, эволюционистская и постнеклассическая) и обосновываются перспективы их интеграции. Возможности такой интеграции демонстрируются на примере анализа развития ребенка и подростка.

Ключевые слова: картина мира, типы научной рациональности, неразвитость постнеклассической психологии, интеграция психологии.

FROM THE CHANGE OF SCIENTIFIC RATIONALITY TYPES IN PSYCHOLOGY TO THEIR INTEGRATION WITHIN THE CONTEXT OF THE EMERGENCE OF POSTNONCLASSICAL PSYCHOLOGY

Nikolay S. Shadrin

*Doctor of Psychology, Candidate of Philosophy, Professor
Pavlodar State Pedagogical University
E-mail: nn_shadrin@mail.ru*

Four types of scientific picture of the world in the psychology (classical, evolutionary, nonclassical and postnonclassical) are shown, and the perspectives of their integration are grounded in the paper. The possibilities of such integration are demonstrated by the example of development analysis of internal world of child and teenager.

Keywords: picture of the world, types of scientific rationality, undeveloped postnonclassical psychology, integration of psychology.

Проект интегративной психологии ориентирует на преодоление кризиса психологии. Но концептуальные «миры» множества школ и «парадигм» в психологии слишком фрагментарны по охвату, и напрямую интегрировать их нет смысла! Так, по Т. Куну, парадигмы отражают суть лишь отдельных явлений в науке – света в физике и т.д.

Фрейд создал не «парадигму психологии», а лишь «парадигму» (концепцию) бессознательной мотивации (биологическое влечение, или либидо) как образец понимания такого рода мотивации вообще. К. Левин, в свою очередь, глубже исследовал другие аспекты мотивации в рамках «пространственной» ее парадигмы.

Филологи говорят о парадигмах в том смысле, что, к примеру, различны парадигмы спряжения глаголов разного типа и т.п. В связи с изменениями парадигмы понимания явления возможен конфликт двух парадигм – новой и старой (Т. Кун). Трактовать парадигмы в более общем плане мы здесь отказываемся, – уж лучше говорить о «метадиagramмах» (А.В. Юревич).

В 10-е – 20-е годы XX века физики Запада признали наличие двух разных типов научной рациональности (научной картины мира) – классической и неклассической, поставив задачу их интеграции. Чуть позже в астрофизике и космологии была учтена роль эволюционистской картины мира (восходящей к И. Канту) – речь идет о концепции Большого взрыва, о теориях трансформации числа измерений в ходе «раздувания» Вселенной, наконец, о модели пульсирующей Вселенной Фридмана – Эйнштейна и т.д.

С этих позиций «просвет» в деле интеграции психологии можно связать с интеграцией разных типов научной рациональности в этой науке. Отталкиваясь от работ В.С.Степина, Л.А.Никитич, М.К.Мамардашвили, мы выделяем четыре типа научной рациональности (культуры): 1) классическая рациональность; 2) рациональность, основанная на принципе эволюции и развития; 3) неклассическая; 4) постнеклассическая рациональность. Все они предлагают свою картину мира, включая картину внутреннего мира человека, но их «стереоскопическое» совмещение задано именно в постнеклассической перспективе.

Классическая, «ньютоновская» научная рациональность предполагает идею универсального, абсолютного, всюду однородного мира-пространства, что выливалось уже у Декарта в параллелизм двух миров – субстанции протяженной (на базе которой объясняются телесные, рефлекторные акты поведения человека) и субстанции мыслящей (на ее основе объяснимы свобода души и аспекты ее самодерминации, в силу чего сознание постигается из себя). У Лейбница он обретает мягкие формы предустановленной гармонии телесного мира и мира душевной жизни (основанной на законах конечных причин), тяготеющей к идее универсального, абсолютного мира-пространства.

В классике возникло также общее понимание мира как пространства «событий» и их детерминаций, применимое и к внутреннему миру. При этом пространство осмысливалось как «порядок сосуществований» явлений в отличие от времени как «порядка их следования» (Лейбниц).

Второй тип научной рациональности, по Л.А. Никитич, основан «на принципе эволюции и развития» и вычленяется с позиций скорее временной, а не пространственной репрезентации изучаемой реальности. Рациональность второго типа (Дж. Вико, Ч.Дарвин, Г. Спенсер и весь

английский эволюционизм, гегелевские и марксистские концепции развития человека и общества и т.д.) вскрыла неравномерность и неоднородность времени развития систем (биологических, социальных и т.д.), делая упор в своей картине мира на временную составляющую. Отсюда идея «историчности законов», смены эволюционного и революционного, скачкообразного пути развития и т.д. Но старый взгляд на пространство как нечто однородное (служащее фоном для исторических изменений Системы) обусловил чрезмерный универсализм этих подходов. Развитие психики здесь увязано с эволюцией приспособительных форм поведения у животных, законов социальной жизни и т.д., что содержит свои противоречия (теория «двух факторов»).

Л.С.Выготский, сформировавшись в недрах рациональности второго типа, вышел на идею неклассической психологии. Он «сделал шаг вперед по сравнению с Марксом, говоря не просто о «производстве» сознания, а четко выделяя два масштабно различных мира: «большой» мир культуры и «малый» психологический мир личности, связанные отношениями интериоризации/экстериоризации» [Шадрин, 2012, с. 114]. Их несопоставимость ведет к признанию свободы («неопределенности») поведения индивида, «ориентированного» культурой. (Ср. макро- и микромир в неклассической физике).

Экзистенциалистская версия неклассики (Л. Бинсвангер и др.) также постулирует наличие двух различных по масштабам миров – локального мира «фактического» существования индивида и глобального Бытия; их единство достигается через трансценденцию личности к бытию.

Первая характеристика постнеклассической научной рациональности – переход к познанию «глобальных объектов» (В.С.Степин, Л.А.Никитич и др.). Она связана с постижением структурной сложности, «многомирности» и «многопространственности» мира в современном естественнонаучном, социальном и гуманитарном познании.

По Л.А.Никитич, объектом постнеклассической науки с середины XX в. впервые стали вся Земля, все живое (биосфера), Вселенная в целом и т.д.; то есть то, что относится к сфере глобальной экологии, новейшей космологии и т.д. Глобален также объект культурологии, верно относимой М.С. Гусельцевой к числу постнеклассических наук.

Введение аксиологических (ценностных) факторов в объяснительные модели (Л.А.Никитич) – второй важный признак постнеклассической науки. Согласно Т.В.Корниловой и С.Д.Смирнову, «внесение ценностного компонента в психологические теории отражает не столько специфику гуманитарной парадигмы в психологии, сколько связь их с общим изменением подходов к пониманию человека и его места в мире в период постнеклассической науки...» [Корнилова, Смирнов, 2011, с. 429-430]. По Т.В.Корниловой, «если ценностное предосмысление воссоздаваемой ситуации позитивно трактуется применительно к психотехническим практикам, то остается непонятным, почему это должно трактоваться негативно... применительно к исследовательской процедуре в научной психологии» [Корнилова, 2009, с.121].

Требование оформления ценностей как психологического концепта и даже компонента внутреннего мира психолога-практика определяет неустоявшийся и элитарный характер постнеклассики, ее слабое влияние по сравнению с классикой, эволюционизмом и неклассикой. Это мешает формированию объемного, «стереоскопического» видения внутреннего мира человека подобно тому, как дефект лишь одной линзы стереоскопа нарушает объемное видение объекта съемки.

Рассмотрим развития психики ребенка и подростка. Значимость эволюционного подхода тут очевидна. Развитие внутреннего мира ребенка как субъекта индивидуальной жизни проходит стадии мира индивида (новорожденный), субъекта деятельности (ребенок в раннем детстве, осваивающий, по Д.Э. Эльконину, с года до трех лет многообразие способов предметной деятельности) и, наконец, личности (3,5 года).

Неклассическая психология, в лице культурно-исторической психологии, напоминает нам здесь о роли интериоризации всеобщих достижений «большого» мира культуры (например, роль сенсорных эталонов в развитии восприятия ребенка и т.д.). (По сути, это движение от макро-мира Культуры к микро-миру психики.) Экзистенциальная же версия неклассики говорит о трансцендировании личностного существования подростка и взрослого к глобальному Бытию, что проявляется в экзистенциальной тревоге, страхе и т.д.

Постнеклассическая психология дает нам ключ к миру индивидуальности ребенка (и далее взрослого) как «миру миров», т.е. единству мира индивида, мира субъекта деятельности и

мира личности: они не только чередуются, но и со-существуют в цельном мире индивидуальности.

Обращаясь особо к проблеме личности, отметим, что еще сейчас исходят из ее понимания как носителя общественных отношений (А.Н. Леонтьев). (Этому взгляду отдавал дань и автор этих строк.) Но уже В.В. Давыдов указал, что у Маркса «конкретная деятельность субъекта... осуществляется лишь в системе общественных отношений» [Давыдов, 1988, с. 29].

То есть социальные отношения релевантны скорее субъекту предметной деятельности, считающемуся с их реалиями; вне них его (субъекта) «сущностные силы» и способности не выступают в своем реальном «действии» (Wirken), «в своей действительности» (in seiner Wirklichkeit), по словам Маркса. Личность же (в ключе идей экзистенциализма) корректнее рассматривать как форму существования, устремленную к Бытию.

Но тут следует говорить об интеграции не в Бытие «вообще», а именно в социальное (совместное) бытие людей и его формы. Развитая личность (подросток и взрослый) в своем существовании (а оно, по Буберу, есть со-существование!) не только реализует «бросок» (Entwurf) к глобальному Бытию (экзистенциализм), но и поэтапно включается в миры-пространства социокультурных общностей все более широкого масштаба (мир семьи, мир поселения, региона, мир этнической общности и, наконец, мир релевантной «малой родины» индивида локальной цивилизации). В этом корень идеи ответственной, «соучастной» позиции личности в социальном бытии и многообразии его форм (С.Л.Рубинштейн, А.Г.Асмолов), в чем «проскальзывает» уже постнеклассическая точка зрения. Нередко встречающееся сейчас «замыкание» личности в ограниченных по масштабам мирах-пространствах, к примеру, клановых группировок (когда сам принцип клановости утверждается в масштабах всего общества!), – один из истоков отчуждения личности в наших условиях.

De facto в струе постнеклассики формируются базовые концепты теории личности: категория «общности» (О.П. Елисеев) в ее многообразии, идея «образа жизни» и разнообразия «образов жизни» (А.Г. Асмолов) и т.д. При этом нельзя терять из виду и универсальные, всеобщие измерения «большого» мира Культуры в ее целом, необходимость «освоения» которых («напрямую», в контактах со взрослым и учителем) может быть институционально задана в обучении, – а это уже неклассические подходы.

Ценности личности определяют как генерализованные мотивы-смыслы (Д.А.Леонтьев), хотя, на наш взгляд, они представимы и как образы – «модели должного», по Маслоу. Они возникают на высшем, духовном уровне развития личности (взгляд эволюционизма). С позиций неклассики они связаны с трансценденцией личности к смыслу Бытия (Сартр), а в ключе постнеклассики они есть измерения, вбирающие духовный опыт масштабных социальных общностей людей, интегрирующих в себе другие общности (миры).

Итак, синтез типов научной рациональности может прояснить важные грани внутреннего мира человека даже на самых высоких уровнях его развития!

Литература

1. Давыдов В.В. О понятии личности в современной психологии // Вопросы психологии. 1988. №4. С. 22-32.
2. Корнилова Т.В. Означает ли свободная конкуренция идей отказ от критериев научности в психологии? // Прогресс психологии: Критерии и признаки / под ред. А.Л. Журавлева, Т.Д. Марцинковской, А.В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. С.111-125.
3. Корнилова Т.В., Смирнов С.Д. Методологические основы психологии. М.: Изд-во Юрайт, 2011.
4. Шадрин Н.С. Проблема детерминации (самодетерминации) поведения в культурно-исторической и экзистенциальной психологии // Культурно-историческая психология. 2012. №2. С. 113-122.

АЛХИМИЯ ИНДИВИДУАЦИИ

Лидия Алексеевна Сурина

Российская медицинская академия последипломного образования

E-mail: sla57@mail.ru

Автором доклада предложена модель индивидуационного пути некоего Героя как символическое движение по Зодиакальному кругу. Трёхкратное прохождение четырёх стихий соотнесено с тремя началами материальной природы – гунами индуистской философии санкхья – и тремя уровнями глубинно-психологического осознания Эго на пути к Самости, а каждый этап 12-частного пути соотнесён с алхимической стадией Великого Делания.

Ключевые слова: индивидуация, К.Г. Юнг, Зодиакальный круг, алхимические стадии, гуны индуистской философии санкхья.

ALCHEMY OF INDIVIDUATION

Lidia A. Surina

Russian Medical Academy of Postgraduate Education

E-mail: sla57@mail.ru

The author of this article proposed a model of the Way of individuation of a certain Hero as a symbolic movement along the Zodiacal circle. The threefold passage of the four elements is correlated with the three principles of material nature – the modes of the Hindu philosophy of the Sankhya – and the three levels of the deep-psychological comprehension of the Ego on the path to the Self (in the context of the theory of Carl Gustav Jung), and each stage of the 12-particular path is correlated with the alchemical stage of the Great Work (Opus Magnum).

Keywords: individuation, C.G. Jung, the Zodiacal circle, the alchemical stages, the modes of the Hindu philosophy of the Sankhya.

Индивидуация – важнейшее понятие аналитической психологии К.Г. Юнга, означающее путь духовного становления личности. Две символические системы – алхимия и астрология – помогут нам понять суть индивидуации. Символизм круга, по которому совершается движение, даёт астрологическая система – это Зодиакальный круг, состоящий из 12 знаков Зодиака, в котором 4 стихии повторяются трижды.

Древняя мудрость индуистской философии санкхья учит, что всё в мире находится в одном из трёх состояний (гун): созидания (саттва), осуществления (тамас) и трансформации (раджас). К первой гуне относятся Овен, Телец, Близнецы и Рак, где знаки представляют первоначальное выражение соответствующих стихий, которые ещё не вполне осознают себя. Ко второй зоне относятся Лев, Дева, Весы и Скорпион. Здесь знаки представляют наиболее выраженное проявление стихий. К третьей зоне относятся Стрелец, Козерог, Водолей и Рыбы. Здесь стихии выражают себя более тонко и уже частично трансформируются в следующую по порядку.

Зона Зодиака и соответствующие гуны можно соотнести с тремя уровнями психологического осознания Эго на пути к Самости. Так, зона созидания соответствуют стихийному, бессознательному проявлению Эго (детское, инфантильное сознание); зона осуществления – становлению осознания Эго (взрослое, зрелое сознание); а зона трансформации соответствует осознанному развитию Эго, ориентированного на Самость, с постепенным освобождением от Эго (мудрое, свободное сознание).

Представьте, что некий Герой отправляется в Путь и начинает он своё движение с символического рождения в первом знаке Зодиака – Овне. Алхимическая стадия этого этапа, – *Calcinatio*, или Прокаливание.

Что важно сделать, когда Герой родился? – Укорениться, обрести устойчивость в земном знаке Тельца, символизирующем обретение опоры, бессознательное обогащение и первую оценку ценностей. Алхимическая операция этого этапа – *Coagulatio*, уплотнение, затвердевание. С психологической точки зрения, *coagulatio* связано с Эго-структурами.

Что нужно сделать Герою, когда он обрёл устойчивость в новом для себя мире? – Оглядеться по сторонам, познакомиться с окружением, установить связи в воздушном знаке Близнецов – и инстинктивно, бессознательно выбирает себе пару. Алхимическая стадия данного этапа – *Fixatio*, фиксация. Герой и его избранница оказываются в одной “алхимической ванне” – едином психическом поле, и происходит слияние: осуществляется мистерия Рака – первого знака стихии воды. Это происходит бессознательно, носит характер симбиотического

слияния и сопровождается глубокой зависимостью от объекта. Это растворение в возлюбленном является первой смертью – но здесь оно не осознаётся, а переживается таковым только в случае разрыва, распада пары.

Алхимическая операция, соответствующая данной стадии, называется *Solutio* – растворение. Алхимическая ванна общего психического поля превращается в любовное ложе, где происходит соитие – и зачатие нового состояния Эго. Смерть детского, инфантильного сознания неизбежна – чтобы родилось Эго, осознающее себя, способное к взрослой, зрелой автономности.

Символической смертью прежнего состояния Эго завершается каждый этап прохождения стихий и осуществляется переход к новой стадии развития Эго.

Далее Герой вновь переживает символическое рождение в стихии Огня – знаке Льва. Плод, зачатый в Раке, рождается во Льве как Эго, осознающее себя в новом состоянии взрослости. Однако Герою предстоят трудные испытания – как ростку, прорастающему из зерна сквозь толщу земли. Гуна тамас, соответствующая зоне оформления, – тёмная, подобно чёрной стадии *Nigredo* в алхимии. Ей соответствует операция *Putrefactio* – гниение материала. Алхимики считали, что сначала всё должно перегнить, распасться, тогда появится исходный материал для дальнейшей трансформации. Лев, нижнее Солнце алхимиков, является зооморфным аспектом маскулинного сознания – Эго, склонного к гордости и влечениям. Алхимический текст говорит, что он должен быть разрушен [Юнг, 2003: 21].

Следующий знак Девы символизирует выращенный урожай, который был рождён в знаке Льва. Дева олицетворяет личное служение – сбор урожая, и происходит вторая оценка ценностей. Знак Девы связан с очищением, поэтому алхимическая операция этого этапа – *Distillatio*, перегонка.

Что нужно сделать, когда урожай собран? Отделить зёрна от плевел и взвесить его в воздушном знаке Весов. Появляется горизонталь – ось Овен-Весы – и возможность чёткого видения партнёра в реальном свете, без иллюзорного флёра ожиданий и проекций. Герой осознаёт, что такое истинное партнёрство, и сочетается браком со своей избранницей. Это Алхимическая свадьба – *Conjunctio*, мистический союз противоположностей.

Мы взвесили урожай, отделили зёрна от плевел, и теперь нужно уничтожить плевелы и выйти на новый этап развития. В знаке Скорпиона Эго окончательно очищается от привязанностей и готовится к выходу за пределы ограничений, продиктованных безопасностью, и расширению горизонтов, которые Герой обретёт на третьем этапе продвижения – в зоне трансформации. Алхимическая стадия, соответствующая Скорпиону, – *Separatio*, разделение, отделение субъекта от объекта.

После переживания смерти в процессе сепарации в знаке Скорпиона Герой готов к самостоятельности и расширению своего мира. Этот выход за пределы Эго и осуществляется в знаке Стрельца. Происходит третье рождение Эго Героя на новом уровне осознанности. Эго освобождается от ложного представления о своей исключительности и ориентируется на Самость. Алхимическая операция этого этапа – *Sublimatio*, возгонка. Душа словно возносится вверх на обрётённых крыльях, свободная от страхов и ложных ограничений, и готова к свободному творчеству.

Вырвавшийся на свободу Герой на следующем этапе движения – в земном знаке Козерога – достигает вершины. Козерог творит формы на стыке материального и духовного миров. Герой достигает точки Зодиакального зенита, и появляется вертикаль – ось Козерог-Рак, которая символически отражает ось Эго-Самость – внутреннюю духовную опору Героя. Алхимический смысл достижения вершины символизирует обретение Философского Камня и завершения Великого Делания. Дальнейшее движение по двум оставшимся знакам Зодиака становится служением Адепта, Мастера, способного поделиться с миром своим обретением. Философский Камень Козерога соединяет стихию Земли с тонким, духовным планом. Алхимическая операция данного этапа – *Exaltatio*, возвышение, кульминация. Алхимическая стадия *Rubedo* – “красная стадия” – соответствует “красной” гуне раджас – состоянию радости Жизни, осознанному творческому бытию.

Что может сделать Герой, уже достигший своей вершины? – Взлететь! И он взлетает в небо в воздушном знаке Водолея – знаке свободы, равенства и братства. Это знак свободного партнёрства, и выбор людей быть вместе является осознанным и ответственным. Алхимическая операция этого этапа – *Multiplicatio*, умножение. Философский Камень, обрётённый в знаке Козерога, в Водолее умножается и распространяется на всех, готовых его принять.

Что остаётся Герою, парящему в небе в сводном полёте? – Соединиться со всем сущим в знаке Рыб, ощутить всеобщую связь всего со всем, раствориться в счастливом единстве объективного психического в полной осознанности, чтобы затем совершить квантовый скачок – и вновь родиться в знаке Овна в преображённом виде, снова совершить путь по Зодиакальному кругу, только уже на новом уровне своего развития.

В водном знаке Рыб Герой переживает третью смерть – смерть Эго, которое асимптотически соединяется с Самостью. В отличие от неосознаваемой смерти Рака и мучительной смерти Скорпиона, смерть в знаке Рыб переживается как нирвана – блаженное ощущение всеобщего единения. На внутреннем плане это ощущается как состояние андрогинности, психической целостности. Алхимическим аналогом данного состояния является образ Андрогина, гармонично объединившего в себе маскулинное и феминное начала, а алхимической операцией является *Projectio* – проекция, когда частица Философского Камня проецируется в мир для его трансформации.

Итак, великий круг пройден, Герой прошёл четыре стихии трижды – и осознал, что каждая стихия дарует свой особенный смысл на определённом уровне:

Огонь – рождение, утверждение себя;

Земля – богатство, достижения;

Воздух – взаимоотношения, партнёрство;

Вода – смерть, трансформация.

Пройдя через три зоны Зодиака, Герой позволил своему сознанию совершить эволюцию от бессознательного состояния Эго к его осознанному проживанию, чтобы освободиться от единоличной власти Эго и ориентировать его на Самость – истинную суть своей личности.

Литература

1. Юнг. К.Г. *Mysterium Coniunctionis*. Изд. «Харвест» 2003.

Первый Конгресс Русского общества истории
и философии науки
«История и философия науки в эпоху перемен»

Том 3

Сборник научных статей
Сетевое электронное издание

Научная редакция и составление - И.Т. Касавин, Т.Д. Соколова,
В.А. Лекторский, Е.О. Труфанова, В.А. Мазиллов, В.Ф. Петренко.

Компьютерная верстка: Т.М. Хусяинов

Подписано к использованию 30.07.2018.

Формат: PDF/A. Усл. печ. л. 10,4.

Объем данных - 2,2 Мбайт.

Минимальные системные требования:
браузер Google Chrome v. 2.0 и выше,
пропускная способность сетевого подключения не менее 128 кбит/с.

Издательство «Русское общество истории и философии науки»

105062, Россия, Москва, Лялин пер., д. 1/36, стр. 2, комн. 2.

E-mail: info@rshps.ru

ISBN 978-5-6041212-2-1

9 785604 121221